

ISSN 2227-4413

ВЕЛИКОРОССЪ

Литературно-исторический журнал

№4(22) 2016

Главный редактор –
Иван ГОЛУБНИЧИЙ

Шеф-редактор –
Светлана ЗАМЛЕЛОВА

Зав. редакцией –
Галина МАМОНТОВА
galina-mamontova@mail.ru

Ответственный секретарь –
Николай ГОЛОВКИН
nikgolovkin@yandex.ru

Художник-верстальщик –
Рита ВОДЕНИНА

Редактор-корректор –
Николай АЛЕКСЕЕВ

Адрес:

141730, Московская область,
г. Лобня, ул. Крупской,
д. 16, кв. 111

Телефон:

8 (916) 717-38-09

**Рукописи и отзывы
принимаются по e-mail:**
nikgolovkin@yandex.ru

Электронная версия:
www.velykoross.ru

В номере:

Слово главного редактора3

ПОЭЗИЯ

Людмила ЩИПАХИНА
«Не злите Россию, “хозяева мира”...»4

Борис РЯБУХИН
«Поэт живёт, когда умрёт...»20

Юрий БОГДАНОВ
Святой венец Руси36

Виктор КАШКИН
«Как хорошо вчера на крестном ходе...»59

Тамара ПОТЁМКИНА
«Я желаю вам мира и счастья...»66

Анна МАЯКОВА
«Божий мир созерцать»74

Владимир МОЛЧАНОВ
«На земле живём гостями...»78

Сергей ЛЕБЕДЕВ
«Только нам никогда не забыть...»92

Илья ЧЕХОВ
«Там, на далёкой пристани...»108

Василий КУЗНЕЦОВ
Чукотские зарисовки118

Инна МУХИНА
«В перекрестьях судьбы...»124

Надежда ОХРИМЕНКО
«О, память сердца, не молчи...»140

Татьяна ШУВАЛОВА (ПЕТРОВСКАЯ)
«Вновь мир окутан в нити серебра...»151

Анатолий УВАРОВ
«И снова в юность возвращаюсь...»161

Некоммерческое издание
Литературно-исторический
журнал **ВЕЛИКОРОССЪ**
№4(22) 2016
Выходит четыре раза в год

16+

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
06.07.10.

Свидетельство о регистрации:
ПИ №ФС77-40753.

Учредитель:
Макеева С.Г.

Издатель:
ООО «Издательский дом
ВЕЛИКОРОССЪ»

Подписано в печать 27.12.16.
Формат 70x108/16.
Усл. печ. л. 16,8.
Тираж 1000 экз.
Заказ D-1

Отпечатано
в цифровой типографии
«Буки Веди» на оборудовании
KonicaMinolta
ООО «Ваш полиграфический
партнер», 127238, г. Москва,
Ильменский пр-д, д. 1, корп. 6.
Тел.: (495) 926-63-96,
www.bukivedi.com,
info@bukivedi.com

Мнение редакции необязательно совпадает с мнением автора. Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты. Редакция в переписку не вступает. Рукописи не рецензируются. Принятые рукописи могут быть отредактированы. Любое воспроизведение материалов или их фрагментов на любом языке возможно только с письменного разрешения правообладателя.

© Литературно-исторический журнал «Великороссъ», 2016
© Авторы, 2016

ПАМЯТЬ

- Николай БЛОХИН*
Костромской Александр Пушкин16
- Василий ПОЛЯКОВ*
Вера25
- Сергей ЧЕРНЫШЕВ*
Хозяйка Абрамцева50

ПРОЗА

- Татьяна ЧЕРНОВА*
Свинья Ивана Грозного89
- Виктор БИРЮЛИН*
Спокойнее, спокойнее, господа...144
- Андрей ОВЧИННИКОВ*
Кремнистый путь154

ПУБЛИЦИСТИКА

- Светлана КОППЕЛ-КОВТУН*
Человек человеку – волк, брат, ангел или
бревно?62
- Иван ГОЛУБНИЧИЙ*
Единственно верный путь69

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

- Любовь РЫЖКОВА*
Победоносная ноосфера. Лев Гумилёв:
традиции и заблуждения94

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Хасан ТУРКАЕВ*
Сеятель и хранитель художественных
сокровищ129

ЯЗЫКОВЕДЕНИЕ

- Михаил БЕРЕДИН*
Метафизика логоса166

Слово главного редактора

Уважаемый читатель, дорогой соотечественник!

Прошедший 2016 год не только подтвердил неизбежность и неотвратимость грядущих перемен во всём мироустройстве, но и обозначил направленность этих перемен. Сегодня можно уверенно сказать, что народы мира устали от либеральных грёз, превращающих человеческую жизнь в фикцию и делающих человека объектом манипуляций в руках неких транснациональных сил со смутными, но зловещими целями. Народы и нации не желают более безропотно подчиняться диктатуре разного рода «меньшинств» и стыдиться своей нормальности и идентичности. Ряд событий (в том числе и прошедшие недавно президентские выборы в США) убедительно показали, что даже отработанные принципы западной демократии, на протяжении долгого времени безотказно обеспечивавшие гарантии вышеназванной диктатуре, исчерпывают себя, когда широкие народные массы принимают более-менее единое, обобщённое внутреннее решение. И тогда «неожиданно» перестают действовать выморочные догмы и антигуманистические идеологические модели, и разные общества вдруг начинают методично отторгать чуждое и противное человеческой природе, навязанное им за прошедшие годы культа либеральной демократии. Нет сомнения, что в обновляющемся мире будет множество проблем, в том числе и являющихся наследием уходящей действительности. Но очень важно вернуть во взаимоотношения между странами и народами (а также и между людьми) основополагающие принципы, делающие человека человеком. Пусть в обновлённом, очистившемся мире мужчины будут мужчинами, женщины – женщинами, сильные – сильными, слабые – слабыми, честные – честными, подлые – подлыми... И на основании этих естественных, нормальных представлений человечество будет стремиться в будущее и поддерживать равновесие мировой истории – равновесие хрупкое и нестабильное, но необходимое.

Наступающий 2017 год несёт всем нам новые надежды. Россия с уверенностью смотрит в будущее. Журнал ВЕЛИКОРОССЪ поздравляет всех наших авторов и читателей с Новым годом! Счастья вам, добра и благополучия!

Иван ГОЛУБНИЧИЙ

Кандидат филологических наук
Заслуженный работник культуры Российской Федерации
Заслуженный работник культуры Чеченской Республики
Заслуженный работник культуры Республики Дагестан

ПОЭЗИЯ

Людмила ЩИПАХИНА

ЛЮДМИЛА ЩИПАХИНА

Людмила Васильевна Щипахина – поэт, член Московской городской организации СП России. Родилась на Урале, в Екатеринбурге. Окончила Литературный институт им. М. Горького. Автор более тридцати книг стихов и полтора десятка книг переводов с языков народов СССР. Секретарь Правления Международной Ассоциации писателей баталлистов и маринистов. Член Исполкома Международного Сообщества писательских Союзов, Лауреат литературной премии им. Константина Симонова. Награждена орденами – «Дружба народов» и «Знак почёта», медалями. На стихи Людмилы Щипахиной написаны песни в содружестве с композиторами – Людмилой Лядовой, Вадимом Орловецким, Эдуардом Колмановским.
Живёт в Москве.

«Не злите Россию, “хозяева мира”...»

Осмеянные патриоты

У них священные заботы –
Спасать Отечество и нас...
Осмеянные патриоты –
Отверженный эпохой класс.

По убеждению, не в спешке,
Несут идей высоких свет,
Презрев ухмылки и усмешки
В лицо, и в спину, и вослед...

От них дрожат не понарошку
Владельцы замков и валют,
Где можно, ставят им подножку,
А где, нельзя – наотмашь бьют.

И даже слово – «патриоты» –
Как символ – «тайные враги»,
Совки, изгой, идиоты.
А дальше – только матюги.

...В их скромном подвиге великом
Залог добра грядущих лет!
А время «икс» к священным ликам
Ещё причислит их портрет...

Элита

Какая такая «элита»?
Ворюги, что смотрят сердито.
У нас отобравшие крохи,
Герои продажной эпохи.

И что за элита такая,
Что держится, лжи потакая?
Чуждается правды насущей
И машет рукой загребущей.

Сопит у чужого корыта
Элита с душой троглодита.
Ни Света культуры, ни чести...
Лишь с биржи – последние вести.

Презренны её абсолюты:
Ты – ноль, если нету валюты.
А, если ещё патриот,
Ты, просто, – совсем идиот.

Нахально, легко и беспечно
Живёт в телевизоре вечно,
Презреньем страны не убита,
Российская эта элита...

Элита – и сговор, и крыша!
Она окопалась и ...выше.
И плохо совсем сознаёт,
Что ВЫШЕ – лишь БОГ и НАРОД!

Предновогоднее

Не будем на погоду сетовать,
Ругать её или хвалить.
Давай о вечности беседовать
И о великом говорить...

В гостях у жизни мы не лишние!
Она нам оказала честь:
Верны друзья, здоровы ближние
И, слава Богу, силы есть!

Не всё, что ждали, совершается...
Но знаем, что в тяжёлый час
В нас очень Родина нуждается,
Хотя, порой, плюёт на нас...

И жизнь – неистово и бешено
По венам горячо течёт.
А что погода? Это – внешнее...
Её ли принимать в расчёт?

Всё в мире и старо, и молодо.
И каждый день встаёт не зря...
Прозрачный свет снегов и холода –
Волшебный праздник декабря!

Человек декабря

Где лёд не растает и снег,
Где чайнику зябко и свечке, –
Декабрьский живёт человек,
Холодный, как прорубь на речке.

Притихла под ношей людской
Душа, укрощённая в теле.
Пугают морозной тоской
Глаза его цвета метели.

Живёт под звездой декабря
На кромке зимы и простуды.
И холодно светит заря
На книжно-бумажные груды.

И суть различима едва.
И кажется облик – ошибкой.
И мёрзнут скупые слова,
Прикрытые скорбной улыбкой...

Неужто над ним вдалеке
Метель так жестоко кружила,
Что иней возник на руке,
Которую я приложила?..

И если неясный огонь
Толкал мои чувства к избытку,
Неужто, отдёргнув ладонь,
Раскаюсь за эту попытку?

...А время летит под откос.
И спрячется тело в одежду.
...И снова декабрьский мороз
Подаст и отнимет надежду...

Золотой миллиард

Золотой миллиард – золотую судьбу
Запечатал в свои хромосомы...
Он вселенские горести – видел в гробу!
А из плача – построил хоромы.

За столом торжества восседает кагал.
Теснота у кормящего блюда.
И сибирскую нефть в золочёный бокал
Наливает российский Иуда...

Пошляки от искусства впадают в экстаз,
Продлевая убожество суток.
Бриллиантовой страстью оплачен заказ
На ушах дорогих проституток.

Беспощадные вихри смертей и потерь.
Зная тайные коды и фразы,
Золотой миллиард охраняет, как зверь,
Золотые свои унитазы.

Только зренью мешает виденье вдали.
Там убогие, или святые
Пребывают, как мусор, на кромке земли...
...Хоть и души у них – золотые.

Русская идея

Не тяготясь нагрузкою,
Сквозь зыбкий свет и мрак,
Идею ищем русскую,
Национальный знак.

Не за поклон и премию,
Не за иную мзду...
Идея – стёрлась временем.
В огне, в смертях, в бреду.

Лучом, крестом и знаменем
Пребывшая всегда, –
Уж чуть заметным пламенем
Мерцает сквозь года...

Святых умов пророчество,
Веков священный труд...
А как ей имя-отчество?
И как её зовут?

Она зовётся – СОВЕСТЬЮ.
И с РАЗУМОМ в ладу:
«Трудиться – по способностям.
И благо – по труду».

Придёт поэт...

На всё, что смутно до сих пор,
Ищи в поэзии ответа...
Не зря на чушь и всякий вздор
Находятся слова поэта.

Пока умы святых голов
Натужно истину штурмуют,
Поэт напишет пару слов
И все проблемы зарифмует!

А коль тяжки твои грехи,
Прощенья нет – одна досада, –
Цитируй нужные стихи,
И всё уладится, как надо...

Да и в любви одной строки
Порой, довольно – вызвать чувство!
Поэт, дела твои крепки
И благодетельно искусство.

В идейных войнах – рядовой.
Ритм строчек – соразмерен с битвой.
Ты первый на передовой
С победным кличем и молитвой!

Как дальше сложатся года?
Что мир разъединит? Что свяжет?
...Не сомневайтесь, господа, –
Придёт поэт.
И всё подскажет...

Навеяло...

Не говори, что независим!
Не верь наивно в эту ложь!
Ты каждый миг у вечных истин
В суровой кабале живёшь.

Уже с рождения – зависим!
Хоть отрекаешься хитро.
От дел, от случая, от писем
От стрелки, сломанной в метро.

От грозных рисков лихолетья,
Где дым войны горяч и густ.
Ты – в кабале проблем столетья.
Ты – в рабстве у прекрасных чувств...

Ты мерой глубины и выси
Сверяешь собственные дни.
Не говори, что – независим!
Смирись и голову склони.

Да будь ты неуч или профи,
Да будь ты трус или герой..
...Ведь иногда от чашки кофе
Зависит и судьба... Порой...

Не во имя Света,
Не во славу Божью –
Бедная Планета
Захлебнулась ложью.

Врут неугомно!
За глаза и лично.
Вслух и в микрофоны.
Гласно и публично.

Ссорятся за архи-
Мега-дивиденды.
Лживые монархи,
Пешки-президенты.

Вечный зов и шорох
Капиталов мира...
И наглец в офшорах
С головой Сатира...

Долго ль слушать будем?
Окормляться ложью?
И бродить по будням,
Как по бездорожью?

Шестая колонна

Под тайным покровом закона,
В поддержку народно-проклятой,
Вползает шестая колонна,
Примкнув к опозоренной, пятой.

Но тоньше ключи подбирает.
И против ветров – не плюёт.
На струнах державных играет
И русские песни поёт...

И слышится с чувством особым,
Как там о любви говорят,
Где антисемит с русофобом
Обнявшись, в Госдуме сидят.

Покаяться всем и забыться!
Простить и не думать о том,
Как хочется им раствориться
В народном доверье святом.

Но хитрая, хищная стая
Не выбьет наш праведный код!
Давай, до свиданья, шестая. –
Шестёрка заморских господ!

Россия

Крепка любовь и память о былом...
Опомнились мужи её и дети.
Не уничтожил ни распад, ни слом
Её надежду, – равную победе!

Россия копит главные слова...
Стряхнёт проклятья аспидного груза!
Она – святая, грозная вдова
Погибшего Советского Союза.

Сон совка...

...Ночного сознанья помарки,
И вещей, зловецкий обвал,
Где вдруг господы-олигархи
Вернули стране капитал...

И братских республик знамёна
Сомкнулись. И древко – крепко!
И даже шестая колонна
Позорно сдалась и легко...

И правит в Отчизне прекрасной
Закон справедливый и суд.
И служба не в лавочке частной,
А в госпредприятии труд.

А сон всё листает страницы,
Где в книжке – счастливый конец:
Коттедж, превращённый в больницу
И в школу – Рублёвский дворец...

И наша Россия – не Рашка,
Товарищи – не господа.
...Рассвет.
И кофейная чашка...
А утро – прекрасно всегда!

Твой гость

Я пришла. Твой непрошенный гость.
Мне отрадно в заветном доме.
Ореол я повешу на гвоздь
И эфирные крылья сниму.

Долгой жизни короткая весть.
Выплеск огненный кратких минут.
Где покаяться, если не здесь?
Где расплакаться, если не тут?

Не войду ни в какую игру...
Просто грустно и радостно мне.
Отдышусь, улыбнусь и замру,
Прикоснувшись к твоей седине.

Ничего нам теперь не грозит...
Посажу и уйду не спеша.
Просто, скажет недолгий визит,
Что ещё не пропала душа...

Не злите Россию!

Не злите Россию, «хозяева мира»!
Умерьте порыв воспалённых амбиций.
Наследственный босс и валютный проныра,
Не вам контролировать наши границы!

Мы мирные люди, творцы, но не боги,
И нас невозможно скрутить и связать.
Не злите Россию! Медведь из берлоги
Однажды выходит, чтоб всех растерзать.

Живём и от зла расчищаем дорогу.
Под вечным прицелом – окрепла страна...
Вручаем судьбу христианскому Богу,
Хоть нашу ракету зовут – «Сатана»!

Пойми эту правду, заморский учитель,
Продажный хитрец и богатый патрон!
Не злите Россию!
И не сотворите
Вселенское бедствие –
Армагеддон!

Над листом бумаги...

Зелёный шум, ночные грозы,
Шмели лесные и стрекозы,
И сок подземный, и смола...
И то ли слёзы, то ль опилки
Текут ручьём у лесопилки
Под телом каждого ствола...
Озон и память о пожарах
Сгорят в стальных резервуарах.
И кольца лет. И птиц полёт...
И солнце, жёлтое, как хина,
Индустриальная машина
Смешает всё! И всё прервёт!
Зато потом, как выброс флага,
Плеснёт по жёлобу бумага –
Застывший добела костёр.
И то ль опилки, то ли слёзы
Осядут сгустком целлюлозы
На бесконечный транспортёр...
...А в ночь, когда подобьем блага
Придёт желанная отвага

Мне снова взяться за строку,
Неужто в пору новолунья
Предстану я пред ней, как лгунья,
И лишь презренье навлеку?
Неужто ради низких целей
Предам я свет берёз и елей?
И ту рябиновую кисть?..
Неужто на бумаге нежной
Я выведу рукою грешной
Строку,
Таящую корысть?

Жива интеллигенция...

Если нет важнее подвига,
Чем борьба – за каравай,
То культура, просто, по-фигу,
Лишь – валюту подавай!

Преференции, субвенции...
Разворуют, всё равно.
Но – жива интеллигенция!
Не гнилая. Не «говно».

Охранитель духа кровного,
Страж в наследстве дорогом.
Нищим днём не обворована,
Не убита бардаком.

И, кормясь святою пищею,
Не коря свою судьбу,
Эти доблестные нищие
Держат правду на горбу.

Хоть повсюду отупение
И проплаченный почёт, –
Но загадка русских гениев
В жилах праведных течёт!

Свет талантов, мудрость книжников
Не исчезнут никогда.
...Без поэтов и подвижников
Мир – не общность. А – орда!

Переделкино

Здесь странные люди живут,
Исполнены дерзкой отваги
Считать за ответственный труд –
Скольжение пера по бумаге...

Они одержимы весьма,
Гоняясь за счастьем случайным:
Связать наблюденье ума
С каким-то наитием тайным.

А с виду они простаки.
Хоть многое видят и знают.
И шлют им, порою, плевки.
И даже ногами пинают...

Но неколебима их суть –
Таланта извечная драма...
И сладко, порою, вдохнуть
Летучий дымок фимиама...

В незримой работе всегда
На этой невидимой суше...
Ведь СЛОВО берёт города!
Спасает народы и души!

...Перо не уронит рука.
Отрадно от творческих бдений...
...И мне б прикоснуться слегка
К наследникам этих владений!..

Слышу голос

Над Великим океаном,
Над размытой кромкой суши
Слышу чей-то голос странный:
«СОС! Спасите наши души!»

Кто тревожит слух мой чуткий?
Кто мне ветром дует в уши?
Кто пугает криком жутким:
«СОС! Спасите наши души!»

Что с твоей душой несчастной?
Что с твоей судьбою брэнной?
Не тебя ли день ненастный
Поглощает во вселенной?

Это ты стоишь над бездной,
Защищая убежденья,
Современник мой любезный,
Кровный брат мой по рождению.

Над враждебной преградой
Обломав бывшие крылья,
Ты, поверженный неправдой,
Умираешь от бессилья...

В скорби над какой разлукой
Чувства праведные прячешь?
Над какой болееешь мукой?
Над какой победой – плачешь?

Ну, а я, – под мирной крышей,
Вдалеке от бед и стужи, –
Слышу голос... Голос слышу:
«СОС! Спасите наши души!»

ПАМЯТЬ

Костромской Александр Пушкин

17 марта 1888 года на Кавказских Минеральных Водах умер Лев Александрович Пушкин, предводитель дворянства Кинешемского уезда Костромской губернии с 1857 по 1864 годы. Тело покойного родственники перевезли на родину и похоронили на кладбище села Козловка, близ усадьбы Новинки Костромской губернии.

Усадьба Новинки

Лев Александрович родился в усадьбе Новинки 25 февраля 1816 года. Значит, от роду ему было 72 года.

Новинки – костромское имение Александры Ларионовны (в родовом древе поэта А.С. Пушкина у неё указано другое отчество: Илларионовна – Н.Б.) Пушкиной (урождённой Молчановой), родной матери Льва Александровича, которое она получила в приданое, когда выходила замуж за Александра Юрьевича Пушкина, родного отца Льва Александровича.

Брак Александры Ларионовны и Александра Юрьевича Пушкиных был совершён в Москве в 1807 году. У них было двое детей: старший сын Николай Александрович, который родился 5 февраля 1813 года, и младший сын Лев Александрович, с которого мы начали рассказ.

О родителях Льва Александровича Пушкина известно немного. Мать Александра Ларионовна – дочь известного московского и костромского помещика Лариона Васильевича Молчанова. Молчановы владели в Костромской губернии многими деревнями и усадьбами.

Отец Александр Юрьевич, родившийся 3 июля 1777 года, – сын тамбовского помещика Юрия Алексеевича Пушкина, которому принадлежало имение – село Покровское Липецкого уезда Тамбовской области.

Нас же интересует, в каких родственных отношениях состояли костромские Пушкины с великим русским поэтом.

Николай БЛОХИН

Николай Фёдорович Блохин – родился в 1952 г. на Ставрополье, окончил отделение журналистики Ростовского-на-Дону государственного университета и редакторское отделение Высшей партийной школы при ЦК Компартии Украины. Работал в средствах массовой информации Ставрополя, Волгограда, Луганска, Киева корреспондентом, заведующим отделом, ответственным секретарём, был главным редактором газеты Алчевского металлургического комбината «За металл». Член Союза журналистов России. Автор книг «Река счастья» (1997), «Возвращение имени и чести» (1995), «Изгнание Параджанова» (2002) и др.

Живёт в Ставрополе.

НИКОЛАЙ БЛОХИН

Тамбовский помещик Юрий Алексеевич Пушкин приходился Марии Алексеевне Пушкиной, бабушке А.С. Пушкина по материнской линии, родным братом, а поэту – двоюродным дедушкой. Их отец Алексей Фёдорович Пушкин, живший с 1717 по 1777 годы, – прадед поэта со стороны матери. Фёдор Петрович Пушкин – прапрадед поэта, и тоже со стороны его матери. Общий предок для обеих ветвей – материнской и отцовской – московский дворянин Пётр Петрович Пушкин, живший с 1644 по 1692 годы.

Началось сближение родов с Марии Алексеевны Пушкиной. В 1773 году Мария Алексеевна, будучи в Липецке, вышла замуж за Осипа Абрамовича Ганнибала, сына Абрама Петровича Ганнибала, того самого арапа, которого Пётр I крестил.

Вначале молодые жили в Муроме, но вскоре, после того, как Осип Абрамович наделал много долгов, Мария Алексеевна вынуждена была продать свою деревню в Ярославском уезде. Она попросила разрешения у отца своего мужа Абрама Петровича Ганнибала переехать к нему в Суйду, и супруги стали жить на новом месте. 21 июня 1775 года у них родилась дочь Надежда. Надежда Осиповна Ганнибал, которая в дальнейшем вышла замуж за Сергея Львовича Пушкина, и стала матерью поэта, после смерти родителей унаследовала село Михайловское.

Родного деда поэта звали тоже Лев Александрович Пушкин. Он приходился тамбовскому Юрию Алексеевичу Пушкину троюродным братом. Их сыновья Сергей Львович Пушкин, отец поэта, и Александр Юрьевич Пушкин, отец умершего на Кавказских Минеральных Водах уездного предводителя дворянства, доводились друг другу четвероюродными братьями.

Восприемник А.С. Пушкина

Поэт Александр Сергеевич Пушкин, сын Сергея Львовича Пушкина, и уездный предводитель дворянства Лев Александрович Пушкин, сын Александра Юрьевича Пушкина, находились в ещё более отдалённом родстве, в пятом колене.

По линии матери поэта А.С. Пушкина, Надежды Осиповны Ганнибал, родство было более близкое. Надежда Осиповна приходилась Александру Юрьевичу двоюродной сестрой. Последнему принадлежат воспоминания, опубликованные в 1852 году в декабрьском номере журнала «Москвитянин» и называвшиеся «Для биографии Пушкина». Номер журнала сохранился в Ставропольской государственной краевой универсальной научной библиотеке им. М.Ю. Лермонтова.

Александр Юрьевич вспоминал в них о своей юности, когда он с 1785 года служил в Сухопутном кадетском корпусе в Петербурге и «...почти всякую неделю по воскресеньям и в праздники бывал у них (то есть у Марии Алексеевны Ганнибал, матери Надежды Осиповны и бабушки А.С. Пушкина – Н.Б.), и рос почти вместе с Надеждой Осиповной, которая, не имея родных братьев, любила меня, как родного». (С. 23).

19 ноября 1797 года у Александра Юрьевича Пушкина, от роду которому было чуть более двадцати лет, состоялся выпуск из Сухопутного кадетского корпуса. Он был направлен прапорщиком в Астраханский гренадёрский полк, стоявший тогда в Москве. С этим полком он вскоре, в 1799 году, вышел под командованием А.В. Суворова в знаменитый Итальянский поход. В походе Александр Юрьевич и узнал о появлении на свет будущего великого поэта.

В упомянутой выше статье он вспоминал об этом так: «...Сергей Львович (отец поэта – Н.Б.) вышел в отставку, переехал с семейством своим в Москву и нанял дом княжён Щербатовых, близ Немецкой слободы, где в 1799-м году родился у них сын Александр; наш полк в то время был уже в походе, где я и получил об рождении Александра Сергеевича от сестры письмо, что он на память мою назван Александром; а я заочно был его воспитателем (то есть крёстным. – Н.Б.)». (С. 23).

Прослужив в армии год и 11 месяцев, А.Ю. Пушкин 19 октября 1799 года вышел в отставку. Следующие шесть лет он прожил в своём родном тамбовском имении Покровском, а 4 апреля 1806 года определился на гражданскую службу – на Московский почтамт. А в 1807 году женился на Александре Ларионовне Молчановой. По архивным документам Костромы установлено, что посажённой матерью на свадьбе была Мария Алексеевна Ганнибал (в девичестве Пушкина. – Н.Б.).

Уволившись вскоре после женитьбы с Московского почтамта, с августа 1808 года А.Ю. Пушкин служил в Тамбовской губернии, в экспедиции казённых винокуренных заводов. А в октябре 1809 года Александр Юрьевич оставил службу в экспедиции и переселился в костромское имение своей жены – Новинки, куда он перевёл из тамбовского имения от матери своей крепостных крестьян. С тех пор последующая жизнь А.Ю. Пушкина связана с костромским краем.

В Новинках имелся деревянный господский дом на каменном фундаменте, были все необходимые службы, в том числе оранжерея и водяная мельница на реке Корбе. В год рождения младшего сына Льва, в 1816 году, как свидетельствует архивный документ, А.Ю. Пушкин купил у «госпожи Жураковской Анны Васильевны» за 50 тысяч рублей другое имение – Давыдково. Оно включало пять деревень и находилось в Костромском уезде, на реке Мезе. В нём также был большой господский дом и винокуренный завод, дававший солидный доход. От деда и прадеда А.Ю. Пушкину досталось также небольшое имение в Буйском уезде – село Высокое. Общее количество крепостных во всех имениях А.Ю. Пушкина составляло свыше 200 душ мужского пола, что для Костромской губернии было немалым состоянием.

В это же время Александр Юрьевич приобрёл в Костроме два дома: первый – на Вознесенской улице, другой – на Дворянской. Оба эти дома до наших дней не сохранились.

До нашего времени дошло очень мало сведений о жизни и деятельности А.Ю. Пушкина с 1809 по 1830 годы. Очевидно, в это время он не служил и занимался хозяйством. 20 мая 1824 года Александра Юрьевича постигло большое горе: умерла его жена Александра Ларионовна. После её смерти с Александром Юрьевичем остались дети – Николай одиннадцати лет, Лев восьми лет и Мария пяти лет. А.Ю. Пушкин больше в брак не вступал, посвятил себя воспитанию детей, вёл обычную жизнь помещика средней руки. Судя по сохранившимся в Государственном архиве Костромской области документам, А.Ю. Пушкин в отношениях со своими крепостными вёл себя как жестокий крепостник, его отличал крутой нрав. В делах губернаторской канцелярии сохранились жалобы на А.Ю. Пушкина, вызовы к губернатору и его объяснения по поводу жестокого обращения с крестьянами. Похоже, поэту А.С. Пушкину были известны сии факты, что дало ему материал для создания образа помещика Троекурова при написании повести «Дубровский».

Александр Юрьевич был человеком тщеславным. В 1827 году А.Ю. Пушкин подал прошение в костромское дворянское собрание о приёме его в костромское дворянское сословие и о записи его с детьми в дворянскую родословную книгу. Определением Костромского дворянского депутатского собрания от 18 марта 1827 года вынесено следующее заключение: «Вследствие Высочайше жалованной дворянству 1785 года апреля 21 дня грамоты, 90-й статьи, внести его, просителя, с женою и потомством, по состоянию за ним и женою его в Костромской губернии недвижимого имения в дворянскую родословную книгу Костромской губернии, в шестую ея часть и дать ему, просителю, надлежащее о том свидетельство». (ГАКО. Ф. 122. Оп. 2. Ед. хр. 17-А. Л. 312).

С 1830 года А.Ю. Пушкин снова на службе. Во время вспыхнувшей в 1830 году эпидемии холеры, охватившей европейскую часть России, он работал в Кинешемском уезде, где было его имение Новинки, членом комитета по борьбе с холерой. О масштабах бедствия можно судить, если вспомнить, что по соседству, в Нижегородской губернии, где в селе Болдино до самой зимы того же 1830 года застрял поэт А.С. Пушкин, тоже свирепствовала холера.

В 1832 и 1833 годах А.Ю. Пушкин – депутат от дворянства по Кинешемскому уезду. С 1 ноября 1838 года Александр Юрьевич избран костромским совестным судьёй и, неоднократно переизбираясь, оставался в этой должности до самой своей смерти. Уволившись в 1809 году с чином титулярного советника, он, при поступлении вновь на службу, в 1842 году получил чин коллежского асессора, в 1846 году произведён в надворного советника, а со 2 мая 1850 года являлся коллежским советником. За службу он был награждён орденом Св. Анны III степени.

Упомянутая выше статья А.Ю. Пушкина «Для биографии Пушкина», очевидно, единственный его печатный труд. Тем не менее, в некоторых источниках содержатся указания, что А.Ю. Пушкин – «поэт, писатель». Приписываемые костромскими исследователями Александру Юрьевичу поэтические произведения в действительности созданы другим Пушкиным – Александром Михайловичем. Последний приходился А.Ю. Пушкину двоюродным братом.

Скончался А.Ю. Пушкин на 77 году жизни 7 января 1854 года, похоронен на кладбище церкви села Козловка, вблизи которого находилась усадьба Новинки (ныне это территория Островского района Костромской области). Там же, спустя одиннадцать лет, обретёт последнее пристанище и его младший сын Лев Александрович Пушкин.

Такова вкратце судьба крёстного родителя великого русского поэта, которому он обязан именем Александр.

ПОЭЗИЯ

**Редакция журнала «Великороссъ»
поздравляет Бориса Константиновича
с юбилеем!**

Борис Константинович Рябухин – русский поэт, драматург, переводчик. Родился в 1941 г. в с. Зимник Фрунзенского района Волгоградской области. Окончил Астрыбвтуз и ВГИК. Работал инженером на Алтае, в Астрахани и Москве. С 1969 г. работал журналистом и редактором. С 1973 г. – член Союза журналистов. Автор восьми очерковых книг. С 1986 г. – член Союза писателей. Автор 13 книг стихов, прозы, драматургии. Особое место в творчестве Бориса Рябухина занимает трилогия драматических поэм «Степан Разин», «Кондрат Булавин» и «Император Иван», над которой он работал более 30 лет. В 2002 году Государственный Донской казачий театр (г. Волгоград) поставил по мотивам его пьесы спектакль «Кондрат Булавин». Живёт в Москве.

Борис РЯБУХИН

«Поэт живёт, когда умрёт...»

Умей украсить

Ум, красота, любви манящей дар –
Что выбрать в украшение любимой?
Когда едва созревший дух незримый
Влечёт тебя в её душистый жар.

Знай, что года стирают красоту.
Любовь, сжигая сердце, догорает.
И только ум с годами прибывает.
Умей украсить лишь свою мечту.

В нём память твоего предназначенья.
И вечного любовного влеченья.
Ум – яблоко познания творца.

И женщина похожа на богиню,
Когда между чертами дорогими
Ум отражает красоту лица.

Так люблю я – и теряю!..

Сад зелёный расцветёт.
Как душист цветов нектар!
Шмель летает в нём и тает,
И глотает сочный дар.

БОРИС РЯБУХИН

Вешний сочный, сладкий очень –
Как бы не пересластить!
Для шмеля любой цветочек
Рот торопится открыть.

О плодах цветы мечтают.
Полон сад полусирот.
Так люблю я – и теряю!..
И потеря сердце жжёт.

Так я милую теряю –
Лишь хлеб-соль с ней преломлю.
И с другою понимаю,
Как же я нектар люблю!

Живёт старик

Живёт старик сердитый
В своих стенах один.
Он – в галстук, умытый,
Зачёсан клоком седин.

Прилежно поливает
Цветок свой день за днём.
Цветёт, душа живая,
Заботой о нём.

Любовь на расстоянье
Раз в год ему звонит.
Заочное свиданье
Прояснит хмурый вид.

Тернистый путь проделал
Он – горних книг творец.
В итоге стал прадедом –
Не муж и не отец.

«Не понят – значит, гений.
А понят – для мгновений», –
Твердит средь горних книг
Живой душе старик.

Кинуть

Ничего им не буду желать –
Они сами себе пожелали.
Взбунтовалась небесная гладь,
Засверкали громовые дали.

Кинут я навсегда, кто рулил –
Их ладья по волнам полетела.
И без вёсел они и ветрил,
Своего ожидали удела.

И очнулся я на берегу,
Одиночеством связан, как цепью.
И молил о спасенье врагу,
Из пещеры зверья сделав церковь.

И для внуков её, и детей
Я молил море жизни застынуть, –
Чтоб они до дожития дней,
Как меня, не смогли её кинуть.

Ты знала, что я уезжаю

Ты знала, что я уезжаю.
Но тайну замалчивал чин.
Инстинкт затянулся, пожалуй, –
С потупленным взором дивчин.

Ты знала, что я уезжаю.
Но женщины долг – опоздать.
На шею бросаться с визжаньем
Ещё не рвалась благодать.

Ты знала, что я уезжаю.
Но робок поспешный контакт.
Стыдилась открыть обожанье.
И прятал исподнее такт.

Ты знала, что я уезжаю.
Сыграть оставалось финал.
Но зрители наши сбежали,
И занавес с неба упал.

Свобода народа – потеря

Свобода народа – потеря
Ошейника и поводка
И друга с открытою дверью,
И даже потеря врага.

И ласковых рук ожиданья,
Интриг и проклятий среды,
Божественного покаянья,
И даже потеря беды.

Свобода – природы потеря,
Привычных усилий борьбы,
До ярости спящего зверя,
И даже потеря судьбы.

Ночь в разладе

Раскалился край степи
В горнем горне.
Ты помедли, потерпи –
Будь упорней.

Это Астраханский край
Вывел танки...
Стресс у нас семью украл –
Мирно, с тактом.

Помнишь – зеркало в кусках,
Вкус развода?
Твой кураж не отпускал
Я три года!

Четверть века из окна –
Мир до рати.
Я один. И ты одна...
Ночь в разладе.

Хор собора Нотр-Дам

Защебечут певцы, как птицы.
Цветастые голоса.
Зал дубравой тёмной таится.
И намокают глаза.

Вдруг взгремели органом горы.
И затряслись небеса.
Мира хор нахлынул собором.
И молча запел весь зал.

И терцины вечной латыни,
И трубы фавнов – орган,
И в сердцах запевших святыни –
Бог взалкал.

Поэт живёт, когда умрёт

Поэт живёт, когда умрёт.
При жизни жизни нет.
И современник не поймёт,
Какой несёт он бред.

Поэт живёт, когда умрёт,
Когда оставит след.
А если нет – наоборот,
Он канет в бездне лет.

Кто графоман, а кто певец –
Надежд на Время нет –
Оценит лишь грядущий чтец,
Но... если он – Поэт.

Поэт в России – бомж

Поэт в России – больше чем поэт...

Е. Евтушенко

Поэт в России – меньше чем поэт.
Поэт в России – бомж,
Когда переменялся Этот Свет
И часть страны – под нож.

На вольных стихарей напал падёж,
Бомж – самый вольный вор.
Падёж – пойдёшь – поди ж – падеж – поймёшь,
Какой из виршей сор.

«Оставь семью и дом, иди за мной» –
Вольно на свалке жить,
Искать как птица хлеб насущный свой
И раньше смерти гнить...

И жизнь твою не ставит мир ни в грош,
Словесных слав старик...
Лабает рифмы рэпом молодёжь.
В отходах классик сник.

ПАМЯТЬ

К 75-летию битвы под Москвой

Вера

В конце марта 1941 года у широкого окна большой палаты правительственного санатория «Барвиха» можно было видеть укутанного одеялом сидящего в кровати, опираясь на подушки, исхудавшего человека с пронзительным взглядом сверкающих глаз. Лицо его откликалось улыбкой на ласкающие лучи уходящего дня.

14 января в больнице имени Склифосовского по поводу массивного рака желудка и нижней трети пищевода его оперировал знаменитый профессор Сергей Сергеевич Юдин. Операция под местным обезболиванием длилась 4 часа 15 минут и хирургически была выполнена безупречно. Пациент держался с редким мужеством, хотя ему удалили весь желудок и часть пищевода.

Через 10 дней после операции для восстановления сил его перевезли в санаторий. К сожалению, на 14-й день быстро развилась пневмония, а вслед за ней и сепсис. До 3 раз в день температура повышалась свыше 40 С, мучил кашель, озноб, проливной пот. Совсем не хотелось есть.

Понимая, что жизнь уходит, Иван Дмитриевич Иванов с мудрой грустью любовался всеми красками заката и перебирал в памяти наиболее интересные эпизоды своей 54-летней жизни.

Родился он в семье потомственного плотника 30 января (11 февраля по новому стилю) 1887 года в нынешней Курганской области России. Его родной городок Шадринск расположился в 150 км к северо-западу от Кургана, на левом берегу сибирской реки Исеть, притока Тобола.

Отец его в душе был большим художником, смотревшим в мир изумлёнными глазами, боготворившим всякую травинку, цветок, пичужку и ощущавшим природу как великое сказочное царство. Под стать ему подобралась бригада

Василий ПОЛЯКОВ

Василий Евгеньевич Поляков – коренной москвич, родился 4 июля 1938 г., окончил 330-ю среднюю мужскую школу, затем 2-й Московский медицинский институт, клиническую ординатуру и клиническую аспирантуру в НИИ педиатрии АМН СССР. Врач-педиатр, гематолог, лимфолог, онколог и детский онколог, организатор здравоохранения. Защитил кандидатскую и докторскую диссертации. Профессор, академик Международной Академии Информатизации ООН и Международной Славянской Академии наук, образования, искусств и культуры. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

плотников, которые могли срубить избу, поставить баньку, выстроить часовню или церковь. А наличники, ставни, крыльцо, перила разукрашивали такой затейливой резьбой, что сработанное их руками воспринималось красивой детской игрушкой. Всё это требовало времени, поэтому заказчики, зная слабость бригады, порой специально оговаривали в договоре, что за украшательство платить не будут – пусть, дескать, плотники, если хотят, делают эту работу, но за свой счёт.

С ранней весны и до поздней осени отца в доме не было. Семья жила очень бедно, постоянно нуждалась.

После нескольких лет учёбы в школе Ваню для помощи семье отвезли в Екатеринбург на фабрику купцов Панфиловых. Пришлось ему хлебнуть лиха сначала мальчиком на побегушках, потом сторожем и грузчиком. Ужасные условия труда и быта, полуголодное существование, грязь, унижение, постоянная грубость, побои довели мальчишку до крайности. Он просто убежал, куда глаза глядят. В конце дня совершенно случайно набрёл на здание художественно-промышленной школы, где оказалась вакансия из-за болезни одного из её учеников. Без всякой подготовки Ваня Иванов успешно выдержал конкурсный экзамен по рисунку.

Четыре года, с 1903 по 1907, он учился у известного скульптора Т. Залькална, получившего позже за своё творчество звание народного художника СССР.

После окончания художественно-промышленной школы летом 1907 года вместе со своим сокурсником и приятелем Петром Дробышевым Иван Иванов отправился странствовать. Их мечтой было побывать в тех же местах, которые в своё время обошёл Максим Горький. Они побывали на Каме, Волге, Дону, на Кавказе, на Украине, в Москве. И уже один Иван добрался до Петербурга.

Он мечтал поступить в Академию художеств, но провалил экзамен по рисунку. К сожалению, по этому предмету подготовка в Екатеринбургской школе была недостаточной. Остаться осенью одному в столичном городе без жилья, продуктов и денег – это было серьёзное испытание. И тогда Иванов пошёл наниматься на любую работу в Александринский театр, где судьба свела его с добрыми и отзывчивыми людьми.

Природа щедрой рукой одарила Ивана талантами. Яркая внешность, благородная осанка, красивый голос, музыкальный слух, умение играть на музыкальных инструментах, петь, танцевать и легко двигаться по сцене, способность слушать партнёра и держать паузу – все эти данные для превращения в незаурядного драматического актёра у него были. Он знал много стихов, басен, сказок и великолепно читал их. У него был от природы поставленный оперный голос – красивый баритональный бас, напоминавший своей окраской голос Шаляпина. Он владел плотницким инструментом и мог построить декорацию и расписать её масляными красками. Наконец, он лепил, страстно мечтал стать скульптором, а потому безошибочно ощущал трехмерное пространство и художественски ориентировался в нём.

Его приняли на высшие драматические курсы под руководством В.Н. Давыдова и помогли поступить в рисовальную школу Общества поощрения художеств, где он учился всего один год, с 1907 по 1908.

В эту же пору кто-то из друзей посоветовал ему вместо заурядно-безликого сочетания Иван Иванов придумать звучный псевдоним, который своей краткостью и выразительностью сразу привлекал бы внимание и

запоминался. Размышления нескольких дней помогли. Так родился псевдоним Шадр – сокращённое название родного сибирского города.

После рисовальной школы была двухлетняя полунищенская-полубогемная жизнь в театре, где Шадр строил и расписывал декорации и с успехом выступал в драматических спектаклях, выездных концертах.

Однако знаменитый актёр В.Н. Давыдов сумел распознать в юноше подлинную страсть и главное дело его жизни, подсмотрев, с какой вдохновенной самоотдачей Шадр выстраивал, живописал декорации и лепил из глины и гипса статуи, которые требовались для интерьера сцены в одном из спектаклей.

По предложению всё того же Давыдова актёры Александринки сложились деньгами и благословили 23-летний талант на длительную поездку во всемирную Мекку искусств – Париж. Кроме того, небольшие средства на поездку выдала Ивану Дмитриевичу Шадринская городская управа по ходатайству актёров В.Н. Давыдова, М.Е. Дарского, В.Е. Петрова, художников И.Е. Репина, Н.К. Рериха и других.

Два академических года (1910–1912) Шадр учился в Париже на Высших муниципальных курсах скульптуры и рисования и в Academie de la Grande Chaumier, где преподавал Э.А. Бурдель. Имеются также сведения о занятиях Шадра в течение месяца в мастерской Огюста Родена. В Риме он посещал Институт изящных искусств и Английскую академию, много времени проводил в музеях и изучал архитектурные и парковые ансамбли «Вечного» города. Искусство прошлого увлекало Шадра целостностью стиля и мощью монументально-синтетических форм.

Как и многие художники того времени, Шадр, чувствуя упадок современного монументального искусства, мечтал о его возрождении. Иван Дмитриевич мучительно искал собственный путь в искусстве скульптуры. Увиденное в Париже и Риме будоражило воображение и побуждало непрерывно трудиться. Он давно уже ощущал в себе силы и способность к незаурядному пластическому выражению. Он мечтал, чтобы его работы передавали и реалистическую глубину образа, и её романтическую приподнятость, и то лаконичное обобщение, которое возвышает яркую индивидуальность конкретной модели до уровня символа.

Вернувшись в Россию, Шадр не только работал как скульптор и мастер-созидатель. Большое знание жизни и трепетная любовь к делу выделяли его как личность с первых же минут знакомства. Это быстро привлекло к нему внимание профессионалов. Его пригласили на преподавательскую работу.

«Он не читал лекций, – рассказывал в своих воспоминаниях о Шадре скульптор В.Е. Цигаль, – он давал уроки красоты. Однажды в классе у нас, молодых скульпторов, была поставлена модель. Обычная, привычная для всех

Иван Дмитриевич Шадр (1887 - 1941)

модель обнаженной натурщицы, уже казавшаяся надоевшей и скучной. Но присутствовавший на этом уроке Шадр сделал из него творческий праздник. Он не только работал вместе с нами, уча нас виртуозному владению инструментом, но делился с нами своими замыслами, своими идеями. – Вы просто представьте себе человека, – говорил он, – но представьте его возвышенно. Вспомните, как из листьев поднимается цветок, взгляните, как красиво вырастает голова из грудной клетки».

Но мы забежали вперёд. Слова, приведённые выше, будут сказаны В.Е. Цигалём 26 апреля 1971 года в Москве, на вечере памяти И.Д. Шадра, через 30 лет после его смерти. Их можно прочитать в стенограмме вечера.

..Многое перебирал в своей памяти и со многим мысленно прощался угасавший в Барвихе скульптор. Он знал, что умирает. Последними его работами, которые он тайно от друзей закончил в своей мастерской задолго до операции, было собственное надгробие и скорбный портрет жены с застывшей крупной слезой...

Иван Дмитриевич Шадр был человеком, точно вписавшимся в историю своего отечества. Живой ум и мастеровитые руки его с вдохновением откликались на самые важные события. За всеми созданными им произведениями воистину «дум высокое стремленье».

На его глазах развёртывалось выполнение первого (1929–1932) и второго (1933–1937) пятилетних планов развития народного хозяйства страны. Он был свидетелем правительственных постановлений «О Московском городском хозяйстве и развитии городского хозяйства СССР (июнь 1931)» и «О генеральном плане реконструкции г. Москвы (10 июля 1935)». В конце 1932 года началось строительство 128-километрового канала Москва–Волга.

Генеральный план развития Москвы намечал ограничение роста населения города до 5 млн. человек, расширение территории с 28,5 тыс. до 60 тыс. гектаров за счёт юго-западного района города, создание за её пределами 10-километровой лесопарковой защитной зоны. Ставилась задача привести в порядок парки и использовать волжскую воду для обводнения. Создание канала решало проблему водоснабжения города, превращало реку Москву в полноценную полноводную транспортную магистраль. Москва становилась крупным речным портом, связанным сразу с тремя морями: Белым, Балтийским, Каспийским. Появлялась возможность самым дешёвым способом везти в Москву лес, строительные материалы, нефть, продовольствие, промышленные товары.

Набережные Москвы-реки надо было превратить в основную магистраль города, облицевать их гранитом, устроить по ним широкие озеленённые проезды и застроить их новыми современными домами. Предусматривались значительные работы по расширению улиц, площадей, пробивке новых магистралей, по реконструкции площадей перед вокзалами, Бульварного, Садового колец и создания нового, третьего кольца, по бывшему Камер-Коллежскому валу.

Задуманная перепланировка жилых кварталов должна была привести к их укрупнению с одновременным превращением жилья «коммуналок» в отдельные квартиры. Намечалось разуплотнение существующей в городе застройке и доведение её до столичной нормы.

Наряду с огромными задачами по новому строительству и реконструкции старого жилищного фонда планировалось большое строительство новых школ, больниц, детских учреждений. Для удобства москвичей предусматривалось вынесение за черту города предприятий с профвредностью и товарных сортировочных станций, развитие водоснабжения и канализации, постройка 11 новых мостов, способных пропускать под собой большие волжские суда.

Уделялось большое внимание общему оздоровлению населения и его культурному и идеологическому воспитанию, для чего планировалось построить большое количество стадионов и спортивных площадок, водных и лодочных станций, скверов, парков, выставок и музеев.

В 1920-е и 1930-е годы большие работы велись на территории старой городской свалки у Нескучного сада. После разравнивания и засыпки на бывшей её территории 19 августа 1923 года была открыта Первая Всероссийская сельскохозяйственная и кустарно-промышленная выставка, просуществовавшая до 1927 года, а 12 августа 1928 года – Центральный парк культуры и отдыха. Его территория постепенно и постоянно улучшалась: появлялись новые павильоны, островки озеленения, уютные аллеи, спортивные и сценические площадки, аттракционы. Родилась мысль установить скульптуру в центре пруда, которая бы символизировала идею парка: культуру и отдых.

Идея увлекла Шадра. Для её осуществления он стал посещать стадионы, бассейны, лодочные станции, теннисные корты. Иван Дмитриевич всегда сосредоточенно и глубоко размышлял о своих будущих созданиях, он «долго запрягал», создавая множество пробных эскизов.

Как-то мастерскую скульптора на Лужнецкой набережной посетили его друзья. Они привели с собой молодое, подающее большие надежды спортивное дарование – студентку Института физической культуры Верочку Волошину. В Москву она приехала из города Кемерово. Девушка занималась лёгкой атлетикой, хорошо плавала, бегала, прыгала, метала снаряды, добиваясь заметных по тем временам результатов. Волошину прочили в чемпионы по многоборью. Однако не физическая сила преобладала в облике девушки. Наряду с красивой осанкой и выраженной гармонией движений, девушка сразу же привлекла внимание своим лиризмом и даже застенчивостью.

Это точно соответствовало замыслу Шадра. Он уже знал, что будет лепить «девушку с веслом» – олицетворение гармонии духа и тела, но с явным преобладанием обаяния и лиризма над силой.

Человек большого вдохновения и внутренней культуры, Шадр

Вера Волошина

И.Д. Шадр за работой

архитектурное обрамление острова, перекликающееся с идеей обводнения Москвы волжской водой и строительством в Москве новых набережных.

Скульптуру «Девушка с веслом» из Центрального парка Москвы переместили в Парк культуры и отдыха Луганска. По свидетельству очевидцев, она была очень удачно поставлена на берегу пруда под сенью ив и стала любимым местом свидания влюблённых.

в течение нескольких встреч делился с предполагаемой моделью своим замыслом и убедил Веру позировать. Он сделал несколько этюдов для предполагаемой скульптуры. Сохранился этюд 1934–35 годов фигуры в рост размерами 117х79х34 см. Скульптура была закончена в 1935 году и в том же году была установлена в Центральном парке культуры. Как справедливо писал в 1954 году искусствовед Ю.Д. Карпинский, «...Шадр... попытался создать образ горделиво уверенной в своих силах молодой советской женщины-физкультурницы. ...Вариант фигуры «Девушка с веслом»... даёт нам представление о мастерстве Шадра, об умении передать красоту обнаженного женского тела. Стройность, гибкая сила, ощущение скрытой энергии и, главное, то чувство уверенности и собственного достоинства, которое выражено во всём движении фигуры, заслуживают высокой оценки».

А в 1935 году поступило предложение сделать скульптуру «Девушка с веслом» эмоционально-смысловым и эмблемным центром парка, увеличив её высоту до 8 метров и сделав соответствующее

Шадр взялся лепить новые эскизы девушки с веслом, и в это время случилось непоправимое. На одном из спортивных соревнований Вера Волошина получила серьёзную травму ноги. Сначала она не придавала этому значения, но последствия травмы оказались серьёзными. Вера не смогла выступать в соревнованиях, тренироваться и даже учиться дальше в Институте физкультуры. На спортивной карьере был поставлен крест. Пришлось Vere перейти в Московский кооперативный институт.

Позировать в рост при сложившихся обстоятельствах Волошина уже не могла. Но Шадру очень хотелось сохранить во второй скульптуре хотя бы лицо Веры. Сохранившийся этот эскиз 1936 года Ю.Д. Карпинский характеризует так. «Модель “девушки с веслом” размером больше метра, сделанная художником с натуры, показывает, какое значение Шадр придавал изображению головы и особенно лица. Не только физическая красота и тренированность тела, но именно характер, душевный строй прекрасного человека волновали художника. В лице девушки, ясном и чистом по своим формам, переданы спокойная уверенность, прекрасная девичья строгая и нежная душа».

Верочка Волошина

В 1936 году новый замысел оказался реализованным. Скульптура была установлена в Центральном парке культуры и отдыха.

В творческом наследии Шадра, изданном в 1978 году, на странице 127 приведена иллюстрация 41 – фотография второй скульптуры девушки с веслом. Несмотря на то, что фотография имеет большой общий план, скульптура на ней вышла небольшой, да и ракурс выбран не совсем удачный – почему-то справа и сзади, – отчётливо видно, что фигура второй девушки с веслом явно отличается от фигуры первой. Это заставляет предположить, что моделью второй скульптуры (кроме лица) была не Волошина.

Мне довелось впервые увидеть «Девушку с веслом» в Парке культуры и отдыха имени Максима Горького в 7-летнем возрасте в 1945 году. Помню, что скульптура произвела на меня очень сильное впечатление. Горделивая уверенность фигуры и позы не заслоняла изящества и красоты женственности. Кроме того, длинные стройные ноги модели были поставлены так умело, что пропадала так часто встречающаяся тяжеловесная монументальная неподвижность скульптуры. Было ощущение, что девушка только-только поднялась на призовой пьедестал и ещё продолжает движение. Иными словами, Шадр добился в изваянии эффекта, который в современной фотографии именуется «стоп-кадр».

...**П**оследние дни марта – начало апреля 1941 года природа отметила весенними солнечными днями с каплей. Оживающая природа вселяла надежду. В санатории «Барвиха» Шадру дважды переливали кровь. Облегчения не наступало. Наоборот, с каждым днём Ивану Дмитриевичу становилось всё хуже и хуже.

Ему принесли кислородную подушку, и он тревожно сказал: «Неужели конец?» Ему сделали укол морфина, и он впал в бессознательное состояние. Так он и умер, не приходя в сознание, 3 апреля, в ясный солнечный день.

Прощались с Шадром сначала в зале МОСХа, а 6 апреля, в день похорон, в «итальянском дворике» Музея изобразительных искусств имени Пушкина. Похоронили Ивана Дмитриевича на Новодевичьем кладбище. Когда гроб опускали в землю, пошёл сильный дождь со снегом. Казалось, сама природа оплакивает своего талантливый сына.

...**22** июня 1941 года на нашу страну вероломно напала фашистская Германия. С этого момента для СССР началась Великая Отечественная война. В течение июня, июля и августа оперативно-стратегическая обстановка для Красной Армии на советско-германском фронте продолжала оставаться крайне напряжённой. Наши войска были вынуждены отступить к Ленинграду, оставить Смоленск и Киев. Общее превосходство в силах, средствах и инициатива действий находилась на стороне врага. Москвичи, как и жители всех республик и других городов страны, поднялись на борьбу против захватчиков. Только за первые 6 месяцев войны в Красную Армию ушло около 100 тыс. коммунистов и 260 тыс. комсомольцев – половина всей Московской городской организации.

В 1941 году из москвичей было сформировано 16 дивизий народного ополчения (свыше 160 тыс. человек), 25 истребительных батальонов (18 тыс. человек), 25 батальонов МПВО, 4 ремонтно-восстановительных полка и др. В подразделениях Всеобуча занималось 90,6 тыс. человек, 81,6 тыс. человек были объединены в 3,6 тыс. групп самозащиты при домоуправлениях. Из 200 тыс. гражданских лиц создали 13 тыс. команд для дежурств на крышах и чердаках и тушения пожаров. 450 тыс. москвичей строили оборонительные сооружения на подступах к Москве.

В конце лета помогать строить оборонительные сооружения направили московских студентов. Студенты Кооперативного института, и в их числе Вера Волошина, принимали в этом самое активное участие. По возвращении со строительства Вера становится донором и подаёт заявление о направлении её добровольцем на фронт.

Отбирают добровольцев на фронт в ЦК ВЛКСМ. 10 октября Волошину вызывают в комиссию, и там она становится бойцом воинской части 9903. Это был истребительный батальон специального назначения, который окончательно формировался в здании НКВД города Ярославля. Первым командиром его был назначен прославившийся позже как знаменитый командир партизанского отряда, Герой

Вера Волошина (1919–1941)

Советского Союза, полковник, писатель Дмитрий Николаевич Медведев. В состав отряда входили комсомольцы Москвы, Владимирской и Ярославской областей. Бойцом его была и Зоя Космодемьянская.

21 октября Волошина ушла на своё первое задание.

Второе задание она выполнила в составе отряда Бориса Крайнова в районе Наро-Фоминска, Вереи, Можайска. За линией фронта отряд разделился. Одну из групп возглавила Вера Волошина, а Зоя Космодемьянская ушла с другой.

Группа Волошиной заминировала дороги возле деревни Крюково, а потом забросала гранатами гитлеровский военный штаб. Оставшиеся в живых фашисты бросились к машинам, но и там их ждала смерть.

После успешной операции бойцы стали пробираться к своим, но в полночь нарвались на вражескую засаду. Волошина отдала приказ отходить, а сама вместе с вырвавшимся недавно из окружения танкистом прикрывала огнём своих товарищей. Когда бой утих и вражеские машины ушли к селу, несколько человек из группы Волошиной вернулись к месту боя и вражеской засады. Танкист лежал в неестественной позе, навалившись лицом на кусты. Он был убит. Поиски Веры были безуспешны. На месте боя её не оказалось.

16 лет, вплоть до 1957 года, Вера Волошина считалась пропавшей без вести. И лишь в этот год были установлены последние дни жизни молодой героини. Тяжелораненую, её схватили в поле фашисты и отвезли в село Головково, что под Наро-Фоминском. Там её долго пытали, но так и не смогли узнать, кто она, из какой части, какое имела задание, где располагается база отряда.

А 29 ноября население села согнали на казнь. Веру привезли окровавленную. Она лежала в кузове грузовика. Два гитлеровца с чёрными свастиками на рукавах попытались поднять её. Она же, оттолкнув их, поднялась сама, опираясь здоровой рукой на борт машины. Сначала она что-то гневно говорила по-немецки, а потом прокричала по-русски: «...Я не боюсь смерти. За меня отомстят мои товарищи. Наши всё равно победят!» И запела «Интернационал».

Немцы повесили Веру Волошину в тот же день, что и Зою Космодемьянскую: Веру в Головкове, Зою – в Петрищеве. Так и стояли в разных местах две виселицы. Немцы велели не трогать казнённых, чтобы люди смотрели и от страха расплаты боялись поднять руку против нового порядка. Но ночью крестьяне тихо посрезали верёвки и тайно предали земле тела замученных девушек.

... Через много лет, в канун 20-летия Победы над фашистской Германией сибирячка Вера Даниловна Волошина была посмертно награждена за свой подвиг орденом Отечественной войны 1-й степени.

На центральной усадьбе совхоза «Головково» в окружении лиственниц безмолвно рассматривает современников мраморный обелиск с портретом Веры Волошиной. Его построили студенты Московского кооперативного института. Рядом небольшой музей.

...Иван Дмитриевич Шадр не дожил до подвига героини 7 месяцев и так и не узнал о нём.

Но молодое поколение должно знать высокую правду о прошлом и минувшую судьбу родной земли.

В

ПОЭЗИЯ

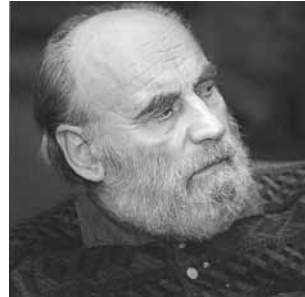
Юрий БОГДАНОВ

ЮРИЙ БОГДАНОВ

Юрий Николаевич Богданов – родился в г. Горьком, окончил музыкальное училище им. М.И. Глинки (1964 г.), Литературный институт им. А.М. Горького (1974 г.). Автор более двадцати книг стихотворений, в том числе «Галактика души» (сонеты), «Музыку небесную я слышу», трёхтомного собрания лирики («Солнцу хвала», «Всевышней любовью», «Лунное затмение»), «Капелью проклюнуть чувства», «Поделись надеждой с врагом своим», а также поэм – «Ванька, встань-ка», «Пётр и Февронья», трагедий «Джюльетта», «Морок», «Из-под плинтуса», «Проскурова лажа», «Последний круг» и других. Ю.Н. Богданов секретарь Правления Московской городской организации Союза писателей России, Академик Петровской Академии наук и искусств.

Живёт в Москве.

Святой венец Руси

IX Преподобный Сергей Радонежский (1322–1392)

1

Утрени солнышком Русь освещали!
Бог православным знамение дал –
Подвижника веры Державе избрал:
На литургии вдруг все услышали,

Как трижды младенец во чреве вскричал
У христоробивой тишайшей Марии!..
Он по рождению мать удивлял,
Соседям казалось, – был «не от мира»:

По пятницам, средам не пил молока.
Думали, – мальчик подвержен болезни.
И стыдно знакомым было признаться,

Что трудно ученье давалось пока...
С детства во всём научился смиряться,
Сергий для Бога хотел быть полезным.

2

Сергий для Бога хотел быть полезным:
Душой углублялся прилежно в молитвы.
От пищи мясной очищался телесно,
Поправ искусителя в праведной битве.

Встретился Сергию старец во поле.
Святую молитву под дубом творивший:
В образе инок по Божией воле
Ангел был послан отроку свыше.

Спросил он мальчика, чего тот желает?
«Грамоту жажду быстрее усвоить –
Душу Евангелием успокоить...»

«Чурайся пустого и всяческой скверны –
На подвиг Всевышний благословляет,
Чтобы прослыл богомольцем усердным».

3

«Чтобы прослыл богомольцем усердным»!
Достал просфоры небольшую частицу:
«С молитвою надо тебе причаститься,
И вскоре среди братьев ты станешь успешным».

Просил у родителей он позволения
В обитель вступить и нести послушанье:
«Помедли и укрепись в намереньи –
Проводи нас во гроб да исполнишь желанье».

И сын благодатный повиновался:
Похоронив Марию с Кириллом,
В пустынножительстве подвизался.

В лесу звери дикие не стращали...
Чтоб сердце в молитвах его не остыло,
Святые родители к Богу зывали.

4

Святые родители к Богу зывали,
Чтоб Сергей прижился на поприще строгом!
Его брат ушёл... Остался лишь с Богом!
А в дебрях вокруг кельи медведи блуждали.

Вовек не покинет Спаситель того,
Кто мир сей оставит ради Него...
Слух разрастался о Божьем пустынноике –
С молитвой стекались к Сергию иноки.

Одoleвая житейские тяжести,
Церковь построили, кельи срубили –
Души безверием не загубили:

Служение Господу было им радостью,
Сергий для братии был утешителем:
Стал он игуменом в новой обители.

5

Стал он игуменом в новой обители:
Для празднословных – строгим учителем.
Пёк просфоры, как монахи простые,
И каждодневно служил литургию.

Двенадцать их было в самом начале:
Под именем Фёдор постриг сына брата.
Первое время они голодали –
За верность Богу суровая плата.

В лишениях иноки плоть укрощали:
Нет ни водицы, ни хлеба краюхи.
И вскоре открыто они возроптали.

Сергий молился денно и ночью –
И по молитвам открылся источник.
Братьев учил возрастать силой духа!

6

Братьев учил возрастать силой духа:
Журил за мирские заботы нередко,
Чтоб страсть наживаться вовсе потухла –
Ходил сам в одежде бедной и ветхой.

Встретил крестьянин монаха в лохмотьях:
Поверить не мог, что это игумен...
Князь же с поклоном пожаловал в гости.
Понял крестьянин, что был неразумен –

Прощенья просил он у Сергия слёзно!
Себе Преподобный не строил палаты:
(Я на подряснике – грубой заплатой...).

Жил на Земле человек небожителем,
Знал, что без Бога всё в мире ничтожно –
Не доверялся речам совратителей.

7

Не доверяться речам совратителей
Он проповедовал люду безбожному,
Молитвой лечил больных посетителей,
Беса изгнать мог из сердца тревожного.

Однажды пришли к Преподобному греки,
Чтобы озвучить совет Патриарха:
«Общежитийность устроишь навеки,
Особые дашь послушанья монахам...».

Митрополит знал, что это во благо:
Устав монастырский стал более строгим,
Давал он приют и надежду убогим.

Чтоб иноки не уподобились стаду,
Не превратили служение в муку –
Предупреждал в слабых душах разруху.

8

Предупреждал в слабых душах разруху,
Но наставленья не все принимали:
Гордыню молитвою не укрощали
И разносили нелепые слухи.

Сергий на реку Киржач удалился,
Келью поставил и церковь построил:
К обители люд православный «лепился» –
Многие братья пришли к нему вскоре.

Иноки Троицы митрополита
Просили вернуть Преподобного братьям!
Сергий вернулся, но не для вида:

«Доброжелатели могут остаться,
Надо за Божие дело нам браться» –
Не затаил на злотворных обиду.

9

Не затаил на злотворных обиду:
Численность иноков вскоре умножилась.
Божие дело верой итожилось –
В сердцах православных она не убита.

Пришёл к преподобному княже Димитрий:
Сказал: «У Мамаю бойцов с перевесом
Противостать ли ужасному бесу»?
«Иди против хана без страха, открыто,

Тебе, без сомненья, Спаситель поможет,
Сойдёт с небеси на войска благодать,
И сможешь ты ханскую власть уничтожить...».

Отправился князь по уделам далече
Дружины собирать на кровавую сечу –
Святое нельзя басурманам отдать.

10

Святое нельзя басурманам отдать:
Сергия чадо – жена Евдокия –
Народу Руси – благодатная мать –
Станут с Димитрием в мире святыми.

Димитрий с дружиной в обитель приехал
На правую битву взять благословенье:
Услышали воины ангелов пенье,
Небесный глагол Преподобного эхом:

«Благословлю Пересвета с Ослябей
Смело идти на безбожное войско,
Гибель принять, как Спаситель наш – стойко...

Бог отведёт неуверенность, страх,
Чтобы с молитвой горячей в сердцах
Желанье рассеять татар не ослабло...».

11

Желанье рассеять татар не ослабло,
Но перед боем разведали прежде,
Что у Мамаю бесчисленно сабель:
Заколебался князь в лёгкой победе.

Внезапно с посланием нарочный прибыл:
Предрёк Преподобный победу дружинам,
Плетенье венцов убиенным невинным,
Полчищам хана срамную погибель.

С братией вместе во время битвы
В обители Сергей стоял на молитве,
По имени всех называя убитых...

За православие, землю родную,
За Русь неподвластную бесу, Святую –
Русский народ поднялся на защиту!

12

Русский народ поднялся на защиту,
Тму одолел, аки дикого зверя,
Русь отстоял: войско черни разбито –
Нам сохранил православную веру.

Димитрий просил Преподобного быть
Крёстным отцом своих малых детей,
Чтобы связала духовная нить
Навечно их души с верой своей...

Плакала Русь, хороня молодого –
Сергий отпел со слезами Донского:
Путь раба Божия в славе ухабист.

Сергий пред Богом за землю ходатай!
Не одолел его враг бесноватый.
Разверзлись над Русью небесные хляби.

13

Разверзлись над Русью небесные хляби –
Просил Алексей, чтобы стал Преподобный
(Овеянный славой, любовью народной),
Митрополитом – не дать Русь разграбить.

Сергий ответил: «Владыко Святый!
Если не хочешь меня отогнать,
Не говори мне о сем, недостойному...».
Внял тот решенью его непреклонному.

Вдруг слышит: «Пречистая Дева грядет!»
«Я неотступно всегда при тебе,
Буду обитель твою покрывать...».

Пресвятая коснулась его – пал без сил:
Он Богородицу исто молил
Деля того, чтоб неверье изгнать.

14

Деля того, чтоб неверье изгнать,
К Минину Сергей пришёл наяву
В Смутное время, чтоб строго сказать:
«Лавра не сдастся! Иди на Москву!»

Избрал избавителя Русской земли.
Французов от Лавры молитвой прогнал.
По смерти своей чудеса совершал –
На люд православный Свет Божий пролил.

Ходатайствуй всем, призывающим тя,
Любящим, как твоя вечная братия,
Молитвенно не прибывая в печали.

О святости Сергия русичи знали:
Грехи улетали, как воронов стаи –
Утрени солнышком Русь освещали.

15

Утрени солнышком Русь освещали.
Сергий для Бога хотел быть полезным.
Чтобы прослыл богомольцем усердным,
Святые родители к Богу зывали.

Стал он игуменом в новой обители –
Братьев учил возрастать силой духа,
Не доверяться речам совратителей,
Предупреждал в слабых душах разруху,

Не затаил на злотворных обиду...
Святое нельзя басурманам отдать,
Желанье рассеять татар не ослабло:

Русский народ поднялся на защиту,
Разверзлись над Русью небесные хляби
Деля того, чтоб неверье изгнать.

X

**Святой праведный воин
Фёдор Ушаков (1745–1817)**

1

Деле того, чтоб неверье изгнать
Из несмышлёных строптивых мальчишек,
Семьи пытались мальчикам прививать
Строгую нравственность, данную свыше.

Был перед Фёдором светлый пример:
Дядя-монах и двойной его тёзка –
В служении Богу не знал полумер
Воин за веру Христового войска.

Рассказы о нём приносили плоды:
Скромный, уступчивый юноша Фёдор
В минуты опасности, страха, беды

Вдруг становился решительным, твёрдым!
Вознаградятся бывлые усилья –
Юных родные молениям учили.

2

Юных родные молениям учили.
Осваивал флотское дело пять лет –
Средь лучших окончил учёбу кадет.
От порчи духовной семья оградила.

Принял присягу Отечеству мичман,
На Балтике школу морскую прошёл,
Был по душе ему северный шторм:
На флоте он стал офицером отличным!

Мы по Азовскому вольно ходили,
На Чёрном – к османцам не шли на поклон:
Фёдор отбыл по Указу в Херсон

Строить России родной корабли!
Люди старались, как только могли –
Верой и правдой Державе служили.

3

Верой и правдой Державе служили
Воины на православной Руси:
Шведов и немцев заслуженно били,
Нас от монгольского рабства спасли.

Вписаны кровью героев в скрижали
Вечно немеркнущие имена!
В битвах за веру они умирали –
Погибшим Всевышним прощалась вина.

Увидел в бою погибавший матрос,
Что с Фёдором рядом стоит в полный рост
Архистратига небесная рать!

Когда становилось немислимо трудно,
Случалось средь боя великое чудо –
С молитвой умели врага побеждать.

4

С молитвой умели врага побеждать
Не только в боях за свободу России!
В Херсоне чума всех нещадно «косила»:
Но Фёдор готов ей сражение дать.

Строительство флота пора прекратить
И вывести в степь боевую команду:
Матросов от смерти сумел оградить –
За это получит от Бога награду.

Да в маленьком городе лекарей мало,
Лекарств на морскую братву не хватало,
Но дух капитана чуме не согнуть:

Устроил для каждой артели палатку
И самолично следил за порядком –
Спаситель дал Фёдору праведный путь.

5

Спаситель дал Фёдору праведный путь:
Наложён запрет на общенье с больными,
Чумных не сдавал в госпитальную жуть –
Увёл их от смерти путями иными.

Здоровым – предписывался карантин:
Страхи о чёрной напасти – в запрете.
Одежды больных полоскал южный ветер,
Палатки съедал очистительный дым.

Не уповал на слепую удачу –
Матросам несносные ставил задачи,
Кои в аду не осият и черти.

Чуму одолеть не могли в один миг,
Но победил её раньше других –
Ближним своим сострадал с болью в сердце.

6

Ближним своим сострадал с болью в сердце:
Сирот опекал, словно кровных детей,
Помощь оказывал единоверцам
За преданность Богу, Державе своей.

Подписан с османцами жёсткий Трактат:
Крым на века закреплён за Россией –
Послали к границам военные силы
В надежде, что южный оплот сохранят;

В Крыму Севастополь и верфь возведут,
Построят и порт, и Адмиралтейство.
Фёдору флот под начало дадут.

Империи эта работа ценна!
России объявлена турком война.
Смело навстречу шёл огненной смерти.

7

Смело навстречу шёл огненной смерти
В первом сражении с турецкой эскадрой.
Османцы построились, как для парада –
Фёдора флагман был на примете:

Турки пленить корабли восхотели –
Взять малочисленных на абордаж.
Но не достигли намеченной цели:
Спас «Святой Павел» – Всевышнего страж.

Русской эскадре победа досталась:
Как «Святой Павел», бесстрашно сражалась.
Завистникам славу – не умыкнуть.

Всех удивляла природная скромность:
Он уповал лишь на Божию помощь,
Одолевая духовную круть.

8

Одолевая духовную круть,
Не был, как все, по-земному тщеславным.
Мудрым, смиренным и православным –
Видел во всём занебесную суть.

Вновь разгромив Оттоманскую Порту,
Турок поверг в бессознательный страх.
У наших матросов одно на устах:
Где Ушаков – там победа нам впору!

Царице донёс с восхищеньем Потёмкин:
«Бой был жесток, для нас славен тем паче...».
Он чрезвычайно баталии рад,

Желал Ушакову в сраженьях удачи!
Во благо оценят победу потомки!..
Стоял за Отчизну не ради наград.

9

Стоял за Отчизну не ради наград:
Флот оттоманский мечтал раздраконить –
Славу России Крымом умножить,
Чёрное море вновь Русским назвать...

Турки собрали изрядные силы:
Султан жаждал дать сокрушительный бой –
Уверен был в мощи судов огневой,
Но принял решение во дни роковые.

Манёвром нежданно для врага дерзким
Разбил Ушаков в щепы флагман турецкий:
Просил экипаж о пощаде в огне –

Такое привидится в дьявольском сне!
В сражениях Фёдору крах был неведом
За веру, за вечную жизнь и победу.

10

За веру, за вечную жизнь и победу
Молился пред боем всегда Ушаков:
«Ничтоже есть» люд без молитвенных слов,
Не связанных с Ним за Державу обетом.

Придя в Севастополь, дал строгий приказ:
Быть на молебне всем в храме Николы,
И принести благодарность Престолу
За помощь, что вверил всемилостный Спас.

Молился за Русь в Санаксарской обители,
Дядя-святой – уже небожитель –
В завтра явив прозорливые вежды,

Узрел: «Враг, сродясь одолеть нас не сможет:
Присно молитесь, Господь нам поможет...»
Хранил завсе в сердце на Бога надежду.

11

Хранил завсе в сердце на Бога надежду:
Турецкий флот был совершенно разбит –
Не знали такого на море мы прежде –
Здесь твёрдой ногою Россия стоит...

Царица призвала его в Петербург:
Она восхотела увидеть героя,
О ком разносился диковинный слух, –
Державе вернувшего Русское море...

Не обольщался земным ореолом.
Святые Предтечи пред Божьим Престолом
Деяния Фёдора благословят:

Не обесславил Державу позором.
(Был у него я трубою подзорной)
Я вижу, как вражьи эскадры горят.

12

Я вижу, как вражьи эскадры горят...
И в страхе султану уже донесли,
Что русские пушки на весь мир бьют,
Как флот оттоманский до дна разнесли!

Вмиг договор был подписан о мире:
О землях меж Бугом, Днестром и о Крыме...
Основан Тирасполь и Григориополь –
Портом и крепостью стал Севастополь!

Приверженность Фёдора к вере отцов
Давала уверенность в будущей жизни:
Служить всегда с честью любезной Отчизне,

Родину чтить, словно Божью святыню, –
Отдать свой живот за неё был готов.
Помнит Россия о доблестном сыне.

13

Помнит Россия о доблестном сыне:
Взял Ионические острова –
Верою с Грецией были едины,
Под гнётом французов полужива.

Для христиан адмирал – благодетель,
Сбросив несносное иго с души,
Народы желали ему многолетия,
Чтоб супостата навек сокрушил.

Суворов на суше, а Фёдор на море
Штыком и ядром истребляли врага,
Чтоб к Русскому морю примкнуть берега.

Судьбе многотрудной был Фёдор покорен
По воле Господней в лихую годину...
И Земле Русская славит поныне.

14

И Земле Русская славит поныне
Воина праведного Ушакова –
Истинно любящего христианина
Родину предков и русское слово!

Выйдя в отставку, от дел удалился:
От славы великой, двора и царя,
В своей деревеньке навек поселился
Вблизи Санаксарского монастыря.

По воскресеньям и праздничным дням
С братией службы выстаивал там!
Люди, чтоб детям их святость познать,

С малого в церковь ходить приучили –
Жизнь Ушакова в пример приводили,
Деля того, чтоб неверье изгнать.

15

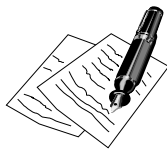
Деля того, чтоб неверье изгнать,
Юных родные молениям учили:
Верой и правдой Державе служили,
С молитвой умели врага побеждать.

Спаситель дал Фёдору праведный путь,
Ближним своим сострадал с болью в сердце,
Смело навстречу шёл огненной смерти,
Одолевая духовную круть.

Стоял за Отчизну не ради наград:
За веру, за вечную жизнь и победу,
Хранил завсе в сердце на Бога надежду.

Я вижу, как вражьи эскадры горят...
Помнит Россия о доблестном сыне –
И Земле Русская славит поныне.

ПАМЯТЬ

Сергей ЧЕРНЫШЕВ

Хозяйка Абрамцева

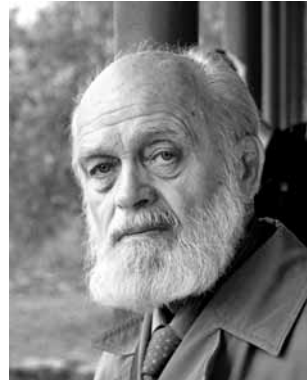
(Взгляд из семьи: к 170-летию со дня рождения Е.Г. Мамонтовой)

В 2008-2009 годах мне довелось работать над выставкой в связи со 100-летием со дня кончины моей прабабушки Елизаветы Григорьевны Мамонтовой (1847–1908). Это было счастливое время углублённого знакомства с ней, обогащения прекрасным. Далека эпоха, когда она жила. То было другое время с иными человеческими отношениями!

С детства уважал я и любил ту, чьи портреты всегда висели в наших жилых комнатах. Я относился к ней, как бабушке моей матери. Сейчас образ её для меня расширился. Теперь для меня она не только бабушка мамы, но и деловая самостоятельная хозяйка Абрамцева, активная участница создания знаменитого Мамонтовского художественного кружка, член этого кружка со своими многочисленными важнейшими для кружка функциями.

Открытием для меня стало, что она была шестидесятиницей, до конца дней верной идеям, впитанным в юности от А.И. Герцена и ему подобных демократов. О революционно настроенных шестидесятиниках, о народниках нам твердили в советской школе. Революционеры-народники, террористы и православная Елизавета Григорьевна. Что общего может быть между ними?

Но они люди одного времени, и общее есть. Во-первых, любовь к простому люду и стремление изменить, улучшить его жизнь. Во-вторых, твёрдость, верность идеалам. Она преследовала те же цели, что и революционеры, но путь и возможности у неё были другими. При активной поддержке мужа она создала в Абрамцеве учреждения, которые мирным путём решили для округи те проблемы, которые революционеры хотели решать (и не решились) через террор и на баррикадах. Елизавета Григорьевна сняла вокруг себя социальную

Сергей Николаевич Чернышев – профессор двух московских университетов – строительного (МГСУ) и православного гуманитарного (ПСТГУ), доктор геолого-минералогических наук. Преподаёт экологию и инженерную геологию в университетах и Закон Божий в воскресной школе. Окончил Московский геолого-разведочный институт (1959) и Православный Свято-Тихоновский институт (1994). Родился в Москве в старомосковской православной семье в 1936 г. Работал на стройках Сибири, Средней Азии, Ирана, Монголии геологом-языкателем. С 1970-х гг. включился в работу по охране и реставрации памятников истории и культуры. Член ЦС ВООПИиК, Научно-методического совета Министерства Культуры. За педагогическую и реставрационную деятельность награждён орденом и медалью Московской Патриархии.

Живёт в Москве.

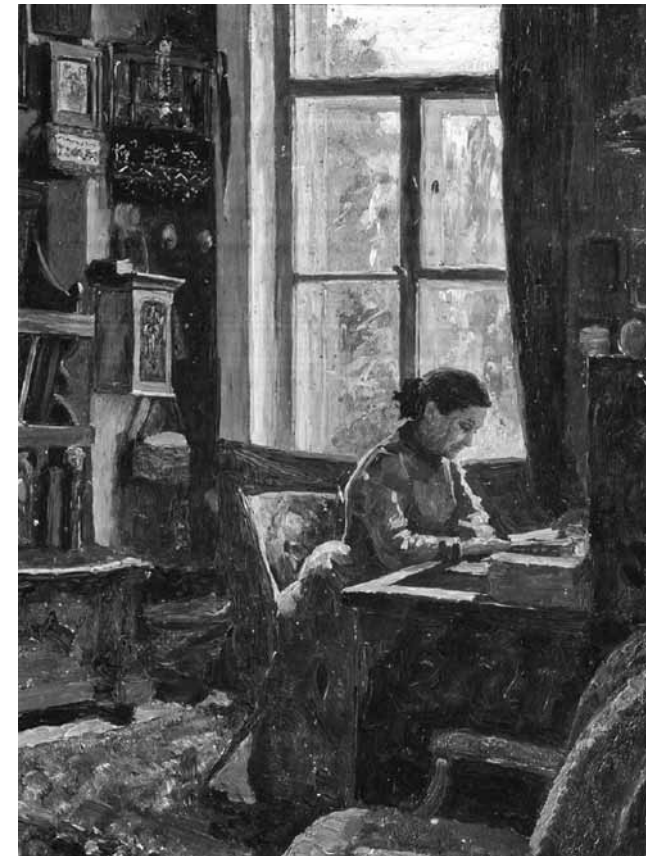
напряжённость. Поэтому в непосредственной окрестности Абрамцева не было революционных выступлений.

Елизавета Григорьевна в значительной мере создала нынешнее Абрамцево. Она его и сохранила в революционные годы, наступившие через 10 лет после её смерти. Абрамцево мирно переступило порог революции и вошло в советскую Россию с сохранением уклада жизни, с сохранением художественного кружка и профессионального училища.

Уместно вспомнить, что быковский крестьянин Иван Андреевич Широков, выпускник абрамцевской школы, на посту председателя Хотьковского волостного совета в 1918-19 способствовал созданию Государственного историко-художественного музея, то есть сохранению Абрамцева. Благодарственный адрес от кустарей, вручённый Елизавете Григорьевне и хранящийся в Абрамцеве, подписан двумя Широковыми.

Савва Иванович полностью поддерживал жену в её социальной деятельности, создавал ей условия для работы, потому что сам имел те же взгляды на народные проблемы и строил новую капиталистическую Россию.

Меня ранее удивляло, как полюбили друг друга и вскоре поженились столь разные характерами Елизавета Григорьевна и Савва Иванович. Всмотревшись, я понял, что в пору знакомства в Милане у них было много общего: принадлежность к московскому купечеству, отсюда одинаковое воспитание, общие интересы и хорошее взаимопонимание; у обоих было непреклонное желание начать и прожить жизнь с пользой для страны, желание, такое чуждое нашему времени; был безупречный художественный вкус – профессиональное свойство шелкоткацкой семьи Сапожниковых и свойство, врождённое у Саввы Ивановича; любовь к Италии, которая их и сблизила при встрече в Милане; любовь к музыке, профессиональное исполнительское мастерство, обрётённое у лучших педагогов Европы (Е.Г. совершенствовалась у пианистки Клары Шуман – вдовы композитора, Савва Иванович освоил вокал у одного из лучших педагогов Милана и был приглашён дебютировать в миланской опере), и многое другое.

А.А. Киселёв. Е.Г. Мамонтова в своём кабинете в Абрамцеве. Конец 1880-х – начало 1890-х.

Государственный историко-художественный и литературный музей-заповедник «Абрамцево».

И.Е. Репин. Портрет Е.Г. Мамонтовой. 1874-1879

рёл преимущественно трудом Елизаветы Григорьевны. Межсемейные связи очень упрочняли его. Это была не артель, а община.

В то время в России работники объединялись в артели. Например, бурлацкую артель изобразил И.Е. Репин на известной картине. Существовали и творческие артели, например, для росписи храмов.

Общины, как объединение семей, тогда создавались в раскрепощённой деревне. За них ратовали славянофилы. В артели связи выстраиваются в одной профессиональной плоскости, как в плетёной рыбацкой сети. В общине же связи существуют в многомерном пространстве. К деловым добавляются связи на религиозной и социальной почве, а так же связи между детьми и жёнами профессионалов. В такой густой сети глохнут профессиональные противоречия и производственные конфликты, которые разрушают артель, но не общину. Артель всегда только временное объединение.

Видимо, Елизавета Григорьевна чувствовала и понимала это. Она превратила свою семью в центр творческой общины, а потом стала формировать большую общину кустарей вокруг художественной общины, сделав свой художественный кружок центром большого объединения.

Художественный кружок у неё в имени превратился в большую семью. Ключевое слово для её деятельности – семья. Она стремилась укрепить семью крестьян в округе и, конечно, семьи друзей-художников.

Кружок-семья как центр делал проекты кустарных изделий и осуществлял продажу, готовил кадры для округи, боролся с эпидемией холеры в соседних деревнях, построил церковь, где молились вместе с крестьянами.

Созданную Елизаветой Григорьевной систему после матери поддерживала её дочь Александра Саввишна. В известной мере, части этой системы сохраняются и теперь. В Хотькове существуют творческие союзы и отдел музея,

Духовное и культурное богатство обоих позволило им создать такую семью, у которой согрелись многие одарённые люди. Вокруг молодой четы Мамонтовых возник творческий союз. Заботы о его формировании и поддержании объединяли супругов, объединяли их и дети.

Творческий союз этот теперь получил искусствоведческое название Мамонтовский художественный кружок. Он не был объединением только талантливых творческих работников, но был объединением семей, что имело громадное значение. Семейный характер кружок приобрёл

которые поддерживают между собой рабочие контакты. Абрамцевское Художественно-промышленное училище, этот весомый осколок системы Елизаветы Григорьевны, успешно миновал бури горбачёвской перестройки и ельцинской анархии. Надеюсь, будут восстанавливаться связи колледжа с музеем.

У собо хочется сказать о сохранении связей между семьями участников Мамонтовского художественного кружка. Здесь я могу говорить от первого лица.

Вспоминаю, как меня, школьника принимал в Киеве в 1953 году Николай Адрианович Прахов. Его друзья детства по Абрамцеву, а мои ближайшие и любимые родственники Александра Саввишна и Всеволод Саввич Мамонтовы, для него Шура и Вока, называли его Кока, как с детства повелось.

Я тогда не смел пользоваться этим сокращением имени даже с приставкой «деда-». Но теперь с высоты своего возраста понимаю, что Николая Адриановича могло порадовать, если бы я вернул ему старое абрамцевское имя. Всеволода Саввича мы называли деда-Вока.

Николай Адрианович встретил меня на вокзале (ему было тогда 70 лет), отвёз домой, показывал свои коллекции, водил по музеям и их запасникам, запускал на леса реставрируемой Софии, рассказывал много и интересно. Я несколько удивлялся, что такой пожилой и уважаемый в городе человек уделяет мне, чужому, столько внимания, но не стеснялся.

Теперь понимаю, что для него я был живым продолжением дружеской мамонтовской семьи, а не чужим. Я был подготовлен к встрече с Н.А. Праховым долгими беседами с С.Н. Дурьиным у него на даче и многими годами жизни в музее В.Д. Поленова, потому активно интересовался его рассказами.

Николай Адрианович увлечённо водил меня по Киеву, погружал в дорогу для нас обоих историю Мамонтовского художественного кружка и его киевской ветви, где работали А.В., Е.А., Н.А. Праховы, В.М. Васнецов, М.А. Врубель, М.В. Нестеров. Для меня это были знакомые имена людей, о которых я был слышан от моих близких.

В Киеве тогда гостила Е.П. Нестерова, жена художника. Она знала меня по Москве. Мы в Киеве общались с ней за чаепитием у молодого скульптора Г. Хусида, которого Н.А. Прахов и С.Н. Дурьин вовлекали в какой-то свой художественный проект.

С.Н. Дурьин, профессор и доктор наук, тоже участник Мамонтовского кружка был инициатором моей поездки в Киев и оплатил её.

Связи, устроенные Елизаветой Григорьевной и Саввой Ивановичем работали. Воспитанию подрастающего поколения, как и в пору молодости моих почтенных опекунов, уделялось большое внимание.

Сходный случай очень тёплого гостеприимства описывает моя мать¹. В 1931 году она девушкой приехала в Поленово и с необычайной теплотой была принята вдовой художника Натальей Васильевной, тяжело больной и

¹ Е.А. Самарина-Чернышева. Сорок лет в усадьбе. Памятники Отечества. № 52, 2001 г., с. 126-133.

Е.Г. Мамонтова с дочерьми

не вставшей с постели. Молодая и малознакомая Елизавета была ей дорога как внучка другой Елизаветы, от которой Наталья Васильевна получила всё устройство своей жизни. В Абрамцево при строительстве церкви она сблизилась со своим будущим мужем В.Д. Поленовым, в новой церкви они венчались.

В послевоенном 1945 году моя мать Е.А. Чернышева, в девичестве Самарина, была приглашена в коллектив музея В.Д. Поленова. 25 лет проработала в нём хранителем, полжизни прожила в Поленове.

Когда-то для Поленовых был выстроен дом в Абрамцево, и вот в Поленове приютили внучку С.И. и Е.Г. Мамонтовых. В воспитании её сыновей, оставшихся без отца, принимали участие Поленовы, давая трудовое и спортивное воспитание, обучение языку. То было в абрамцевских традициях коллективного воспитания детей, в том числе в домашних спектаклях, которые ставили в музее Ольга и Наталья Васильевны Поленовы, дочери художника.

В той же поленовской среде воспитывались внуки В.С. Мамонтова, Всеволод, Любовь, Николай, гостившие каждое лето в Поленове.

Связи с Поленовыми всегда были не просто дружескими, но деловыми. Поколение детей и внуков создателей Мамонтовского художественного кружка стали хранителями традиций и художественных ценностей, созданных отцами.

Так, Н.В. Поленова, дочь художника, помогала главному хранителю музея Абрамцево В.С. Мамонтову в 1946-50 годах возвращать экспонаты, размещённые в других музеях.

Сотрудничая, они отчётливо знали, что их объединяет именно память о Елизавете Григорьевне. В доказательство приведу строки из письма 1946 года от Н.В. Поленовой к А.С. Мамонтовой – младшей дочери С.И. и Е.Г. Мамонтовых. Александра Саввишна, передала государству имение Абрамцево,

организовала музей и почти 10 лет была его директором, в 1928 году арестована и освобождена без права возвращения в Абрамцево. Скиталась. После Великой Отечественной войны она была принята в Поленове с семьёй племянницы. Вот слова к ней от Н.В. Поленовой:

«Вы внесли в жизнь поленовского дома столько такого тепла и уюта, который я на всю жизнь сохранила в душе своей от тётки Лизы (Е.Г. Мамонтовой – С.Ч.). Это воспоминание детства, но, может быть, в зрелом возрасте я почувствовала это гораздо сильнее, ещё глубже. <...> Лиза (Е.А. Чернышева – С.Ч.) унаследовала от своей бабушки, мне кажется, умение собирать вокруг себя творческих людей, давать им тепло и уют, который так умела создавать тётка Лиза, но, увы, Лизина жизнь не так сложилась. <...> Думаю о том, что настанет весна и мы опять все соберёмся вокруг тебя (то есть Александры Саввишны Мамонтовой – С.Ч.), я именно хочу, чтобы все почувствовали, что ты самая старшая, самая удивительная и мудрая среди нас и чтобы все <...> понимали, что собраться нужно вокруг тебя и чтобы дети это поняли и не угнетали тебя»¹.

Деловые связи с Поленовыми на почве охраны культуры и музейной работы у нас не прерываются по сей день. С внуком художника Ф.Д. Поленовым я сотрудничал в ЦС ВООПИК, когда он был председателем, а я членом Центрального совета этого, тогда значительного, общественного союза.

В 2003 году мне по предложению Н.Н. Грамолиной-Поленовой довелось работать в музее В.Д. Поленова, создавая выставку «Мамонтовы и Поленовы: Две семьи – одна судьба», и так далее по сей день.

Можно рассказать о таких же связях, сохранившихся у нас с потомками В.М. Васнецова, о том, как дети художника на много лет приютили в своём доме А.С. Мамонтову после изгнания её из Абрамцево, как принимали они и её близких, как Т.В. Васнецова сделала для неё копию «Девочки с персиками», когда оригинал забирали в Третьяковскую галерею, как Андрей Владимирович Васнецов, внук художника, помог своей подписью нам (группе учёных во главе с вице-президентом РАН академиком А.Л. Яншиным) в борьбе с проектом Переброски стока северных рек. При этом сказал, что делает трудный шаг при его ответственном положении (он тогда возглавлял Союз Художников СССР; он, партиец, должен был выступить против линии партии, одобренной на 27-ом съезде) и решается на это только потому, что к нему пришёл человек из семьи Мамонтовых.

... Живы контакты с семьёй отца Павла Флоренского, который бывал в Абрамцево.

Да, связи того типа, что были организованы С.И. и Е.Г. Мамонтовыми выдержали испытание временем, сложнейшим временем, которое рушило и ломало все связи в обществе, установленные в царской России.

¹ Е.А.Самарина-Чернышева. Там же, с. 128.

«Вот книгу бабушка читает / Послушать сказку кто желает». Е.Г. Мамонтова. Абрамцевское лото для внуков С.И. и Е.Г. Мамонтовых (фрагмент – портрет Елизаветы Григорьевны). Текст С.С. Мамонтова, рисунки А.С. Мамонтовой. 1908.

Память об общественной деятельности предков и мамонтовские гены побуждали потомков в разных поколениях объединять людей на почве культуры.

Можно было бы ещё рассказать, как в советское время с неуёмной энергией Е.В. Щельцына и С.В. Волкова, внучки Е.Г. Мамонтовой, создали у себя в квартирах в 1970-х годах кружок по изучению русской старины с поездками по памятникам, с рассказами и романсами за гостеприимным столом. Это делалось по-мамонтовски: общительно, щедро, независимо – без оглядки на господствующую в стране идеологию застойного периода. В Абрамцеве во все его исторические периоды не смотрели на официальную идеологию, а создавали свою.

Или рассказать, как в далёком Буэнос-Айресе потомки С.И. и Е.Г. Мамонтовых организовали русскую любительскую труппу для сохранения культуры и языка предков в среде эмигрантской молодёжи. Но всего не перескажешь. Видимо, это отдельные темы об отсветах Мамонтовского кружка.

В нашей большой семье мамонтовских потомков свято чтится память Елизаветы Григорьевны. Своя Елизавета есть почти в каждом поколении из шести, родившихся после Елизаветы Григорьевны. У моей дочери Елизаветы хранятся вещи Елизаветы Григорьевны, в частности Евангелие, подаренное прапрабабушке в 1859 году, когда той исполнилось 12 лет.

Хотелось бы, чтобы посетитель Абрамцева воспринял от Елизаветы Григорьевны понимание общественного значения крепкой семьи. Она необходима для гармоничного развития личностей в семье или даже около семьи.

Хотелось бы, чтобы ещё долгие годы помнили, что была такая женщина, которая рычагом своей семьи двинула горы проблем округи и даже страны. А ведь ни здоровье, ни семейное благополучие у неё самой не были исключительными. Большие скорби приносили ей вольно или невольно самые близкие люди, за скорбями следовали болезни. Но она всё терпела и сохраняла семью, как скалу, на которой стоял великолепный Мамонтовский художественный кружок, а когда не стало сил и пришло время отойти в иной мир, она передала семью и всё с ней связанное в руки подготовленной ею незамужней дочери Александры Саввишны.

Елизавета Григорьевна Мамонтова

Годы жизни и деятельности:

- 1847 – 1 (14 по новому стилю) сентября родилась в Москве.
- 1864 – знакомство с Саввой Ивановичем Мамонтовым в Италии.
- 1865 – венчание с С.И. Мамонтовым в церкви подмосковного села Киреево.
- 1867 – рождение сына Сергея.
- 1869 – рождение сына Андрея.
- 1870 – покупка подмосковной усадьбы Абрамцево. Рождение сына Всеволода.
- 1872 – знакомство в Италии с М.М. Антокольским и В.Д. Поленовым.
- 1873 – организация лечебницы в Абрамцеве. Первый приезд в Абрамцево В.Д. Поленова, М.В. и А.В. Праховых, В.С. Серовой с сыном, В.А. Серовым – будущим художником.
- 1874 – организация школы в Абрамцеве.
- 1875 – рождение дочери Веры.
- 1876 – организация столярной мастерской в Абрамцеве.
- 1877 – первый приезд в Абрамцево И.Е. Репина. Начало литературных чтений в московском доме Мамонтовых.
- 1878 – основание Абрамцевского художественного кружка. Приезд в Абрамцево И.С. Тургенева. Первый театральный вечер в московском доме Мамонтовых. Рождение дочери Александры.
- 1879 – первый приезд в Абрамцево В.М. и А.М. Васнецовых. Участие в любительском спектакле «Два мира» по пьесе А.Н. Майкова в московском доме Мамонтовых.
- 1881 – основание коллекции произведений народного искусства в Абрамцеве.
- 1881–1882 – строительство церкви Спаса Нерукотворного в Абрамцеве.
- 1882 – первый приезд в Абрамцево Е.Д. Поленовой и И.С. Остроухова.
- 1885 – художественным руководителем абрамцевской столярной мастерской становится Е.Д. Поленова, мастерская выполняет первые заказы и составляет изделия на продажу. Первый приезд в Абрамцево К.А. Коровина и И.И. Левитана.
- 1888 – первый приезд в Абрамцево М.В. Нестерова.
- 1890 – организация гончарной мастерской в Абрамцеве. Первый приезд в Абрамцево М.В. Врубеля и А.А. Киселёва.

- 1891 – смерть сына Андрея.
1896 – участие во Всероссийской промышленно-художественной выставке в Нижнем Новгороде.
1898 – смерть Е.Д. Поленовой. Художественным руководителем абрамцевской столярной мастерской становится Н.Я. Давыдова.
1899 – С.И. Мамонтов арестован по обвинению в финансовых злоупотреблениях.
1900 – С.И. Мамонтов оправдан судом присяжных, но полностью разорён.
1907 – смерть дочери Веры.
1908 – 28 октября (11 ноября по новому стилю) скончалась в Москве.

ПОЭЗИЯ

Виктор КАШКИН

Виктор Михайлович Кашкин – член МГО СП России и Академии российской литературы. Публикации (с 1985 г.) в газетах, журналах, коллективных сборниках. Лауреат конкурса «Лучшая книга 2012-2014» за поэтический сборник «Всего дороже».

Живёт в Москве.

«Как хорошо вчера на крестном ходе...»

Дождусь ли вновь авиарейса?
До Керкиры, опять в страну,
Где с морем днём на солнце грелся,
Где с ночи, проводив луну,
К заутрене петлял до храма
По лабиринту мостовых.
Когда в тупик вела реклама,
Шёл, веря житиям святых.
И по молитвам Спиридона,
Когда святого навещал,
Душа пасхальным перезвоном
Парила, пав к его мощам.

Много ли мне надо? Ручка да бумага,
Да в щепотку сложенных три моих перста,
Да нательный образ, Господи, Честного
И Животворящего Твоего Креста.

Чтоб не напугала в городе дворянка,
Чтоб не убоялся на селе куста,
«Огради мя, Господи, силою Честного
И Животворящего Твоего Креста...»

Чтобы не отстала от меня отвага
В поле у всячеге над Протвой моста,
Ни на час, ни на день, а не то, что на год
Мне не расставаться бы с именем Христа.

«Огради мя, Господи, силою Честного
И Животворящего Твоего Креста...»
Много ли мне надо? Ручка да бумага,
Да в щепотку сложенных три моих перста.

Читаю Библию как будто по складам.
Здесь в родословной на себя увидел,
Что у отца по имени Адам
Сын брата своего возненавидел.

Добравшись до истоков той строки,
Где был исход еврейского народа
От берегов египетской реки,
Иду за Моисеем больше года.

С дороги, что осияют сорок лет,
Дай веры, Господи, не отлучиться,
Пока ещё механика планет
За братьев дарит время помолиться.

Не уверен, что меня крестили,
Если храма не было окрест,
И в миру лампадок не теплили
И венчать не думали невест.

Разве что у бабушки в каморке,
Получив пасхальное яйцо,
Разгляжу на рыженькой иконке
Вроде бы крестьянское лицо.

Вот и вся наука мне о Боге.
Был ли у меня нательный крест?
Не скажу, не встретив по дороге
Прихожанок из окрестных мест.

Богу бо есмы споспешници^{1*}

Когда же будет покаяние?
Признание своей вины
Не умаляется незнанием
Обратной стороны луны.

¹ Мы соработники (συνεργοί) у Бога... (1 Кор. 3:9).

Не ради любопытства штучного
И, знамо, что не за гроши,
И не для вывода научного
Раскопками своей души
Снабжал задворки литераторства.
И всё бы, право, ничего,
Не вспомни бы свой долг соавторства
В судьбе спасенья моего.

Как хорошо вчера на крестном ходе
В колокола храм на Кулишках бил,
И преподобный с нами был Мефодий,
И преподобный брат его Кирилл.

И Патриарх всея Руси молебен
Учителям Словенския служил.
И я глядел, как белый голубь в небе
Над православным городом кружил.

Со школы нас водили мимо храма
Под анекдоты про церковный клир,
И предназначена была б мне слава Хама,
Когда бы не Мефодий и Кирилл.

Как хорошо вчера на крестном ходе
Радели обо всех, кто приходил,
Святой равноапостольный Мефодий,
Святой равноапостольный Кирилл.

Вещали дикторы не ту метеосводку,
Внушали мне, что всё не так у нас:
И здешний климат, и налог на водку,
И смута, что затеяли на Спас.

Как хорошо вчера на крестном ходе
С хоругвями плыла Святая Русь.
Мне каждый день врут о моём народе,
А я ответить всё не соберусь.

Светлана КОППЕЛ-КОВТУН

Человек человеку – волк, брат, ангел или бревно?

Философы говорят, что мы живём во времени, для которого уже нет времени, т.е. когда история закончилась. В таком случае у нас весьма удобное положение на стреле времени – мы можем охватить взглядом некое культурно-историческое целое. Достаточно сформулировать ключевой вопрос, а затем в его фокусе оглядеть уже пройденный путь, чтобы понять важное для нас сегодня.

Антропологический кризис – одно из ключевых определений времени, то есть его центральная проблема – кризис человека. И межчеловеческие отношения здесь, пожалуй, играют решающую роль.

«Люби ближнего как самого себя» – это человеческий идеал и вторая часть единой заповеди о любви к Богу. Всякий, кто стремится быть человеком и действовать по-человечески, намеревается приблизиться к этому евангельскому образцу. Почему же человек сегодня может сотворить любую гнусность, не переставая мыслить себя хорошим? Качество человеческого материала таково, что ради того, чтобы выглядеть в своих (и чужих) глазах смиренными и праведными (правильными), многие с готовностью убьют Христа, не переставая при этом мнить себя христианами.

Как известно, отношение к другому – это результат отношения к себе, ибо человек становится тем, чем стремится стать. Следовательно, причина антропологического кризиса – неправильный выбор себя, своих целей и ориентиров. Как заметил в своё время учёный-физик Сергей Капица, «софт» человечества не соответствует его «железу».

Но большинство людей вообще ничего не выбирает, а просто принимает навязанные извне модели мышления и поведения. Отсюда несложно сделать вывод о рукотворности данного кризиса. Мы сами его себе выбрали и осуществляем.

Светлана Анатольевна Коппел-Ковтун – в журналистике с 1992 г. Начинала на телевидении, в качестве телеведущей, автора и режиссёра цикла передач на религиозно-философскую тематику, затем работала в региональной газете. С 2004 г. сотрудник редакции всеукраинского миссионерско-просветительского журнала «Мгарский колокол». Учредитель и руководитель Международного клуба православных литераторов «Омилия» (2007). Сотрудник Миссионерского отдела УПЦ. Стихи, проза и статьи неоднократно издавались в коллективных сборниках и периодике. Лауреат нескольких литературных конкурсов. Член Национального союза журналистов Украины. Живёт в Лубнах (Украина).

Равновесие мира

Мир никогда не был вполне хорош, разве только до грехопадения прародителей Адама и Евы. Однако вряд ли он был когда-либо настолько безумен, как сегодня.

Богу Богово, а кесарю кесарево – таков закон бытия Церкви в мире. Как и заповедь о любви к Богу, этот закон двусоставен. То есть, Богу Богово надо отдавать не в меньшей степени, чем кесарю кесарево. Бог призвал своих последователей быть Его присутствием в мире, Христос жаждет служить нашими телами и душами делу созидания Церкви. Быть Христовым можно не иначе, как являя Христа ближним. Вера – это осуществление ожидаемого Царства Небесного, созидание его, потому, если мы не заняты делом такого осуществления, то мы не отдаём Богу Богово, и равновесие мира нарушается.

Ницше был прав, Бог умер¹ – и не только у них, на Западе, но и в наших умах и сердцах, судя по фактам, Царя Небесного как бы нет, в нас господствует хаос всевозможных «измов», причём искалеченных, облачённых в бестолковые постмодерновые обёртки. Ясно, что Бога убил не Ницше, он только оповестил нас о случившемся, да и времени с тех пор прошло немало: неужели нынешний антропологический кризис – это всё тот же процесс? А как же религиозный ренессанс в России, случившийся после развала СССР? Он вписывается в эту колею или стоит особняком? Россия действительно стала православной страной или только прикидывается? Правильный ответ на последний вопрос можно узнать, лишь всмотревшись в ту Россию, которую мы строим: какой Россия стремится стать, такой она и есть. И вот какой ответ подсмотрел у жизни писатель Андрей Битов: «Мы, протестующие и сопротивляющиеся американскому давлению и их образу жизни, оказались в итоге одной из самых американизированных стран в мире. Выйдите на улицу – посмотрите на вывески, рекламу. Посмотрите, какое кино смотрит народ, какими гаджетами пользуется, насколько распространены западные бренды... О каком патриотизме может идти речь? Это чувство не насадишь путём пропаганды. Оно рождается изнутри!».

Ещё Блок видел две России: Россию-Америку и Россию православную и, если верить Битову, мы целенаправленно строим то, с чем якобы воюем. Какой-то постмодерн в головах, иначе не скажешь. А ведь Россия-не-Америка нужна не только России, но и всему миру – для равновесия.

Человек человеку кто?

С некоторых пор человек – это, прежде всего, концепция человека, а их существует множество. Самое печальное, большинство из них утратили созидательные интенции и вообще отказываются от формообразующих функций, несмотря на то, что человек – не данность, а заданность. Чтобы становиться человеком, надо его постоянно воспроизводить в себе, надо снова и снова выбирать в себе человека. Без этого распад человека логичен и закономерен.

Один из ключевых формообразующих моментов есть выбор себя по отношению к другому: кто я есть по отношению к ближнему, кто мне ближний? Равновесие мира зависит от этого выбора, который делает каждый из нас

¹ Не Бог-Творец религии, а Бог философов, Бог-представление – человеческое представление о Боге.

лично и в составе какой-то общности. Этот выбор определяет состояние мира и программирует личные, внутренние устремления каждого.

По большому счёту, миропорядок западного образца вырос из установки «человек человеку волк» (лат. homo homini lupus est), которая пришла из комедии Плавта «Ослы» и стала поговоркой. Гоббс создал свою теорию государства, отталкиваясь от постулата о естественном состоянии людей, которое именуется «войной всех против всех». И, хотя в намерениях было преодоление такого порядка вещей – не допустить создания ада – постфактум можно говорить как раз о его закреплении, ибо в нынешней точке развития западная цивилизация, особенно в лице США, наглядно демонстрирует воплощение данного тезиса в жизнь.

Может быть, идея Сенеки, что «человек есть нечто священное для человека», отошла в тень, по причине устранения или перетолкования на новый лад понятия священного, может быть, ещё по какой-то важной причине, не о том речь. Важно, что колониальный дух западной цивилизации на системном уровне преодолел все человеколюбивые мотивы и устремления, если они там были, и узаконил «войну всех против всех» как норму.

В России же норма по умолчанию всегда виделась иначе: как дружба всех со всеми. Российская империя и создавалась-то больше для совместного существования и защиты от внешних врагов, малые народы просились под защиту русского оружия.

Да, идеальным русский мир не был, но разве на грешной земле можно вполне воплотить высший идеал? Важны устремления, намерения.

Достаточно вспомнить стихотворение Тютчева «Два единства», написанное в 1870 году, чтобы понять, что ничего нового в вышесказанных словах нет:

*Из переполненной Господним гневом чаши
Кровь льётся через край, и Запад тонет в ней –
Кровь хлынет и на вас, друзья и братья наши –
Славянский мир, сомкнись тесней...*

*«Единство, – возвестил оракул наших дней, –
Быть может спаяно железом лишь и кровью...»
Но мы попробуем спаять его любовью –
А там увидим, что прочней...*

Как-то совестно за наше поколение русских, какие-то мы стали «кризисные», словно наказанные Богом безумцы. Как писал выдающийся советский педагог В.А. Сухомлинский, «самое страшное для человека – это превратиться в спящего с открытыми глазами: смотреть и не видеть, сидеть и не думать о том, что видишь, добру и злу внимать равнодушно, проходить мимо зла и неправды. Опасайся этого больше смерти, больше самой страшной опасности...». И ещё: «подлинная любовь рождается только в сердце, пережившем заботы о судьбе другого человека. Как важно, чтобы у детей был друг, о котором надо заботиться». Патриотизм – это тоже любовь, он не насаждается извне лозунгами, а возвращается, как культурное растение. Насаждаемый идеологией внешний патриотизм – это лжепатриотизм, он разрушителен, а не созидателен.

Мы всегда так мыслили и жили, это было азбукой для русского народа – только не сегодня: новосозданная Россия-Америка не справляется с воспроизведением России.

*От мира – прогнившего склепа,
От злобы, насилья и лжи
Россия уходит на небо,
Попробуй её удержи.*

Н. Зиновьев

К поэту надо прислушаться, он не пророчествует, а всего лишь ставит нас в известность о том, что уже произошло – Россия уходит. Та самая Россия, которая мечтала о Святой Руси и потому была Россией.

Это проблема не этнического, а цивилизационного характера – духовная проблема, потому лучшие люди мира ждут возрождения России как России, как последнего удерживающего мир от абсолютного «кризиса».

Русский, так уж он устроен, видит в другом человеке брата, а не волка, потому что равняется на Евангелие, зовущее стать посланником Спасителя в мире сем, явлением Бога на земле, призывающего любить даже своих врагов. Так должно быть, такова наша цивилизационная матрица. Почему же сегодняшней русский человек на выходе не таков? Почему его отношение к ближнему мечется не между братом и ангелом, а между волком и бревном? «Или тут зверь ни при чём, и всё проклятие вовсе не в том, что человек человеку зверь да ещё и бешеный, а в том, что человек человеку бревно. И сколько ни молись ему, не услышит; сколько ни кличь, не отзовется; лоб себе простукаешь, лбом перед ним стучавши, не пошевелится: как поставили, так и будет стоять, пока не свалится, либо ты не свалишься. Так что ли?» (А. Ремизов «Крестовые сёстры», 1910).

Опыт свидетельствует, что от «бревна» до «волка» не так уж далеко, ибо то и другое с лёгкостью приводит мир к состоянию, когда человек человеку становится дьяволом. Этот жуткий мир хорошо описан Ф. Сологубом ещё в 1907 году: «Жизнь – борьба. Кривляются, орут. Ну вас к чорту! Да они от чорта и есть. Их чортом не испугаешь. Разве вы не видите, какие они плоские и серые? Все черти – плоские и серые. Все люди – неужели все? – плоски и серы. Люди – черти. Неужели и вправду черти? Да, насколько они – не-Я. Дьявольскую злобу питают они друг к другу. Они придумывают один о другом страшные, тяжёлые, чёрные слова, которые прожигают душу до дыр. Они куют цепи, тяжкие, как свинец смерти, и липкие, как мерзкая паутина злого паука. Они берут в свои руки того, кто случайно слаб, и бьют его, долго и беспощадно, и тешатся криками, слезами, стонами избиваемого. Подойдут, усмехнутся, – и плюнут в глаза. В глаза привязанного к столбу. Повалят на землю, и ногами, обутыми в тяжёлые сапоги, пляшут на груди поверженного, пока не сломаются рёбра. Девушку поймают на площади, оголят, нагайками бьют, живот разорвут, до смерти замучат. Загонят людей в дом, и сожгут. И пляшут вокруг пожарища, внимая дикому вою сожигаемых. Какая адская мука – гореть живьём в дьявольском огне земного мучительства! Кто же мучительствует? Человек или Дьявол? Человек человеку – Дьявол».

Босяки, люди оголившиеся от Бога – по терминологии Д. Мережковского, уж не они ли маячат на горизонте нового миропорядка, в который худо-бедно встраивается и Россия? Может быть, русский Бог, которого воспел В. Озеров словами «языки, ведайте – велик российский Бог» («Дмитрий Донской», 1806), тоже умер или умирает, как и западноевропейский? От ответа на этот вопрос зависит не только судьба Русского мира, но и равновесие мира в целом. И судьбу не обманешь лозунгами, кричалками, громкими заявлениями. Кризис – это суд или, если хотите, экзамен на подлинность. Как ответим на вопрос «Человек человеку кто – волк, брат, ангел или бревно?», так и будет.

ПОЭЗИЯ

Тамара ПОТЁМКИНА

ТАМАРА ПОТЁМКИНА

Тамара Викторовна Потёмкина – кандидат исторических наук, доцент, родилась в Иркутской области. Автор сборников стихов «Многогранность судьбы» (2006), «Многоликость любви» (2011), «Сезоны любви» (2015). Музыкально-поэтического альбома «На перекрёстке чувств» (2014). Победитель конкурсов МГО Союза писателей России: «Русь православная» (2 место) с награждением знаком «Серебряный крест» (2014), конкурса им. С. Есенина «Золотая осень» (3 место) с награждением одноимённым орденом (2015), конкурса «Россия–Франция» (2 место, 2015). Финалист международной литературной премии «Наследие» в 2014 г. Лауреат 2-го Всероссийского литературного конкурса «Герои Великой Победы» в номинации «Песня» (2016). Участница Международной литературной Ассамблеи «Слово и дело» в Болгарии (2016). Член Российского союза писателей. Член Союза писателей России.

Живёт в Москве.

«Я желаю вам мира и счастья...»

Из французского цикла

Парижанки

Я пью кофе у «Анжелины»¹,
А вокруг, словно птичьи стайки,
Утончённые, как балерины,
Завтракают парижанки.

Вот девчонка с осиной талией
Круассан доедает неспешно.
Интересно, о чём мечтает?
О любви неземной, конечно.

Рядом – дама, похожа на скрипку,
Нервно ест. (Спешит на работу?)
Вдруг лицо освещает улыбка,
И отходят куда-то заботы.

Не даёт ей сосредоточиться,
Словно вспышка во тьме кромешной,
Мысль о бурной вчерашней ночи,
О любви неземной, конечно.

¹ Кафе в Париже

Очень медленно и с достоинством
Шоколад пьёт мадам-старушка.
Маникюр, причёска пристойная,
Рядом с ней – болонка-подружка.

Чуть слезятся глаза от старости.
Жизнь её не была безгрешной.
Были в ней и ошибки, и шалости,
И любовь неземная, конечно.

Те сюжеты меня покорили.
Стали вдруг парижанки ближе.
И как будто без слов открыли
Мне великую тайну Парижа.

За окном моросит – ненастье.
Но оно не продлится вечно.
Я желаю вам мира и счастья,
И любви неземной, конечно!

Тоска по Парижу

Моё сердце рвётся в Париж,
Зря твердят, будто время лечит,
Ведь душой, замирая, паришь,
Предвкушая добрую встречу.

Прилетели. Как всё знакомо:
Нотр-Дам, Монмартр, и Лидо,
Елисейских полей истома,
Только чувствую, что-то не то.

Мир вдруг стал тревожным и хрупким,
Загрустил даже старый каштан –
Где девчонки в коротких юбках,
Героини романов Саган?

Всюду вижу чуждые лица,
Даже женщин встречаю в чадрах...
Чья теперь ты, Париж, столица?
Кто твой Бог – Христос ли, Аллах?

Город весь – как взведённая мина,
Шаг неверный – она рванёт,
А в любимом кафе «Анжелина»
Шоколад мне араб подаёт.

Что осталось? Причудливость крыш
И уют старых улочек узких.
Моё сердце рвётся в Париж
В тот, далёкий, ещё французский.

Нормандия

Здесь – другая страна, здесь – иная земля,
Вместо «Доброго утра» – «bonjour».
Я в Париже была, но лишь здесь поняла
Смысл французского слова «toujours».
Здесь костёлов – прилично, древних замков величье,
Сила, строгость и мощь крепостей.
В деревнях здесь дороги – позавидуешь многим,
А дома – будто ждали гостей.
Здесь – поля и леса, здесь – такая краса!
Вместо «Да», вы услышите «oui».
Здесь живут не спеша, отдыхает душа,
В общем, что говорить – «C'est la vie».

ПУБЛИЦИСТИКА

25 лет без СССР

Иван ГОЛУБНИЧИЙ

Единственно верный путь

В этом году исполнилось четверть века, как прекратил своё существование Союз Советских Социалистических Республик – великое многонациональное государство, в основе которого лежали такие принципы, как социальное равенство, братство народов (интернационализм), преемственность по отношению к великому и героическому прошлому Российского Государства, приверженность традиционным общечеловеческим ценностям, уважение к национальному началу, соблюдение естественных прав человека – права на труд, на медицинскую помощь, на образование, на безопасность и т.д. На протяжении семи десятилетий СССР давал всему миру пример явленной возможности осуществления социально ориентированного, политически адекватного, мирного, стабильного государства, свободного от скольких-нибудь значительных социальных противоречий, сверхсостоятельного в интеллектуальном, научно-техническом отношении, обладающего богатейшей культурой и, самое главное, – устойчивой мотивацией своего существования. Как только не глумились в перестроечные годы пропагандисты «демократических преобразований» над идеей Светлого Будущего, к которому шёл советский народ!.. Сегодня, закрыв глаза и отматывая киноплёнку памяти назад, порой удаётся даже и на чувственном уровне вернуть это ощущение общесоветского воодушевления, которым сопровождалась повседневность. Жизнь, как ей и положено, была разная, были в ней дни и радости, и рутины – но над всеми этими, порой субъективными, ощущениями непрерывно реяло, светилось, проступало вдали Светлое Будущее, ради которого наш великий многонациональный советский народ готов был пережить любые испытания. На этом пути нас вдохновляли харизматичные и идейно-содержательные образы героев прошлого – как отдалённого, так и совсем близкого. Время давало своих героев, людей с большой буквы, образцы для подражания – «делать бы жизнь с кого». Проблема

Иван Юрьевич Голубничий – поэт, публицист, переводчик. Окончил Литературный институт им. Горького, работает в Московской городской организации Союза писателей России. Член Союза писателей России, Секретарь Союза писателей России, Член Союза журналистов России, член Международной Федерации журналистов, действительный член Петровской Академии наук и искусств. Заслуженный работник культуры Российской Федерации, Заслуженный работник культуры Чеченской Республики, Заслуженный работник культуры Республики Дагестан.

Живёт в Москве.

нынешней России именно в неопределённости бытийной мотивации. На протяжении долгого времени идеологи «либеральной демократии» методично вколачивали в сознание народа убогую установку на то, что только личное материальное благосостояние есть истинная цель для человека. Любая высокая цель подвергалась глумлению и шельмованию, в лучшем случае как праздная фантазия, в худшем – как неадекватность и «предрасположенность к антиобщественным действиям». Мы и сейчас порой видим, с какой остервенелой ненавистью местные либералы «обличают» самые высокие и самоотверженные подвиги героев от времён князя Владимира до Великой Отечественной войны и событий новейшей истории. Отчасти это выполнение требований заокеанского работодателя, но лишь отчасти. В значительной мере это проявление неизбывного комплекса неполноценности ничтожных личишек перед подлинным величием человеческого духа. Либерал не переносит существования героев. В представлении либерала любой человек должен иметь цену, выраженную в определённом количестве «условных единиц», и за эту цену делать то, что от него потребуют. Человек, способный к высоким порывам, к самопожертвованию – ради Отечества, ради других людей – либеральным сознанием определяется как сумасшедший или антисоциальный тип. В советское время люди с самосознанием нынешних либералов были вынуждены мимикрировать и скрывать свою сущность. Жизнь показала, что у них часто это удавалось и некоторые из них сделали головокружительную партийную и государственную карьеру. Именно они обманули народ и разрушили СССР.

Также одним из основополагающих факторов советского общества было понятие долга. Долга не в нынешнем смысле – перед банком, кредитором, а долга перед обществом, перед страной. Этот фактор также вызывает неизменную ненависть нынешних носителей либерального сознания. В перестроечные годы получила распространение такая как бы хлёткая, а на деле – подловатая фраза-установка: «Никто никому ничего не должен!» Под непосредственным влиянием этой мировоззренческой установки формировалось поколение «новых русских» – холодных эгоистов, ненавидящих и презирающих всё то, что выходит за рамки их личного благополучия. Многих из этих людей перемолола мельница «лихих девяностых»; некоторые тихо спиваются и бомжуют ныне. Кто-то достиг некоторого успеха и более всего боится его потерять. Но счастья нет ни у кого. Светлое Будущее растаяло, на его месте осталась рутинная выживания и смертельная пустота «стяжания ценностей на земле».

Ещё одна установка, внедрённая в сознание народа в перестроечные времена, звучит так: «Всё это было и в советское время, просто от нас это скрывали». Подлость и лживость этого утверждения очевидна, и только целенаправленное внушение способствовало его распространению. На самом деле многие вещи в советское время были практически немислимыми. Например, учась в школе, мы слышали о том, что где-то там, на загнивающем Западе, есть такие люди – наркоманы. Мало кто видел настоящего наркомана в реальности, хотя, вероятно, они и были. Но *фактически* их не было, и утверждать, что «это тоже было» – значит, подло обманывать тех, кто по возрасту не может знать о том, что было на самом деле...

Одним из онтологически значимых факторов советского общества была нравственная чистота советского человека, также многократно осмеянная либералами – прислужниками иностранных спецслужб и проводниками

западной экспансии. Приводятся «примеры» безнравственного поведения как представителей власти, так и простого народа. Делается всё это, как правило, мелочно, подловато, с передёргиваниями, натяжками и подгонками. Человек изначально не совершенен, не был он совершенен и в советском обществе. Но отличительная особенность советского общества была в том, что каждый его член точно знал различия между Добром и Злом. Наиболее близко лежащий пример. В советское время школьники и сквернословили, и выпивали, и совершали иногда разного рода противоправные проступки... Казалось бы, говорит нынешний либерал или деморализованный обыватель, что изменилось?! Всё как минимум осталось по-прежнему, только раньше мы лицемерно закрывали на это глаза, а ныне открыто смотрим правде в лицо!.. Эти утверждения суть лживая демагогия. Любой советский подросток, делая что-то из названного, в душе прекрасно *знал*, что он поступает дурно. Вообще, одна из наших нынешних трагедий состоит в том, что родилось уже несколько поколений людей, совершенно искренне не различающих добра и зла в традиционном смысле этих понятий. Когда слышишь на улице, как молодые люди, юноши и девушки, спокойно и рассудительно разговаривают между собой грязным циничным матом, становится по-настоящему страшно; понимаешь, что это в каком-то смысле уже другие люди. Это – огромное «достижение» и преступление «либералов», за которое они несут полную историческую ответственность.

Говорить о безнравственности власти – дело весьма благодарное, особенно в нынешнее время, но гораздо более продуктивно было бы вспомнить о том, сколь бескомпромиссно реагировала советская система на преступления и проступки должностных лиц. Делалось это порой весьма и весьма жёстко, но жёсткость эта была продиктована необходимостью укрепления безопасности народа и авторитета Советской власти. Излишне, полагаю, сравнивать степень «греховности» советской бюрократии с морально-нравственным состоянием нынешнего чиновничества. И дело не в том, что советские государственные чиновники были честнее или вороватее нынешних (и тогда были всякие!), дело в том, что советская система обладала действенными механизмами выявления и пресечения злоупотреблений, в том числе и среди разного уровня начальства. Сегодня, при режиме «ручного управления» подобная система, увы, отсутствует. Плоды этого мы видим в последнее время очень часто – в виде арестов и задержаний чиновников за пределами высокого уровня. Бывает, ещё вчера тот или иной деятель с высокой трибуны надменно изрекал истины, поучая неразумных россиян, а ныне он с недовольным лицом, ведомый под ручку сотрудником органов, плетётся в зал судебных заседаний, а его адвокаты спешно собирают медицинские справки, свидетельствующие о невозможности его пребывания под стражей... К нему ходят правозащитники, его коллеги раздают интервью, в которых говорят, что они «не верят» в то, что тот или иной хороший человек и государственный деятель мог совершить что-то предосудительное.

Одно из самых нечистоплотных порождений диссидентско-антисоветского агитпропа – это внедрение (а точнее – перенесение из специфической социальной среды) в общественное сознание негативно окрашенного термина «стукач». Причём при систематическом наблюдении легко установить, что термин этот применялся ими исключительно «для внешнего использования» – т.е. когда требовалось подвергнуть травле честных, законопослушных советских граждан, сообщающих «куда следует» о признаках преступных

действий, направленных на расшатывание государственного строя. Этот термин использовался очень произвольно, при этом откровенное доноительство самих «свободолюбцев» рассматривалось исключительно как «проявление гражданской позиции». Вспомним печально известное письмо 1993 года «представителей творческой интеллигенции» к президенту Ельцину с требованием «Раздавить гадину!». Вспомним признание «агента Ветрова» о добровольном согласии на сотрудничество с лагерной администрацией. Казалось бы – вот случаи прямого и непосредственного, классического стукачества, зафиксированные чистосердечным признанием, вот о ком бы сказать во весь голос нынешним «правдецам»... Нет. Это свои, этим можно.

Читая и просматривая разного рода диссидентскую и околодиссидентскую литературу, можно найти множество свидетельств гнилости и органической шкурности этой среды. И это естественно, поскольку в борьбе за очередные тридцать сребреников была жестокая конкуренция, поощряемая опытными и несентиментальными хозяевами. В процессе борьбы с «преступным советским режимом» взращивалась прослойка деморализованных людей, которые были способны на всё ради иудинового заработка и удовлетворения своих человеконенавистнических комплексов. Когда они разрушили Советский Союз, они дали полную волю своим интенциям. Невозможно без отвращения и внутреннего содрогания читать о том, как они использовали лучшие, гуманистические стороны советского строя для того, чтобы паразитировать на нём и исподволь расшатывать его основы. В том, что их усилия оказались действенными, в некоторой степени «виновата» гуманность советского строя, который с излишней снисходительностью относился к явлениям, которые требовали более глубокого понимания и более жёсткой реакции.

Фактор братства народа входит в число наиболее ненавистных для нынешнего «либерала» (в прежней терминологии – «демократа», но тоже в кавычках). Их, получающих вспомоществования от заокеанских хозяев, просто корёжит от сознания того, что, несмотря на то, что СССР уже 25 лет не существует, в современной России в гармоничном единстве живут народы разных национальностей, традиций, вероисповеданий. Казалось бы – сколько усилий и средств было потрачено на то, чтобы внести раскол в единство России! Средства применялись самые подлые – «расчёсывание» ран прошлого, зачастую сложного и неоднозначного, эксплуатация лживых мифов и обывательских домыслов, прямая дезинформация общественного мнения и апеллирование к эмоциям. Сегодня уже ясно, что все эти злонамеренные ухищрения не достигли цели. И хотя полноценной государственной идеологии пока ещё нет, но российская нация на сегодняшний день зафиксировала своё внутреннее единство – единство инстинктивное, основанное на опыте многовекового совместного существования, общности исторических целей и глубокой взаимной человеческой симпатии народов России друг к другу. Здесь необходимо сказать, что это самое братство народов есть прямое драгоценное наследие СССР. Не говорить об этом – значит, загонять себя в угол неправды и лить воду на мельницу заклятых врагов России. Никакие исторические коллизии не смогут отменить той непреложной истины, что именно Советская власть дала возможность народам СССР для рывка в развитии, в просвещении, в обретении социальной гармонии и исторического смысла. Великое Будущее, светившее народам СССР на протяжении всего пути, требовало от людей душевного горения и личностного совершенства. Путь этот был насильственно прерван в Беловежской Пуще 8 декабря 1991 года, но путь истории не окончен,

и опыт СССР неизбежно понадобится нам в ближайшем будущем, когда произойдёт долгожданное и полное осознание произошедшего.

Возвращаясь к исходной теме. Двадцать пять лет мы живём без СССР. В первые годы после его разрушения большинство наших сограждан не до конца понимало глубинный смысл произошедшего. Большинство простых людей совершенно искренне думало, что вот сейчас мы избавимся от всех негативных явлений (которые, разумеется, были в государстве), и заживём «как в европейских странах». Очень хорошо помнится та атмосфера бессмысленной эйфории, которая преобладала тогда в обществе – эта атмосфера насаждалась «демократическими» СМИ и готовила народ к позитивному восприятию «перемен». Народу тупо навязывали абсурдные байки о том, что теперь «каждый хозяин ресторана (магазина) будет держаться за каждого клиента»; что «невидимая рука рынка отрегулирует цены и качество товаров»; что «профессиональная армия намного эффективней призывного рабства» и т.д. С тех пор у нас было достаточно времени, чтобы избавиться от иллюзий. К сожалению, нельзя сказать, что мы использовали полностью эти возможности. В мировоззренческой сфере по-прежнему преобладает нестроение. Фантомы демократии, монархизма, теократии, язычества и пр. замутняют сознание народа, героически победившего фашизм и построившего великую Советскую державу. Несмотря на установившийся в последние годы патриотический дискурс, в народное сознание продолжают агрессивно внедрять антисоветские мифы и прямую антиисторическую дезинформацию. Вследствие этого раскол в обществе, стимулируемый прогрессирующим социальным неравенством, не преодолевается, и перспективы его преодоления становятся всё более расплывчатыми. Отсутствие общенациональной идеи препятствует обретению народом полноценного национального самосознания, поэтому наша страна, сохранившая себя в годину смуты, всё ещё стоит на перепутье.

Двадцатипятилетие разрушения СССР, а также приближающееся столетие Великого Октября дают нам повод и возможность для полноценного осмысления всего, что с нами произошло, и всего, к чему мы пришли. С высоты четвертьвекового опыта пребывания в режиме «либеральной демократии» и жёсткого капитализма мы имеем основания прямо констатировать, что семь десятилетий существования Союза Советских Социалистических Республик есть лучшее из того, что было в нашей истории. Мы должны признать и сказать во всеуслышание, что все драматические этапы становления СССР были оправданы величием достигнутого результата. Мы должны признать, что Советский строй на момент его уничтожения был жизнеспособным, но оказался уязвимым перед лицом внутреннего предательства. Мы должны сказать о том, что подобный исторический опыт оказался под силу только народу России, объединившему и организовавшему братские народы, вошедшие в состав СССР. В своём дальнейшем историческом пути мы должны использовать опыт СССР. Очевидно, что в обозримом будущем ничего подобного не сможет повториться. Но очевидно и то, что другого пути, нежели народовластие и социализм, у человечества нет и быть не может. Память об СССР будет путеводной звездой и недостижимым идеалом для всего человечества.

ПОЭЗИЯ

Анна МАЯКОВА

АННА МАЯКОВА

Анна Дмитриевна Маякова – родилась в Донбассе. Окончила Московский Государственный институт международных отношений. Владеет несколькими иностранными языками. Член Союза писателей России и Союза писателей-переводчиков. Публикуется в различных сборниках, журналах, альманахах. Автор двух сборников трёхстиший «Свет сквозь тучи» (2013) и «Времена года» (2014), книги рассказов и эссе «Истории о мужчинах и любящем сердце» (2015), а также книги воспоминаний «Мозаика моей жизни». Дипломант литературно-общественной премии «Лучшая книга 2011-2013». За участие во II международной ассамблее писателей награждена Серебряным Крестом (2016).

Живёт в Москве.

«Божий мир созерцать»

Что нужно душе?
Божий мир созерцать.
Поле пшеничное.

Жизнь и смерть,
Добро и зло соседствуют.
Единство мира.

Что есть свобода?
Лёгкий бриз над рекой,
Птицы полёт.

Что есть радость?
Когда летишь на коне
По ковыльной степи.

Что есть любовь?
Смятение души иль
Нижней чакры зов?

Что есть нежность?
На голове ребёнка –
Матери рука.

Что есть покой?
Застывшие берёзы
В полуденном сне.

Что есть благодать?
В знойную пору
Озеро лесное.

Церкви купола
Словно малые солнца.
Погост травой зарос.

Малиновый звон –
Душе русской отрада.
Осенние дали.

Душа трепещет.
Луна близка к Земле
Как никогда.

Никого рядом.
Лес зелёный да
Река глубока.

Тучи гонит
Ветер в вышине.
Понизу пройду.

На реку гляжу.
Про печаль неизбежную
Думу думаю.

В ночи – Он и Она.
Светильник для них –
Месяц рогат.

Приди! Уйди!
Страсти жестокие
Деву терзают.

На её окне
И герань и гортензия.
На моём – печаль.

Он меня бросил.
Водяного люблю.
Здесь омут глубок.

Скамья под липой
В прошлое погружена.
Ведь деревом была...

Пеньки белеют.
Вчера здесь роща шумела.
Скорблю о друге.

Будит тишину
Вой волка серого.
Что надобно ему?

Ах, нет покоя
Флюгеру на доме –
Всё по ветру нос.

Под окнами,
Зовя ушедшую любовь,
Голубь воркует.

Жить тебе до ста!
Сказал сосед соседке
На поминках.

Ах, Расея,
Ты Расея!
Кремль белокаменный...

Не смотри
В глаза беды ночью –
Господь убержёт.

Я по солнцу иду.
Я по небу плыву.
На Земле я живу...

ПОЭЗИЯ

Владимир МОЛЧАНОВ

Владимир Ефимович Молчанов – родился 9 февраля 1947 г. в станице Ильской на Кубани. Детство и школьные годы прошли на Белгородчине, в селе Новая Таволжанка Шебекинского района. Окончил Белгородское музыкальное училище и Воронежский государственный университет. Автор одиннадцати книг стихотворений, поэм и переводов. Член Союза писателей СССР с 1990 г., член Союза журналистов России с 1983 г., член-корреспондент Академии Поэзии с 2001 г., лауреат премии Белгородского комсомола (1983), Всероссийских литературных премий, а также дипломант ряда областных литературных и журналистских конкурсов, заслуженный работник культуры РФ, Почётный гражданин г. Шебекина и Шебекинского района. Стихи переводились на немецкий, польский, болгарский, украинский и азербайджанский языки.
Живёт в Белгороде.

«На земле живём гостями...»

Говорят: так может статься,
Что на жизненной тропе
Очень можно затеряться,
Растворясь в самом себе.

Не боюсь с толпою слиться.
И, гордыню истребя,
Я разглядываю лица,
Будто в зеркале себя.

И счастливо убеждаюсь,
Отражение ценя:
Нет – и я не поражаюсь –
Их – во мне, а в них – меня.

Не сочти стихи за праздность.
Понял я давным-давно:
Наших лиц такая разность –
Это целое одно...

ВЛАДИМИР МОЛЧАНОВ

Живу на свете торопливо,
Куда-то сам себя гоня.
Снежинок иглотерапия
Бодрит спешащего меня.

И, как таблицу умноженья,
Твержу себе я: стоп! И вот
Опять инерция движенья
Остановиться не даёт.

Прекрасно знаю – неприлично
Быть опоздавшим, но беда –
Я в вечной спешке, как обычно,
Не успеваю никуда.

И, возвращаясь вновь к истоку,
Я говорю себе, смеясь:
Чтобы успеть куда-то к сроку –
Всегда спеши, не торопись...

Моё наследство

Если можно – дайте слово,
Рассказать я с грустью рад
И про Тихона Рыжкова,
И его фруктовый сад.

– Кто таков Рыжков тот самый? –
Вы вдруг спросите в ответ.
– Он – отец покойной мамы,
Ну, а мой – понятно! – дед.

Время судьбы наши свяжет
Навсегда – не наугад.
Впрочем, мама пусть расскажет
И про деда, и про сад.

«Этот сад ночами снится,
Ты, сынок, меня пойми:
Был для нас он и кормильцем,
И душою всей семьи.

Для селян был сад – отрада!
Как представить оттого
Деда Тихона без сада,
Как и сад да без него?!

Передать и доли сотой
 Не удастся мне всего.
 Был тот сад его работой,
 Был и отдыхом его.

Так вот мы, сынок, и жили,
 Ждать не ждали мы беды.
 Но налогом обложили
 Все фруктовые сады.

У Закона слово строго.
 И, спасаясь от молвы,
 А точнее – от налога,
 Порубил народ стволы.

Хоть суди, сынок, хоть кайся,
 Нет, увы, пути назад.
 Лишь нетронутым остался
 На пригорке Тишкин сад.

Пряча боль и пряча слёзы,
 Труд и радость жизни всей,
 Корни дед отдал колхозу,
 И остался без корней.

Сад попал в объятья ванек
 Без родства, кто жил, шутя.
 У семи, известно, нянек
 Глаз лишается дитя.

И в стремленье к жизни новой
 Кроме сада – куча дел.
 Умер дед. И сад фруктовый
 Одичал и захирел...»

...В сад вхожу... И снова детство
 Вижу будто бы во сне.
 Тишкин сад – моё наследство,
 Не доставшееся мне.

Он стоит в молчанье хмуром,
 И, прощаясь на заре,
 Тишкин сад в селенье Муром
 Умирает на бугре...

На Алтае – Крымская жара,
 Будто в тигле, плавится июнь.
 Поутихли горные ветра,
 Лишь в низине буйствует Катунь.

А душа здесь просится в полёт!
 И в священной горной тишине
 На Пикете таволга цветёт
 В память о великом Шукшине!..

Умом Россию не понять...
Ф.И. Тютчев

Мы все на земле этой гости,
 Но, веру в Россию храня,
 Бессмертным останется Овстуг,
 Бессмертною песней звеня!

Ах, Фёдор Иванович Тютчев,
 Как Вашему слову не внять?!
 И ныне, в эпохе не лучшей,
 Россию умом не понять...

Горный ветер гордо свищет,
 А в низине – сник, ослаб.
 Кто свободу где-то ищет, –
 Тот в душе по жизни раб.

Хоть пройди огонь и воду –
 Не найдёшь... А коль с умом,
 То ищи всегда свободу
 Только лишь в себе самом.

На земле живём гостями,
 Друг от друга мы – вдали.
 Параллельными путями
 Наши судьбы вдаль брели.

Кто свободою доволен,
Тот – с невольных не взыщи.
Даже если я виновен –
Виноватых не ищи.

Всё, что было, не забудем,
И об этом не грусти.
Были мы, и есть, и будем,
И за всё меня прости...

...А логика жизни проста,
Её я ничем не нарушу.
И если опала листва,
То лес обнажил свою душу...

Калифам на час

Печальна судьба калифов,
Грустно на них смотреть.
Тот, кто плодит подхалимов –
Совесть ведёт на смерть.

Враг не любит... Почему?
Ты включи сознание!
Зависть! – этому всему –
Знают все – название.

И не жди их пирогов,
Что смачны до хруста.
Полюби своих врагов,
Чтоб им было пусто...

Какой позор! Какая горечь!
Чтоб в СэШэА сиял восторг,
Двуликий Янус – Янукович
И Запад предал, и Восток...

В стихах о бессмертье буровим,
Не правда ли, это – смешно? –
Подняться со временем вровень,
Наверно, уже не дано...

Народ родной! Пока ты – в силе!
Но всё же – в оба ты смотри.
Страшны враги, что вне России,
Ещё страшнее, – что внутри...

Власть и народ... Это знаете вы, –
Связь их – до боли проста:
Рыба, понятно, гниёт с головы,
Но чистят её – с хвоста...

Не поддайся, народ мой, насилью,
Мы теряем и так бедам счёт.
Кровь Майдана сочтётся в Россию,
Но мы верим, что Бог нас спасёт.

Только что наша вера – без действия?
Мой народ, ты не медли – решай!
Да, на Бога, конечно, надейся,
Но и сам – никогда не плошай...

Ироническое

Жить мне стало чуть-чуть интересней,
Беспокоюсь уже о врагах.
Становлюсь с каждым днём всё известней
Я в писательских узких кругах.

Чтоб русских не измучила вина –
Поможем Крыму в деле, а не в слове.
Дай Бог всем выпить крымского вина,
Не дай майдану выпить крымской крови...

В.О.М.

Суть одна, то знает каждый,
Трезво мыслить кто горазд:
Тот, кто предал хоть однажды –
Тыщу раз ещё предаст...

Моим друзьям

Не стану ни лукавить и ни врать я –
Всегда приятна добрая молва.
Друзья мои и по перу собратья,
Спасибо вам за тёплые слова!

Спасибо вам за то, что не убиты
В душе моей осенней соловьи,
Ещё за то, что всех врагов обиды
Вы превратили в радости мои...

Ты – никто, и я – никто,
Вот и песня наша спета.
Дайте шляпу и пальто –
Я пойду гулять по свету.

Я пойду на край земли,
Ты – за мною, может статья,
Чтоб с тобой мы не смогли
Ни найтись, ни потеряться...

Я не знаю – что?
Я не знаю – как?
Будет всё – не то,
Будет всё – не так...

Сюжет для лирической повести:
О, как ты была хороша!
В порыве счастливой весёлости
Взорвалась поэта душа.

От чувств ли избытка, как в юности,
Ты знаешь, конечно, сама,
Отчаянно делаешь глупости,
Чтоб после набраться ума!..

Не стоит ждать отсрочки
Пришествия грозы.
Уже набухли почки
Сирени и лозы.

Снежок последний тает,
Проклюнулась трава.
Уже весна вступает
В законные права.

И, как бы между прочим,
Раздув зари огни,
Короче стали ночи,
Длиннее стали дни.

И нет охоты сникнуть,
И стало не до сна.
И хочется воскликнуть:
Да здравствует весна!

Украине

Кто всерьёз, а кто наивно
Вопрошают: «Бог Ты мой! –
Что с тобою, Украина?
Украина, что с тобой?!»

Были вместе мы навеки,
Все мы были заодно,
А теперь вот делим реки,
Да и порознь пьём вино.

Кто тут первый? Кто тут крайний? –
Нет, судить я не берусь.
Подзабыли, что Украина –
Это – Киевская Русь.

От бессилья все усилия.
Мы разделены в эти дни.
Ты – Украина, мы – Россия,
Но враги у нас одни.

Только в том ты не повинна.
Свой народ в себе любя,
Прокляни их, Украина,
Тех, кто предал сам себя.

Кто в агонии бессилья,
Разум тьмою ослепя,
Обвинив во всём Россию,
Прут войною на себя.

Жизнь, конечно, не «малина»,
Не всегда горит свеча.
Заболела Украина,
Не найдёт никак врача.

Предки нам бы не простили,
Что живём мы во вражде.
Не оставь, прошу, Россия,
Новороссию в беде.

Вновь расчистить все руины
Шанс в истории нам дан.
Чтоб воскресла Украина –
Новый нужен ей Богдан.

Пусть сейчас она не рада.
Вдаль с надеждою гляди.
Переяславская рада
Снова будет впереди!..

Не будет к прогрессу хода,
Покуда страх не изжит.
Прячется власть от народа,
Народ от власти дрожит.

Но как же узнать, чем дышит
На свете людская рать?
Они боятся услышать,
А Мы боимся сказать.

Так беспредельно-оголтело,
Как будто вечное творит,
Он мне с издёвкой говорит:
– Стихи писать – не Ваше дело.

Ему скажу открыто, смело,
Как и пристало говорить:
– Творю, как дал мне Бог творить,
А что творить – не Ваше дело...

*Городам Первого Салюта и Воинской Славы
Орлу и Белгороду – посвящается*

Годы прошлые итожа,
По истории я брёл.
Как же судьбы ваши схожи
Белый Город и Орёл.

И от ветра дуновенья
Пламень памяти не гас.
Радость, горечь и сомненья
Были общими у вас.

Цвет лугов, степные дали,
Стебли солнечной травы,
Сколько долгих лет топтали
Кони крымской татарвы.

Позже, разуму не внемля,
Раздавив плоды добра,
Эти горестные земли
Захватила немчура.

На пути огня и стали,
Смяв метёлки ковыля,
Полям Прохоровским стали
Все орловские поля.

А потом пришла минута –
Наступил свободы миг,
Радость Первого Салюта
Разделили на двоих...

Грустно перед зеркалом стою
И себя почти не узнаю.
Волос побелел и поредел,
Становлюсь всё больше не у дел.

Сам себе вопросы подсыпаю:
Почему так трудно засыпаю,
Не ищущи удачи и добра,
Почему унынье и хандра?

Снова перед зеркалом стою
И опять себя не узнаю:
Вижу: в глубине осенних глаз
Огонёк весенний не погас;
Весело о грустном напеваю,
И про все печали забываю;
Обрамлённый волосом седым,
Отражаюсь снова молодым.

И опять пред зеркалом стою,
Сам себя в себе не узнаю...

Свинья Ивана Грозного

Лето кончалось... Севка лежал в кровати в своей комнате, на даче. Вставать не хотелось. Он наслаждался последними свободными деньками и угрюмо думал о том, что скоро в школу. А школу он не любил. Учился он неплохо, хотя мог и лучше, но врождённая неторопливость, больше похожая на лень, мешала ему.

По утрам, собираясь в школу, Севка мог несколько раз завязывать и развязывать шнурки на кроссовках, погружаясь в свои размышления, забывая: пришёл он домой или уходит из дома. Он никогда никуда не спешил, и проводить его вовремя в школу стоило большого терпения и таких же нервов. Школьная дисциплина угнетала его неторопливую и свободолюбивую душу.

По натуре мальчик был мыслителем. Любил неподвижно сидеть и мечтать, кем он станет, когда вырастет. А хотел он стать изобретателем. Ему уже сейчас приходили в голову самые невероятные проекты его изобретений, но он никогда не пытался попробовать их осуществить, даже самые простые. Он много знал в свои 10 лет потому, что очень много читал, и читал хорошие книги. Как ни странно, чтение мешало ему хорошо учиться: в ущерб урокам, под любыми предлогами, он уходил в свою комнату и читал, читал, читал...

На лето было задано прочесть несколько книг по внеклассному чтению. С этим заданием он справился молниеносно: за неделю прочитав их все, освободив себя от неинтересных, по его мнению, книг, и с удовольствием предавался чтению им самим выбранных произведений. Но папа, заметив, что все заданные книги прочитаны и отложены в сторону, решил нагрузить сына полезными, по его мнению, книгами. Папе очень хотелось, чтобы его дети выросли людьми, знающими свои корни и свою культуру. И он несколько дней назад принёс Севке очень красивую, с прекрасными иллюстрациями, книжку: «История Российского Государства», изданную специально для детей. При этом он сказал,

Татьяна ЧЕРНОВА

Татьяна Михайловна Чернова – поэт, прозаик. Коренная москвичка. Окончила технический вуз, работала инженером. Стихи писала «в стол» до 2013 г., в котором сделала первую публикацию на сайте «Стихи.ру» под псевдонимом Татули-та. Была номинирована на премию «Поэт года – 2014» и «Поэт года 2015», а также на премию «Наследие». Автор сборников стихов «Акварельные сны» и «Во сне и наяву». Член МГО СП России, член Российского союза писателей. Есть дипломы и грамоты за участие в конкурсах МГО СП России. Победитель в номинации «Лучшие поэты и писатели 2014 года» с вручением статуэтки «Золотое перо», победитель конкурса «Литературное достояние России 2015 года» с вручением медали Международной премии «Литературный Олимп». Живёт в Москве.

что люди, не знающие своей истории, не могут называться культурными людьми, а есть никто иные, как «Иваны», родства не помнящие. В душе папа сам с трудом мог вспомнить, сколько детей было у Ярослава Мудрого и когда была Полтавская Битва. Поэтому он решил поднять знания сына о Родине на самый высокий уровень, будучи уверенным в том, что Севке прочесть эту книгу, при его любви к чтению, не составит особого труда.

Севка лежал в кровати с на треть прочитанной «Историей» и думал: «Почему так быстро проходят каникулы и так долго тянется учебный год?!» И конечно, стал пытаться найти выход путём какого-то изобретения, но кроме «машины времени» ничего в голову не приходило... Мама позвала Севку к завтраку и, спустя 15 минут, он в пижаме спустился на кухню.

Все давно поели, и бабушка уже разливала чай, когда папа, увидев рядом с сыном «Историю» с закладкой почти посередине, спросил:

– Ну как, малыш, тебе нравится?

Севка заёрзал: не мог же он признаться, что ему гораздо интереснее посмотреть фильм «Пираты Карибского моря», чем спотыкаться о даты, сплошь и рядом мелькавшие на страницах этой книжки. Конечно, там были и очень интересные моменты, но читать хотелось то, что он выберет сам, а не то, о чём потом надо рассказывать домашним, как на уроке.

– Ты, наверное, точно будешь историком! – с улыбкой сказала старшая сестра Ксюша, только вчера вернувшаяся из международного лагеря, загоревшая и повзрослевшая.

Севка, с трудом проглотив застрявший во рту кусок пирога, ответил папе:

– Нравится... – и уже было потянулся за новым (а он любил поесть), как папа опять спросил:

– А о чём ты сейчас читаешь?

– Пап, я тебе потом расскажу – ещё не закончил главу, – ответил мальчик, ероша белые, выгоревшие вихры.

– Ну, скажи хотя бы, о чём эта глава? – снова спросил отец.

– Я читаю про Ивана Грозного, ты знаешь... Ну, это тот, который убил своего сына.

– Конечно, знаю, – сказал папа с улыбкой, довольно переглянувшись с мамой.

Сева доел пирог, запил его чаем и спросил:

– Пап! А ты знаешь, что у Ивана Грозного была свинья? Да! В книжке написано, что совсем недавно были найдены старинные рукописи, из которых историки узнали, что у Ивана Грозного была любимая свинья.

– Какая свинья? – мама и папа переглянулись.

– Необычная, – отхлебнув остывший чай, с достоинством от собственного знания, сказал Севка и рассказал прочитанное.

Эта свинья родилась совсем маленькой, но очень необычного окраса: с почти ровными круглыми чёрными пятнами по всему её белому телу. Она никак не росла. Как потом выяснилось, это была карлица. Её хотели уничтожить, но сначала показали Царю: став совсем взрослой, она была размером чуть больше крупного кота. Свинья ему чем-то приглянулась, и он оставил её у себя во дворце, выделив ей отдельное помещение в подвале почти под тронном. У неё была своя прислуга, которая ухаживала за ней, купала её. Кормили свинью с царской кухни, а когда Царь хотел её видеть, то открывали специальный люк и на широких кожаных лямках свинью поднимали прямо к ногам Царя. Очень часто Иван Грозный просил, чтобы его любимицу приносили к

нему, и он, держа свинку на руках и почёсывая ей шейку, мог долго сидеть один, размышляя. А, когда приезжали иностранные послы, прежде чем принять важное решение, Царь удалялся к себе, требовал принести свинью и, находясь в своих покоях, в одиночестве решал все вопросы.

Папа, с интересом выслушав рассказ сына, переглянулся с мамой:

– Вот видишь, как хорошо, что мы купили эту книгу! Сколько веков прошло, а люди продолжают интересоваться своей историей и делают удивительные открытия.

– Пап, я тоже буду делать открытия, – невнятно пробормотал Севка, спешно спрятав под стол третий пирог.

Завтрак окончен, и все разошлись: на кухне остались только бабушка и Ксюша, чтобы убрать со стола и вымыть посуду. Сева, захватив книгу, отправился в сад и, улёгшись в гамаке, достал «айфон» и стал играть в очередную «стрелялку». Читать совсем не хотелось, все эмоции он истратил на просвещение родителей.

Мама и папа, собравшись, сели в машину и уехали в город на работу. Севка уже задремал в гамаке, когда, почувствовав сильный тычок в бок, проснулся. Рядом с гамаком стояла Ксюша. Она ещё раз толкнула брата в бок и гневно сказала:

– Ты чего наплёл, олух?! Я ещё вчера тебя предупреждала! Ведь папа всё расскажет на работе! Над ним будут смеяться!

– Не будут, – лениво потянулся Севка, – они тоже ничего не знают, а только нас заставляют всё учить. Они поверят и расскажут другим. А те, кто не поверит, промолчат: им будет стыдно перед другими показать своё незнание. Ведь ты вчера поверила?! Поверила! И, может быть, так никто и не узнает, что свиньи у Ивана Грозного не было.

Ксюша, выслушав брата, долго молчала... Потом, подняв брови, покачала головой и пошла в дом. А Севка открыл «Историю Российского Государства» и продолжил чтение... Вдруг, кроме свиньи, он придумает ещё что-нибудь?! Изобретатель!

ПОЭЗИЯ

Сергей ЛЕБЕДЕВ

Сергей Александрович Лебедев – лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» имени Н.С. Лескова, лауреат-победитель 4-го, 5-го и 6-го Международного поэтического конкурса «Звезда полей». Член редколлегии – зав. отделом литературы Поволжья ордена Г.Р. Державина литературно-художественного журнала «Приокские зори» (г. Тула). Член редколлегии литературного альманаха «Параллели» (г. Самара). Член Российского союза профессиональных литераторов.

Живёт в Тольятти.

«Только нам никогда не забыть...»

До Киеву дяде Пете

Артиллерия бьёт тяжёлая
По кварталам жилым, по автобусам,
Не пойду, дядя Петя, в школу я,
Там осколки повсюду, как россыпи.
Мы с сестрёнкой закрылись в погребе,
В темноте с керосиновой лампою,
Хорошо, что успели вовремя,
А собачка осталась без лапы ведь.
И соседи – дедушка с бабушкой
Не успели проснуться от грохота,
И лежат без ног они рядышком,
И не слышат солдатского топота.
Это в масках вбежали дяденьки,
Всё крушили, ломали и хапали,
Ой, как страшно нам было маленьким,
Как стреляли, пугали и гаркали.
Дядя Петя, спаси, пожалуйста,
Застрелили мамулечку вечером,
Целый год мы без детства и радости,
Нам и кушать в подвале нечего.
А дружок наш Колесник Мишенька,
Без руки он в больнице, израненный,
Из ушей кровь течёт, не слышит он,
Горько плачет о нём его маменька.
Дорогой дядя Петя, родненький,
Ты же нас не убьёшь с сестрёнкою?
Кровь по каплям сочится тоненько,
В погреб капает смертью звонкою.

Донецкая молитва

На асфальте лужи крови
И воронки от разрывов,
Крик застыл от детской боли,
Бога мать, шепча, просила:
«Вразуми убийцу, Боже,
Что ж он делает с народом?
Недосуг ему, вельможе,
Нас он всех считает сбродом.
С дочкой шла я утром ранним,
Чтоб успеть к раздаче хлеба,
Взрыв снаряда рядом с нами
Поднял дочь мою на небо.
В её крови мои руки –
Я дитя собой накрыла,
Из груди лишь хрипа звуки,
Заглушают гул разрыва.
Я руками всё пыталась
На груди закрыть ей рану,
Но вздохнув, она рассталась
С этим миром утром рано...
Её ангельскую душу
Обогрей в небесных далях,
Моё сердце бьётся глуше,
Без неё мне жить едва ли...»
На асфальте лужи крови
И воронки от разрывов,
Нет страшнее детской боли...
В жилах наша кровь застыла.

Прекратить огонь!

Я молитвой себя успокою,
Только вряд ли мне это забыть,
Как ребёнок с недетской тоскою,
Прошептал: «Всем огонь прекратить».
На лице у мальчишки Донбасса
Вместо детской улыбки – мольба,
И подвал у него вместо класса,
И не школьный звонок, а пальба.
Да, закроют воронки асфальтом,
Вставят скоро и стёкла в окно,
Привезут новых плит из базальта,
На плакатах заменят сукно.
И, конечно, вернуться улыбки,
Только нам никогда не забыть,
Как мальчишка под грохот зенитки
Всё шептал: «Всем огонь прекратить».

Победоносная ноосфера

Лев Гумилёв: традиции и заблуждения

Этот материал – не поздний отклик, просто всему своё время, да и начат он был в 2014 году, сразу же после прочтения статьи В.А. Скрынченко в журнале «Великороссъ» «Ритмы истории Льва Гумилёва». И всё смешалось – в жизни, мыслях, настроениях... Так бывает – написано сразу (без названия) и отложилось – до нужного часа, чтобы позднее поставить заключительную точку – логическую и эмоциональную. И вот этот час пришёл. Пришло и название – само собой, на наш взгляд, единственно правильное и необходимое.

Л.Н. Гумилёв (1912–1992)

Любовь РЫЖКОВА

Любовь Владимировна Рыжкова – родилась в Туркмени, в г. Небит-Даге. С отличием окончила факультет русской филологии Туркменского государственного университета им. А.М. Горького в Ашхабаде, защитила кандидатскую диссертацию по специальности «Теория и методика обучения и воспитания (русский язык)». Поэт, прозаик, член Союза писателей России, автор четырёхсот публикаций, из которых 30 – книги и монографии, педагог, основатель научной школы по русскому языку и развитию речи, в настоящее время – проректор вуза по научной работе.

Живёт в Рязани.

В статье шла речь о жизни, судьбе и творчестве выдающегося учёного Льва Николаевича Гумилёва, чьи научные поиски часто не вписывались в общую концепцию – настолько они были индивидуальны и своеобразны. Однако по прочтении возникли некоторые несогласия, причём, как с её автором, так и с... Л.Н. Гумилёвым. Получилось, что мы ведём дискуссию... втроём. Добавим, что делала это я с величайшим уважением как к творчеству Льва Николаевича Гумилёва, так и к сочинению Владимира Анатольевича Скрынченко, выражая надежду, что автор статьи найдёт уместным и мой тон, и экспрессию суждений, и может быть, мои вполне искренние заблуждения. Видит Бог, писалось это сочинение с Душой.

Этносы не стареют и не умирают, они видоизменяются

Определимся сразу: статья замечательная, глубокая, содержательно-ёмкая, стилистически выдержанная. Но видно, совсем не зря говорят: сколько людей, столько и мнений. Добавим: сколько учёных, столько и гипотез, в том числе и по поводу происхождения и умирания племён и народов. Вот, например, Л.Н. Гумилёв высказывал мысль о старении этносов и постепенном их схождении с исторической сцены, которую повторил за ним В.А. Скрынченко: «Его учение парадоксально и шокирует, как правило, тех, кто не разделяет его взглядов на историю народов и цивилизаций. “Все народы стареют. Все! Без исключения!” – восклицал Лев Николаевич Гумилёв» [10]. Но ведь это не так, совсем не так.

Этносы не стареют, они просто живут, развиваются и видоизменяются, а вот в каких условиях они живут, развиваются и видоизменяются, – другой разговор. Причём, условия эти необязательно связаны с их психофизическими и психофизиологическими особенностями – личностными чертами, свойствами менталитета и т.д., мы говорим, прежде всего, о вполне объективных факторах, а именно – об окружающей среде, в которой они живут – о климате, ландшафтных характеристиках, природе. Известно, что на равнине у человека формируется один характер, в горах – другой; жизнь возле реки, моря, океана диктует одни условия проживания и привычки, но совсем иной и с иными ценностями будет жизнь в пустыне. Если климат благодатный, человек расслабляется, ему не надо бороться и выживать, он просто живёт и благоденствует. В суровых условиях требуется стойкость, мужество, выдержка, смекалка и творческий подход ко всему, ведь человеку надо не просто доказать своё право на место под солнцем, но и отстоять его. Здесь не до расслабленности и благоденствия, лишь бы сохранить жизнь и здоровье.

Понятно, что в более благоприятных условиях и мозг человека формируется более пассивным, а значит, менее приспособленным к развитию, ему не нужно проявлять чудеса креативности и изворотливости, какие необходимы в сложных или экстремальных условиях. Окажись он вдруг в трудном положении, скорее всего, он не успеет перестроиться и погибнет. То же происходит и с целым народом. Понятно, что такой народ сходит с исторической сцены, по Л.Н. Гумилеву – стареет и умирает.

И напротив, в более трудной природной обстановке мозг человека формируется творческим, приспособленным к решению самых неожиданных задач, он более быстр, более изощрён, более изобретателен. Случись вдруг какой катаклизм, такой человек скорее всего найдёт способ выжить. И опять же,

подобное относится и к целому народу, и такой народ не «постареет», он будет развиваться дальше и выйдет на новый виток спирали своей эволюции. Стало быть, «старение» народа зависит от условий его обитания.

Таким образом, сложная природная среда способствует как физическому, так и интеллектуальному развитию человека. Более того, в определённой мере она действует как закалка. А ведь есть ещё множество других факторов, не только природных, и это громадная и интереснейшая тема. Так почему же этносы «стареют»? На наш взгляд, они именно развиваются и видоизменяются, а это уж кто как – одни, случается, и погибают, сходя с исторической сцены, а другие – эволюционируют, выходя победителями, и зависит это, как мы видим, от многого.

Разные названия одного народа

«И римлян не стало, и эллинов. И когда-нибудь не будет французов, как не стало франков», – писал Лев Гумилёв. Нам непонятно, почему эллинов и римлян, франков и французов он считал разными народами? Дело в том, что на протяжении длительного времени народы, в том числе римляне и франки, не меняясь в своей сути, могли лишь менять своё название. Получается, что в разное время они назывались по-разному, но никакой принципиальной разницы между ними нет. Например, римляне назывались романи или ромеи, франки вообще представляют собой союз древнегерманских племён.

Другой пример: как только ни называли русских людей и страну Русь! В разное время – арии, скифы, сарматы, гипербореи, бореи, русколаны, русы, русичи, русины, рысичи, росы, расены, тартары, великорусы, малорусы, белорусы, а ещё – венды, венеты, вандалы, поляне, древляне, вятичи, кривичи, радимичи, бодричи, ободриты, боруны, борунины! А страна – Русь, Скифия, Гиперборея, Гардарика, Аквилон, Тартария, Русколандия... Но ведь это всё Русь и русский народ, хотя сегодня нас называют Россией и россиянами. Полагаю, когда Л.Н. Гумилёв писал о возможном исчезновении французов, так же, как и франков, он заблуждался: если им и суждено исчезнуть, скорее всего, они каким-либо образом трансформируются и преобразуются, в сути своей оставаясь всё теми же французами.

О благородном короле Артуре

На этом фоне разъединения народов странно слышать от автора статьи вслед за Л.Н. Гумилёвым, что кельты и англичане – один народ («И когда-нибудь не будет англичан, как не стало кельтов короля Артура!»). Англичане, как известно, представляют собой союз германских племён (англы, саксы, фризы, юты и кельтское племя бриттов), при этом кельты с ними лишь ассимилировались, то есть испокон веков они жили обособленно.

Кельты и уж тем более благородный король Артур, чей благообразный рыцарский образ не вяжется с характером прагматичного, сухого англичанина, имеют очень древние корни. То, что он был не англичанином, сегодня говорят и пишут многие исследователи. Более того, это признают сами англичане, и это – уже факт. Так британский историк Ховард Рид пришёл к выводу, что король Артур был русским князем, вернее, скифо-сармато-аланским, что, собственно, одно и то же. По его утверждению, он прибыл в Англию по соглашению с римским императором Марком Аврелием. Сарматы патрулировали

Так представляли рыцарей Артура в средние века

в Англии так называемый Адрианов вал – оборонительное укрепление, бывшее северной границей Римской империи.

В Англии сохранились свидетельства пребывания сарматов: древнее святилище Митри в Нортумберленде; стела в музее Рибчестера с надписями и изображением всадника, на знамени которого изображён дракон. Обратим внимание, что слово *дракон* – от древнего славянского слова *драть* – рвать, разрывать на части и *драка* – стычка, столкновение; отсюда и *драгун* – всадник, кавалерист; у французских драгунов на головном уборе даже крепился конский хвост.

Во Франции также имеются подобные свидетельства, так французский учёный Жюль Грисвар, исследующий данную тему, находит параллели между мифологическими скифо-аланскими и английскими сюжетами; кроме того, во Франции имеется много топонимов со словом *алан*. Здесь есть даже сарматский город Сальмез, который в древности назывался Сармакум, то есть сарматская крепость. Правда, ныне в нём проживает всего лишь 150 человек, но масштабы Европы – это не масштабы России, здесь 150 человек – город, а тысяча километров – расстояние.

В 2004 году «Нарт Арт Студией» Владикавказа был снят замечательный фильм автора и режиссёра Алексея Пищулина «Кто ты, король Артур?» [2], в котором принимают участие видные учёные из разных стран: доктор

Король Артур на мозаике
Трантского собора. Около 1170 г.

исторических наук Вера Борисовна Ковалевская, кандидат исторических наук Сергей Викторович Куланда, доктор Ховард Рид, доктор Жозель Грисвар, доктор Кристиан Пиле, доктор Ярослав Лебединский, доктор Мишель Казанский, доктор Ален Кристолю. Авторы фильма, где собраны интереснейшие сведения, утверждают, что потомки тех, кто служил на Адриановом валу, ныне проживают в Северной Осетии. Именно они, современные осетины, в прошлом – аланы, сменившие сарматов, так же, как сарматы в своё время сменили скифов, гарцевали вдоль границ этого исторического вала.

Как известно, лучшим археологическим памятником является... язык, сохраняющий в себе то, что не может сохранить никакой другой памятник эпохи. Так, по мнению доктора филологических наук, ираниста Василия Ивановича Абаева (1900–2001) имя Артур можно прочитать как *Артхур*, что

означает «божество солнца» или «огонь, сын солнца». В самом деле, исторические и языковые параллели в данном случае отыскать легко: в зороастризме бога творца зовут *Ахура Мазда* (*Ормазд, Ормузд*), а символом религии является солнце, огонь и свет. У других народов его имя звучит в следующих вариантах: Горомаз (персы), Арамазд (армяне), Армази (грузины), Ашшур (ассирийцы), Хормуста (монголы, буряты), Ырымась (чуваши) и т.д. Кстати, случайно ли автомобили премиум-класса называются Асуга, как бы ни утверждали, что это видоизменённая форма латинской буквы «А».

Да, язык – ценнейшее свидетельство, которое не может обмануть ни при каких обстоятельствах. Он хранит в своей памяти все изменения, хотя случается, что бывает трудно, очень трудно их отследить, ведь порою корень слова сокращается вплоть до одной буквы, которая, несмотря ни на что, хранит в себе драгоценное семантическое зерно. Отыскать это зерно – задача лингвистов.

Но с именем короля Артура нам повезло, так как оно сохранилось до наших дней без каких-либо изменений. На наш взгляд, имя Артур имеет славянское оформление – фонетическое, морфологическое, в его составе – славянские корни: *Ар* (*яр*) + *тур*, где *ар(яр)* – яркий, яркий, сияющий, сильный, смелый (вспомним имя бога солнца *Ярила*) и *тур* – бык. Вспомним и традиционное славянское обращение – *яр-тур, буй-тур*, встречающееся в произведениях устного народного творчества, особенно в былинах, а также в «Слове о полку Игореве».

*Славный яр тур Всеволод! С полками
В обороне крепко ты стоишь,
Прыщешь стрелы, острыми клинками
О шеломах ратные гремишь [11, с. 101].*

Таким образом, имя Артур – это солнечный бык (бог), князь, предводитель, вождь. Коли мы повели речь о языке, следует сказать и о жрецах древних кельтов – друидах, так как история этого слова проливает свет на происхождение самих кельтов. Что означает само слово *друид*? – Жрец древних кельтов, а *друидизм* – религия древних кельтов, состоящая в почитании природы.

Друиды, являясь жрецами и поэтами, проживали очень обособленно от остальной части населения. По преданию, они владели некими сакральными знаниями, которые передавали лишь изустно.

Но друиды у кельтских народов появились не на пустом месте, они появились у них после того, как освоили некие древние знания, заимствовав их у другого неизвестного народа, которые почитали природу и, в частности, имели культ дуба.

Первоначально их называли *друвиды*, это сложное слово состоит из двух корней – *дру* со значением *дерево*, и *вид* со значением *ведать, знать*, то есть *дерево ведающие*, иными словами, *природу знающие*. И этим народом были славяне-арии, которые, как известно, имели культ деревьев и, в частности, культ дуба. А дуб испокон веков у славян – дерево Перуна.

Обратим внимание, что *дуб* – по-гречески *drus*, и *нимфы деревьев* у греков назывались... *дриадами*. Какая поразительная языковая связь, и она тем более поразительна, что своими корнями уходит в славянскую древность.

Известно также, что первыми друидами были... женщины, их называли *друидессы*.<...> [6, с. 285–286].

Так один ли народ – кельты и англичане? Кажется странным, почему этого не знал Лев Гумилёв. И не знал ли? Даже если кто-то желает их видеть одним народом, почему он не задаст себе «простой» вопрос: как произошли кельты? Следует также сказать, что кельты – это вообще условное название, данное этому народу лишь в XVII веке самими англичанами, а именно – Эдвардом Ллуйдом; совершенно ясно и неоспоримо одно, они – арии, происхождение которых уходит вглубь веков.

О какой Европе речь?

Автор статьи утверждает: «Жизнь многих европейских народов подходит к концу. И это шокирует многочисленных оппонентов Льва Гумилёва, притом, что о закате Европы впервые заговорили ещё полтора столетия тому. Это видно из трудов Н.Я. Данилевского, Освальда Шпенглера и Арнольда Тойнби, посвящённых истории европейской цивилизации» [10]. Да, указанные авторы писали о «закате Европы», более того, они говорили о её вырождении. Так, например, Макс Нордау (1849–1923) посвятил этому вопросу целое исследование, выпустив труд под однозначно-красноречивым названием «Вырождение», где подчёркивал: «Что будет завтра признаваться нравственным или прекрасным, что мы будем знать, во что верить, чем воодушевляться, чем наслаждаться? – таков вопрос, раздающийся из стоустой толпы, и там, где какой-нибудь шарлатан возвещает, что у него

имеется наготове ответ, дурак или авантюрист начинает пророчить в стихах или прозе, звуками или красками, или оригинальничает, отвергая своих предшественников или соперников, толпа так и льнёт к нему, прислушивается к каждому его слову, как к оракулу, и, чем темнее смысл его речей, чем бессодержательнее они, тем лихорадочнее внимает им бедная толпа глупцов, жаждущих откровения, тем знаменательнее представляются они ей и с тем большею страстностью подвергаются бесконечным толкованиям» [5, с. 26]. Разве это не характеристика истеричных художественных метаний Европы XX века? Разве это не предчувствие Серебряного века с его болезненными исканиями и душевными изломами? И разве это не взгляд в будущее с его «общечеловеческими» либеральными ценностями, антихудожественными демократическими идеями и безумным, перевернутым сознанием?

А теперь зададимся вопросом: о какой, собственно, Европе идёт речь в работах Л.Н. Гумилёва? Если под Европой имеется в виду западная цивилизация, её закат, безусловно, неминуем – хотя бы потому, что её ценности вошли в противоречие с Божественными истинами. Западная Европа насквозь меркантильна, прагматична, бездуховна и почти забыла слово «душа», а если она его и произносит, то заедая бигмаком и запивая кока-колой. Конечно, мы не имеем в виду подлинную элиту западного общества, не задетую пороками, и она, несомненно, есть, не может не быть, ведь здоровые силы в обществе присутствуют всегда, хоть и в меньшинстве, как противовес всей этой чудовищной машине уничтожения созидательной жизни. И она такая же думающая, стремящаяся к свету и страдающая от того пути, по которому современная цивилизация уже семимильными шагами движется к своему концу, к той самой бездне, которую с упоением воспевал Серебряный век, называя её то изумрудной, то чёрной, то синей.

Да, я не хочу огульно говорить о западном обществе как о разлагающемся, «загнивающем» и т.д., ибо оно неоднородно. Может быть, это кому-то не понравится, но это те самые штампы, затемняющие подлинную картину. Скажу лишь, что я, как и многие другие, знаю людей, проживающих на Западе, по настоящему творческих, мыслящих, нравственных и всеми силами пытающихся остановить это сползание вниз. Однако если говорить о массовой культуре, обывательско-приземлённом уровне сознания, общем меркантильно-потребительском векторе движения, безусловно, конец такого общества предрешён.

Так как же смотреть на Европу, и о какой Европе идёт речь у Л.Н. Гумилёва и В.А. Скрябиненко? Если о западной цивилизации, то с ней как будто всё ясно. Однако не будем забывать, что та же Европа – исконная территория славяно-арийских народов, и славяне – её автохтонное население, русские люди проживали здесь с древнейших времён. Стало уже общим местом говорить о том, что Берлин – город (логово) бера (медведя), Дрезден – Дроздяны, Лейпциг – Липецк и т.д. Об этом написаны научные исследования, но в данном случае это позволяет нам подчеркнуть, что Европа Европе рознь.

В свой день и час

Автор статьи искренне печалится о трудной судьбе Льва Гумилёва, которому выпали тяжелейшие испытания, отверженность, непризнание и вечная борьба за жизнь и собственные взгляды в науке. Но целиком ли в нашей власти госпожа судьба? Не есть ли она – Суд Богов и совокупность причинно-следственных связей, которые древние называли кармическими? Автор

утверждает: «... сама эпоха лишила его элементарных прав на достойную реализацию своих незаурядных талантов. И прежде, чем приступить к делу своей жизни – исследованиям истории народов и цивилизаций древнего Востока, пришлось испытать ему всю чашу страданий до дна, пройти свой крестный путь, вместивший в себе 14 лет лагерей Сибири и Заполярья, побывать на грани жизни и смерти» [10]. Однако нам думается, что каждый человек рождается в свой день и час и в том месте, откуда должен начаться его жизненный путь, на котором ему суждено свершить положенное. И никакая эпоха, никакие обстоятельства, время, условия и т.д. не могут лишить человека права свершить это положенное, а если он этого не делает, стало быть, он просто не выполняет свой урок – не успевает или не желает.

Лев Гумилёв. 20-е годы

Нам могут возразить: почему мы так думаем? И кто, дескать, дал нам право так безапелляционно заявлять? Дело в том, что с некоторых пор мы учимся смотреть на мир, отойдя «от планеты на тысячу вёрст». Когда-то в «Бхагават-Гите» была прочитана удивительная мысль о том, что на все события, явления и т.д. надо смотреть отстранённо, не находясь ни на одной из сторон, а быть, как Бог над битвой. Это невероятно трудно, почти недостижимо, но стремиться к этому надо! По крайней мере, этот тот принцип, который я исповедую уже давно – и в жизни, и в литературе.

Лев Гумилёв – последователь К.Э. Циолковского, В.И. Вернадского и А.Л. Чижевского

Мысль о «пассионарных толчках», связанных с Космосом, первым была высказана не Л.Н. Гумилёвым, у него были великие предшественники. Он эту мысль повторил (хотя и своими словами) и, конечно, развил вслед за К.Э. Циолковским, который был убеждён, что жизнь человека и общества в равной степени зависят от космоса, его ритмов и его воли. В работе «Неизвестные силы» гениальный учёный писал: «Наша условная воля создана Вселенной. Истинная же абсолютная воля и власть принадлежат космосу и только ему одному. Он единый наш владыка» [13]. И продолжал: «Но мы должны жить так, как будто тоже имеем волю и самостоятельность, хотя и то и другое не наше» [Там же].

Примерно о том же писал и В.И. Вернадский: «Человек, биосфера, земная кора, Земля, Солнечная система, её галактика (мировой остров Солнца) являются естественными телами, неразрывно связанными между собою» [3]. Ещё более определённо писал об этом А.Л. Чижевский, считавший себя учеником К.Э. Циолковского, его работы о влиянии Солнца на жизнь планет потрясут до сих пор – «В ритме Солнца», «Теория космических эр», «Космический

К.Э. Циолковский
(1857–1935)

В.И. Вернадский
(1863–1945)

А.Л. Чижевский
(1897–1964)

пульс жизни», «На берегу Вселенной» и др. В работе «Земное эхо солнечных бурь» он писал: «Что представляет собою Солнце для современного человечества? Не более как явление природы, подобное многим другим! Не тем оно было для наших предков... Солнце было для них мощным богом, дарующим жизнь, светлым гением, возбуждающим умы. Вся мифология древних проникнута слепящей символикой солнечного луча! Интуиция наших предков привела их к тому же заключению, что и завоевания науки! Люди и все твари земные являются поистине «детьми Солнца» – созданием сложного мирового процесса, имеющего свою историю, в котором наше Солнце занимает не случайное, а закономерное место наряду с другими генераторами космических сил» [14, с. 28]. И далее: «Несомненно, что главным возбудителем жизнедеятельности Земли является излучение Солнца, весь его спектр, начиная от коротких – невидимых, ультрафиолетовых волн и кончая длинными красными, а также все его электронные и ионные потоки. Они служат “передатчиками состояний” и заставляют каждый атом поверхностных оболочек Земли резонировать созвучно тем вибрациям, которые возникли на центральном теле нашей системы. В великом разнообразии проявлений этого резонанса, где наша мысль тонет в беспредельности форм, красок, звуков, мы мало-помалу научились понимать связанность и общность разрозненных явлений и представлять их в единой синтетической картине жизни солнечно-земного мира. Великолепия полярных сияний, цветение розы, творческая работа, мысль – всё это проявление лучистой энергии Солнца» [Там же]. Удивляет в работах учёного его язык – ясный, чёткий, логичный, доказательный и... образный.

Но более же всего потрясают его стихи – творения учёного и поэта, чей духовный взор видел дальше и понимал глубже суть всех вещей, в том числе и прямую зависимость земных событий от явлений на солнце:

*И вновь и вновь взошли на солнце пятна,
И омрачились трезвые умы,
И пал престол, и были неотвратны
Голодный мор и ужасы чумы [15].*

Деятельность Льва Гумилёва в этом смысле находится в *русле русской традиции*, развивая и углубляя её, особенно что касается исторического процесса.

О «пассионарных» родителях Льва Гумилёва

Возможно ли называть родителей Льва Гумилёва – поэта Николая Гумилёва и поэтессу Анну Ахматову «пассионариями»? Николая Степановича, безусловно, можно, поскольку он был движим внутренней энергией и невероятной силой воли – об этом говорит вся его короткая жизнь с армейскими буднями, неоднократными путешествиями в Африку, насыщенным поэтическим трудом и, вероятно, какой-то ещё тайной деятельностью, о которой громко говорить не принято. Он был ярким, отважным и многогранным человеком, кроме поэтических вопросов он интересовался историей и экзотикой дальних стран, общественной жизнью и политикой, животрепещущими проблемами современности и практическими сторонами жизни. Его «Африканский дневник» показывает, что он не только лирически любовался красотами местной природы, но и уделял внимание иным вопросам, останавливаясь на политическом устройстве Абиссинии, тонкостях покупки мулов, характеристике людей, особенностях охоты на диких зверей, этнографических материалах [8]. Более того, мы можем назвать Н.С. Гумилёва «многостаночником», ведь он «был не только поэтом, но и отважным *воином* (он добровольцем воевал на фронтах Первой мировой войны, за проявленные воинские качества был определён в разведчики); *героем* (вспомним, что он был дважды награждён Георгиевским крестом); неутомимым *путешественником* (Европа, Египет, Судан, Эфиопия, Палестина, Турция – в списке стран, которые он посетил); *охотником* (на его счету подстреленные леопарды, гиены и др.). Или, может быть, он был *воином*, *героем*, *путешественником*, *охотником* именно потому, что был, прежде всего, *поэтом*, – то есть человеком, умеющим проявить мужество в самых сложных и опасных ситуациях; собрать свою волю для совершения необыкновенного поступка; бесстрашно пройти по свету множество самых непредсказуемых дорог; сконцентрироваться и проявить хладнокровие в минуту острого напряжения. И при этом он умел здраво оценить обстановку, зафиксировать главное, увидеть суть и в соответствии с логикой перенести всё это на бумагу в зримых и ярчайших словесных красках» [7].

Что касается А.А. Ахматовой, её вряд ли можно причислить к ряду пассионариев. Она – поэтесса, и этим всё сказано, её образный взгляд на мир вызывал к жизни талантливые стихи. Но не следует забывать о векторе этого таланта, а он как раз не восходящий, а нисходящий, не возвышающий дух, а заигрывающий с тьмой. «Безусловно, А.А. Ахматова – поэт времени, которое мы называем Серебряным веком. Это был век переоценки ценностей, потери смысла, разъединения людей и яростной борьбы противоположностей. Это был век, когда золото уступило место серебру, когда само слово “золото” потеряло свой благородный смысл и стало восприниматься не как духовная ценность, а лишь как драгметалл жёлтого цвета, некий материальный предмет, могущий обеспечить человеку спесиво-самодовольное существование. Именно в это время на горизонте русской поэзии замахали крылья чёрных ангелов, и вместо горнего парения стало наблюдаться скольжение вниз, а то и падение. Серебряный век был особенно “щедр на подобные примеры, чему являются подтверждением судьбы многих поэтов, писателей, художников, других деятелей культуры» [9, с. 34–35]. В этом смысле А.А. Ахматова действительно отразила своё время. «Я тёмная», – говорила она о себе. Иначе, что значат эти её строки: «Пусть хоть голые красные черти, / Пусть хоть чан зловонной смолы...» [1, с. 67]. А ведь эти строки относятся к раннему периоду

её творчества, по мере развития которого подобные образы стали лишь ещё более выпуклыми. И это был уже мир, где не только появятся, но и разовьются все признаки тёмного декадентства. Можно ли в этом случае причислить её к пассионариям? Или это пассионарий со знаком минус?¹

Последний рыцарь Серебряного века?

Автор статьи пишет: «*Последний рыцарь Серебряного века, сын Анны Ахматовой и Николая Гумилёва, не в добрый час явился он в этот мир – накануне страшных потрясений, постигших Россию столетие тому – революции 1917-го и братоубийственной гражданской войны*» [10]. Но о добром или недобром часе появления на свет мы уже сказали, зададимся теперь вопросом: можно ли называть Льва Гумилёва «последним рыцарем» Серебряного века? Безусловно, он рыцарь, но последний ли? Этично и корректно ли это по отношению ко многим другим деятелям, творцам, мученикам, героям, без раздумывания положивших свои жизни за родное русское Отечество в эти страшные, переломные для России годы? Вероятно, имени последнего рыцаря этого тяжёлого, страдающего, противоречивого, гибельного и прекрасного века мы не узнаем никогда. Их было слишком много, ибо та Россия была ещё... почти истинной, по крайней мере, близкой к тому, чтобы называться Святой Русью. Хотя Иван Алексеевич Бунин в своё время предупреждал, что потомки никогда не узнают, какой была прежняя Россия, как и чем она жила; они просто не в состоянии будут это сделать, так как русская жизнь не просто изменилась, она перевернулась, в ней многое оказалось уничтоженным, убитым и безвозвратно утраченным.

Россия испокон веков была богата не только землями, недрами, ресурсами, городами, но и людьми – и какими! Вот лишь небольшая часть русских имён, подлинных пассионариев дореволюционной России, совершивших переворот в мировой науке: Владимир Михайлович Бехтерев, Сергей Петрович Боткин, Василий Васильевич Докучаев, Владимир Козьмич Зворыкин, Юрий Валентинович Кнорозов, Николай Александрович Козырев, Степан Петрович Крашенинников, Иван Петрович Кулибин, Игорь Васильевич Курчатов, Николай Иванович Лобачевский, Дмитрий Иванович Менделеев, Илья Ильич Мечников, Николай Николаевич Миклухо-Маклай, Николай Александрович Морозов, Иван Петрович Павлов, Иван Михайлович Сеченов, Климент Аркадьевич Тимирязев и многие, многие другие...

Что собой всегда представляла русская наука? «Дореволюционная наука – это стройность мысли и ясность языка, широта разума и целомудрие чувства, глубина постижения и горнее парение. Это, наконец, государственное мышление и личное бескорыстие. Отсюда и какое-то массовое рождение русских гениев в самых разных областях человеческой деятельности – П.Н. Яблочков (изобретатель), Н.И. Пирогов (хирург), А.В. Суворов (полководец), Ф.И. Шаляпин (певец), И.А. Сикорский (авиаконструктор), В.И. Даль (составитель словаря), А.С. Пушкин (поэт), В.Н. Татищев (историк), В.В. Докучаев (геолог, почвовед), К.А. Тимирязев (естествоиспытатель), П.А. Столыпин (государственный деятель), А.А. Марков (математик), Л.Н. Толстой (писатель), М.И. Глинка (композитор), всех не перечислишь» [6].

Лев Гумилёв с родителями – Н.С. Гумилёвым и А.А. Ахматовой.

Из одних только филологов следует назвать такие выдающиеся имена, как Константин Сергеевич Аксаков, Фёдор Иванович Буслаев, Герасим Степанович Лебедев, Николай Петрович Некрасов, Дмитрий Николаевич Овсяннико-Куликовский, Измаил Иванович Срезневский, Илья Фёдорович Тимковский, Роман Фёдорович Тимковский, Дмитрий Николаевич Ушаков, Константин Дмитриевич Ушинский, Лев Владимирович Щерба и, опять же, многие, многие другие.

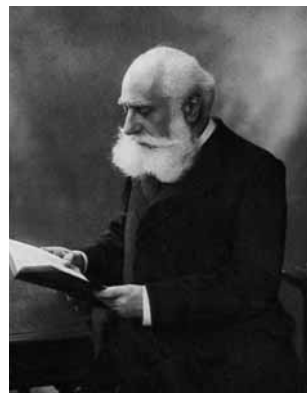
Все они – подлинные русские рыцари – науки, искусства, военного дела, экономики, политики, т. е. самых разных областей человеческой деятельности.

Что касается «рыцарей» Серебряного века, о многих мы ещё не знаем или только начинаем узнавать. Так совсем недавно при содействии В.В. Хатюшина были опубликованы стихи Ивана Ивановича Савина, Марианны Колосовой (Риммы Ивановны Виноградовой), Николая Николаевича Туроверова, Сергея Сергеевича Бехтеева в книге «Поэты Белой гвардии. Меч в терновом венце». Но это – поэты, сумевшие оставить след в литературе, а ведь были *непубличные деятели*, которые просто канули в Лету. А были ещё и *вполне обычные люди* – учителя, врачи, офицеры, инженеры, чиновники, воспитанные в традициях благообразной и благородной русской старины, чести, совести, трудолюбия, верой и правдой служившие отечеству. Имен которых мы не узнаем никогда, ибо они канули в Лету навсегда.

Хотя... нет, наверное, не всегда. Буквально, только что мне пришла в голову мысль, хотя далеко не новая, о том, что ничто и никуда не исчезает, а переходит в другую форму. Точно так же любое слово, дело, начинание отражается в нашей родной надземной ноосфере, которая всё хранит в своей бесконечно-спиральной памяти. Совсем недавно калужский поэт Алексей

¹ Данному вопросу посвящена работа Л.В. Рыжковой-Гришиной «Тринадцатый час А.А. Ахматовой». – Рязань: Скрижали, 2012. – 36 с.

Селичкин, желая подбодрить, прислал мне удивительную цитату из прочитанной статьи: «Концепция ноосферы не позволяла учёному-гуманисту принять капитализм с его законами, противоречащими законам природы, геологическим процессам, интересам человека. Правоту Вернадского подтверждает непростая история России двадцати последних лет. Вероятно, поэтому и наша элита не воспринимает учёного с его видением будущего. По убеждению Вернадского, оно должно основываться на глубоких элементах социалистических, гражданственных структур и усилении демократической основы государственных институтов... В тяжелейшее время, когда фашисты уже готовились к победному параду в Москве, когда решалась судьба России, Владимир Иванович пишет в своём дневнике: "Ноосфера победит"... Вернадский оказался прав. Победа осталась за ноосферой. Хочется верить его историческому оптимизму, его убеждённости в том, что она победит и в борьбе за будущее» [4]. И меня эти строки действительно подбодрили, изменили настроение и дали некоторый импульс, в результате на свет появилась эта статья.

Макс Нордау
(1849–1923)

Так что не будем забывать, что не только «рыцари» Серебряного, Золотого или ещё какого драгоценного века, но и *все люди, когда-либо жившие на Земле, оставили свой, совершенно определённый след в этом сверхразумном пространстве*, которое В.И. Вернадский назвал ноосферой, а древние эзотерики называли по-своему – *хроники Акаши*. Ноосфера всё помнит и хранит в своей бесконечной вселенской памяти. Так что нужно и можно быть рыцарем – это вклад каждого из нас в улучшение и гармонизацию земной жизни, а значит, и Вселенной. И теперь мы совершенно точно знаем о том, что ноосфера победоносна.

При этом я не хочу сказать, что впадаю в некий бодрый, соцреалистический оптимизм, лишаящий возможности взглянуть на мир реально-критически, вовсе нет. Более того, давно уже стыдно и страшно смотреть, что сделало человечество с самим собой и нашей щедро-великолепной планетой. Цивилизованно ли оно вообще? Культурно ли? Разумно ли?

Напомню, что когда-то мой земляк рязанец, великий сын Земли Русской К.Э. Циолковский мечтал о «*распространении совершенства и господства разума по всему космосу*» [12]. Где он, этот разум и тем более – совершенство? Быть может, мы всё-таки движемся к нему, хоть и микроскопическими шажками, ибо победа разума неизбежна, другого пути у человечества нет.

Литература

1. Ахматова А.А. Сочинения в 2-х т. Т.1 Стихотворения и поэмы / Вступ. ст. М. Дудина; Сост., подгот. текста и коммент. В. Черных. – М.: Панорама, 1990. – 526 с.
2. Британский историк Ховард Рид: король Артур был русским князем. [Электронный ресурс]. URL: <http://mysea.livejournal.com/2257328.html> (дата обращения: 22.09.2016).

3. Вернадский В.И. Научная мысль как планетарное явление. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lib.ru/Filosof/Wernadskij/mysl.txt> (дата обращения: 12.02.2013).

4. Левицкий Л. Ноосфера победит // Российская Федерация сегодня, 2013, № 5. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russia-today.ru/article.php?i=165> (дата обращения: 23.09.2016).

5. Нордау Макс. Вырождение / Пер. с нем. и предисловие Р.И. Сементковского; Современные французы / Пер. с нем. А.В. Перельгиной / Послесловие В.М. Толмачёва. – М.: Республика, 1995. – 400 с. – (Прошлое и настоящее).

6. Рыжкова-Гришина Л.В. «В исканиях всемирного простора...». Русский язык: история и современное состояние. Необходимость государственного регулирования // Новые технологии в образовании, науке, производстве: Международный сборник науч. трудов / Под общ. ред. к.п.н. Рыжковой-Гришиной Л.В. – Рязань: Скрижали, РИБиУ, 2012. – 410 с. С. 242-272.

7. Рыжкова Любовь. Воля равновесия. Натурфилософия Н.С. Гумилёва // Клаузура, 2014, № 1 (январь). [Электронный ресурс]. URL: <http://klauzura.ru/2013/12/lyubov-ryzhkova-volya-ravnovesya-naturfilosofiya-n-s-gumileva/>

8. Рыжкова Любовь. Гумилёв: великие загадки великого человека // Клаузура, 2014, № 3 (март). [Электронный ресурс]. URL: <http://klauzura.ru/2014/02/lyubov-ryzhkova-gumilev-velikie-zagadki-velikogo-cheloveka/>

9. Рыжкова-Гришина Л.В. «Мрачная яркость» природного мира А.А. Ахматовой как отражение психологического характера эпохи // Новое в психолого-педагогических исследованиях, 2014, № 4 (36). С. 34-38.

10. Скрынченко В.А. Ритмы истории Льва Гумилёва. [Электронный ресурс]. URL: http://www.velykoross.ru/journals/all/journal_19/article_673/ // Великороссы, 2014, № 57.

11. Слово о полку Игореве. Древнерусский текст. Перевод Д.С. Лихачёва. Поэтические переложения В.А. Жуковского, Н.А. Заболоцкого, И.И. Шкляревского. Составитель, автор дословного и объяснительного переводов, вступительной статьи и вступительных заметок к разделам, примечаний – академик Д.С. Лихачёв. Художник В.А. Фаворский. – М.: Просвещение, 1984. – 207 с.

12. Циолковский К.Э. Монизм вселенной [Электронный ресурс]. URL: http://modernlib.ru/books/ciolkovskiy_konstantin/monizm_vselennoy/read/ (дата обращения: 12.03.2012).

13. Циолковский К.Э. Неизвестные разумные силы [Электронный ресурс]. URL: http://www.gramotey.com/?open_file=1269098261#ТОС_id1828112 (дата обращения: 12.08.2015).

14. Чижевский А.Л. Земное эхо солнечных бурь. Изд. 2-е. Предисл. О.Г. Газенко. Ред. коллегия: П.А. Коржуев (отв. ред.) и др. – М.: Мысль, 1976. – 367 с. со схем.

15. Чижевский А.Л. Стихотворения. [Электронный ресурс]. URL: <http://warraх.net/daimon/01/html/23.html> (дата обращения: 03.03.2015).

ПОЭЗИЯ

Илья ЧЕХОВ

ИЛЬЯ ЧЕХОВ

Илья Андреевич Чехов – родился 11 сентября 1988 г. Композитор, мультиинструменталист, автор песен, поэт. Один из основателей и бессменный гитарист группы «СеВеРа» (г. Нижний Новгород). Живёт в г. Семёнове Нижегородской области.

«Там, на далёкой пристани...»

Через гул голосов, через смог трубный
я поднялся, чтоб смыть этот день трудный.
Мы теперь даже смотрим врозь –
кто-то первый начнёт, авось.

Если так суждено, не держи зла хоть.
Всё, что было, – не сор, не худой лапоть:
сохрани, приумножь вдвойне –
прорастёт изнутри во вне.

И оттают поля и дадут всходы.
И забудется всё. Но спустя годы,
мой посыльный, угрюм и тих,
принесёт тебе этот стих:

«Если там у тебя льют дожди снова,
посылаю ломоть своего слова:
он любовью к тебе вощён –
пусть он будет твоим плащом...»

Моя звезда

Велит пора, несущий вторит.
Какой урок судьба готовит?
Редее шаг,
я оседаю на колено –
во власти суетного тлена
я слаб и наг.

И слабость томна и негожа,
но ты – опора и надежда
и верный друг;
лишь ты одна, моя Аврора,
мне возвращаешь ясность взора,
когда вокруг
умы мятежностью кипучи;
на горизонте чёрны тучи
и блеск зарниц.
Когда же в тяжкие минуты
во дни своей духовной смуты
я падал ниц,
ты свет являла самый истый,
мне освещающая путь тернистый.
И знаю я,
каков удел на свете этом
связавшей жизнь свою с поэтом.
Душа моя,
пока на подъяремной вые
ремни не вспороты тугие,
ты всё прости;
покуда в сердце, полном скотства,
жива хоть капля первородства,
свети, свети!..

День сорвался с окна.
Во дворе ливень
в кош ночного сукна
сыплет горсть гривен.
Будет долгая ночь без сна.
Ты ворвёшься точь-в-точь весна:

ты заваришь мне трав,
распахнёшь шторы...
Может, я был не прав,
заводя споры
о полезности этих встреч,
о болезности тонких плеч.

Я сижу в темноте,
как поэт Бродский,
только шторы не те
и не столь броский
шум волны. И тоска как струп
на обветренной коже губ.

Ты поведать песнь такую
помоги, гитара, мне:
как в разлуке я тоскую
по родимой стороне;

как в чреде сплошных оказий,
коих быт как тяжкий гнёт,
этот жар незримой связи
мне погаснуть не даёт...

Всё сгорит в порыве скором,
треснет лёд у берегов,
лишь раскинется пред взором
синь некошенных лугов.

И волнения нахлынут,
сняв усталости печать,
и опять из сердца вынут
неизлитую печаль;

встрепенут стальные пряди
под натруженной рукой
и, скользнув по водной глади,
стихнут в поле за рекой.

Кончился день. Из оконных теснин
в комнату льётся ночная прохлада.
Мерно в углу догорает камин.
Тлеет лампада.

Нежно коснутся портьеры персты,
тихо скользнёт на паркет её платье.
Кротко склоняясь, качнутся цветы
возле кровати...

Я не забуду, кончая свой век,
наземь упав под свинцовым ударом,
как упоительно кружится снег
над тротуаром,

как её зябкая длань холодна,
как от отчаянья очи краснели,..
как на прощанье уткнулась она
в ворот шинели.

Чураясь шумного веселья,
в своей уединенной келье
я пью янтарное вино.
Мне ясно видится одно:
...под вой кнута в шорной упряжи
во двор въезжают экипажи.
С лукавой радостью в лице
лакей склонился на крыльце.
Звучит рояль, кружатся пары,
скрипит паркет парадной залы.
В углу за юною Аннет
взирают пристально в лорнет.
Одна мятежному награда –
огонь пленительного взгляда.
Ладонь десная горяча,
струятся кудри на плеча.
Дрожат бокалы на подносе.
Младой корнет гитару просит.
Сокрытый веером, горит
румянец девичьих ланит.
На память – заправка манжеты.
Уже готовят пистолеты.
Сорочку белую пиит
сегодня кровью обагрят...

Ужели, право, это было,
в теснинах памяти ожило
и пролетело предо мной?
Как будто, к скважине дверной
припав, я видел всё когда-то
и вспомнил отчие пенаты
и вид унылого двора,
и росчерк лёгкого пера...

Ты стоишь у окна,
за окном серо.
Ты такая одна,
ты – моя вера.

Шёлк июльских ног,
паруса одежды...
Я – твой пылкий Блок,
ты – моя надежда.

Лишь поднимешь бровь,
я смету планету.
Ты – моя любовь,
и иного нету.

Я опять сам себя бичую:
что-то сделалось, я же чую.
Повернула лесная речка?
Берег крут – не найти местечка?

Может, я впопыхах, сходу
замутил на мели воду?
Кто-то вброд перешёл, смелый,
и спустился туман белый?

Может, ласковых слов шёпот, –
как сухого песка щёпот, –
уж наскучил, и нет толка,
лишь круги на воде только?..

Если всё это – что просо,
если так пала тень просто,
ты прости мне мою усталость –
то почудилось, показалось.

Не тоскуй, не грусти, я выстою,
тканым платом твой берег выстелю.
Зорьки тихие нас венчали.
Смой навеки мои печали...

Что тебе от меня осталось? –
смоль волос да стихов малость –
ветерок ввечеру с реки.
Разожги меня, обреки.

Чтобы я не истлел, как уголь,
чтоб себя не загнал в угол.
Пламя юности мне верни,
 удержи его, сохрани,

пронеси сквозь потёмки буден, –
вместе мы или врозь будем, –
угасать ему не вели.
Разожги и испепели.

Если вдруг это всё наскучит,
собери, как листву, в кучу
и сожги. Не оставь и зги!
Разопни меня. Вдребезги.

А когда мы играть устанем,
охвати мою бровь устами –
будем в поле зарю пасти...
Я прощаю. И ты прости.

К. К.

Усталый путник, сквозь года
рассудку вторя,
я свыкся с мыслью никогда
не видеть моря.

Я у подножья опочу
на этом камне:
ну, ничего, не по плечу
ещё пока мне.

И миру дух был предан мой.
Но что случилось? –
оно разлилось предо мной
и мне явилось!

К чему цепляюсь я умом? –
ведь я же слышу!
И вот, поднявшись над холмом,
к нему я вышел.

И обезумленный стою,
глазам не верю:
я это место узнаю!
Я был за дверью.

Но я готов. Я рядом с ним.
Исход не важен.
Оно струится из теснин
замочных скважин.

И я врываюсь, как Ясон,
от края в пяди
и нарушаю нежный сон
лазурной глади.

И с высоты прогорклых дней,
душевной скуки –
вот я над ним, вот я над ней,
раскинув руки.

Не сомневаюсь, не хочу
искать причину –
я отрываюсь и лечу
в его пучину.

И я смеюсь, кричу навзрыд
от исступленья.
Мир замирает. Вздых... и взрыв!
И брызг скопление...

Я оглушён. Объят волной –
тяжёлый, тленный –
смывает груз она земной
моей Вселенной

и томно дышит мне в ответ,
гудит, стенает
и над поверхностью на свет
меня вздымает.

И надо мной моя Звезда
горит в зените.
Я растворяюсь. Навсегда.
Вы извините,

на брег я буду выходить
того лишь ради,
чтоб всё в объятья захватить
своей тетради.

И будет день, когда склонюсь
над этим станом, –
не морем с нею разольюсь,
а океаном...

Осень

Окутавшись багряною листвою,
моя земля чарующе красива:
таинственна, смирна, нетороплива –
душе моей отрада и покой.

Качая головою невпопад,
рябина, озарив румянцем алым,
как будто огненным, пылающим пожаром,
согрела опустевший старый сад;
слетаются к ней птицы поутру.
Сей образ довершит одна картина:
в терновнике порвалась паутина
и реет, словно вымпел, на ветру.
Морозным утром, не оставив и следа
тоски мятежной, опочившая беда
оставит горечь угасающей печали
на луже серебристой коркой льда.
Настала осень. Словно выстрел каждый звук.
И рдяный лист, искрой последней догорая,
сорвался с ветви, в небо улетаая,
не торопясь описывает круг.

Вот и кончилось всё. Мы ту встречу оставили втуне.
Ты уткнулась в плечо на прощанье атласной щекой.
Ах, зачем это я доверяю нелепой фортуне? –
все сомненья поправ, я итог предвосхитил такой.

Ты глядела в глаза, ну а я безнадёжно лукавил.
Ведь слова подбирал, только видишь – опять не с руки.
Вот и кончилось всё. Я последние строки поправил,
запечатал конверт и небрежно надел башмаки.

Зорьки утренней помню полосы,
как черёмухой пахли волосы...
Я возьму выпивать за правило –
на кого ты меня оставила?

Не воротись – буду маяться.
Как неладно всё получается:
столько дней с нашей встречи минуло –
на кого ты меня покинула?

За работою так и день пройдёт,
а меня никто у ворот не ждёт –
оглянусь да проеду мимо я.
На кого ты меня, любимая?

Я давно не писал.
 Ни короткой строки, ни полслова.
 А уже с тополей во дворе опадает листва...
 Я спустил паруса.
 Просто что-то нахлынуло снова,
 обнаживши болезненные рвы моего естества.

Насчитаешь с полста –
 соглашусь. Но скажи откровенно,
 всё телесное в нас разве стоит худого перста?
 Отверзая уста,
 как и прежде – и ночью, и днём –
 я склоняюсь над белою нивой простого листа.

Где б ты ни был, ладо,
 в дальней стороне
 под булатным градом
 вспомни обо мне;
 в сердце ярой сечи
 шашкою звеня,
 вспомни наши встречи
 на закате дня...

Даве засвербило
 по тебе. Ужо
 каждый день ходила
 я на бережок:
 не белеют струги
 на речной мели –
 опочили други
 в омутной дали...
 От того ль неймётся,
 что, саднив бока,
 стороной плетётся
 конь без седока?
 На какой чужбине
 с верною ордой
 ты летаешь ныне,
 сокол молодой?

Мне в пустой светлице
 туга не мила.
 Белой голубицей,
 выпростав крыла,

обернусь над лоном
 непчатых нив
 и, в обличье оном
 к небу воспарив
 над землёю отчей,
 предвещу исход
 и обрушусь тотчас
 в синь студёных вод...
 Где б ты ни приветил
 свой черёд, молю,
 чтоб доставил ветер
 восточку мою.
 Сбрось земные путы,
 в самой глубине
 в миг душевной смуты
 вспомнив обо мне.

На далёкой пристани

Там, на далёкой пристани,
 где собираюсь с мыслями,
 дай до поры мне выстоять,
 силы мне только дай.
 Там, на далёкой пристани,
 ветер лихой насвистывает,
 тучи сгущая низкие,
 хмурую крутит даль.
 Там в берега скалистые
 волны влетают быстрые,
 бьются, гудят неистово,
 ржавую точат сталь.

И каждый день бессмысленный,
 дюжиной строчек высланный,
 я, как безумец истинный,
 не отрывая глаз,
 там, на далёкой пристани,
 в море взираю пристально:
 «Скоро ль мой парус выплывет?
 сдюжит ли в этот раз?»

ПОЭЗИЯ

Василий КУЗНЕЦОВ

Василий Фёдорович Кузнецов – родился 8 марта 1935 г. в деревне Елизаветино Староюрьевского района Тамбовской области. Полковник в отставке. Ветеран Вооружённых Сил СССР. Награждён орденами «Красной Звезды», «За службу Родине в Вооружённых Силах СССР» и другими правительственными наградами. Член литературного объединения имени Ф. Шкулёва (г. Видное Московской области).

Живёт в Москве.

Чукотские зарисовки

Другу моему – Уварову Анатолию Васильевичу посвящаю

Снова тундру листаю как будто букварь.

Ян Берёзкин

Чукотка! Ты звездой в моей душе сияешь!

Антон Забарский

Жизнь моя сложилась так, что, как говорят, из огня да в полымя попал. С жаркого Йеменского экватора мне пришлось «перекочевать» по службе в район Крайнего севера – на холодную Чукотку.

Этот край тоже знаменит своими природными прелестями и трудностями, о которых я хочу рассказать в своих стихах:

Северный край – предел мечтаний,
Исток метелей, пурги и снегов,
Красивых полярных сияний
И не тающих вечных льдов!

О, край земли! Прозрачный и суровый,
Угрюмых сопков, девственных долин,
Волшебных зорь и сумерек багровых.
Тебе нет равных, ты такой один!

Я люблю эту землю, в броню ледяную одетую,
Эти сопки, как волны мгновенно застывших морей,
Я люблю этот край и ничуть не жалею, не сетую,
Что он стал поэтической песней в жизни моей.

Четвёртый день без передышки
Метёт метель – белым-бела...
Наш город, вместе с телевышкой,
Почти по плечи замела.

А снег какой! Он высшей пробы...
Схожу на почту, чтоб узнать,
Нельзя ли, чтобы полсутроба
В Баку бесснежное послать?!

Чукотка в мае

Пусть где-то там цветёт миндаль,
А здесь метель по сопкам катит.
До нас весне такая даль –
Дойти и месяца не хватит.

Всё так, но выйди, оглянись,
Смотри, как светом день пронизан,
И как самозабвенно вниз
Сосулька падает с карниза.

И снег – ты только посмотри –
День – два – и он совсем зачахнет.
Нет, что ты там не говори,
А у нас весной пахнет!

Чукотское лето

Про буйство ветров много песен пропето.
Почти позабыто полярное лето.
Ветер и летом шумит, вздымая валы,
Здесь камни от инея летом белы.

Притронешься к ним – и морозом прихватит,
А рядом трава голубая встаёт.
Ей силы до осени пасмурной хватит
Буравить ветра, озорные, как лёд.

Не успев прилететь, птицы вновь улетают
По небесным дорожкам в другие края,
Потому что от снега еле-еле растаяв,
Вновь покрывается снегом земля.

Чукотская зима

Я видел зимы разные –
У каждой свой почерк есть...
На Чукотке они с проказами,
И все их нельзя перечесть.

На Чукотке они суровые
И с ветром пронзают насквозь,
Ни шубы, ни шапки меховые
Не держат чукотский мороз.

Под сорок, и больше, градусов,
Порою сшибает с ног,
Под белым морозным парусом
Не видно путей-дорог.

То тишь стоит безмолвная,
То бури зловещий вой
Заливает тундру волнами,
Наполняя душу тоской.

То в тучах небо тёмное,
И свет превращается в тьму,
То солнце блестит неуёмное,
На снег невозможно взглянуть...

Белые ночи

Ночи становятся часа короче,
Только брезжащий сумрак в окне.
Снова облачны тёплые ночи,
Тихо, тихо стучатся ко мне.

Снова белые ночи колдуют,
Становясь всё светлей и светлей,
Навевает мне добрые думы
Ветер с дальних лугов и полей...

Север

Я знаю, Север, ты в душе у многих
Суровыми легендами одет,
Как символ трудной, пройденной дороги
Нам оставляешь свой неизгладимый след.

И что это за страсть такая в людях,
И чем она особенна сильна,
Чтобы в простор стремиться снежно-лютый
И все скитанья испытать сполна?

Не по наследству и не по привычке
Для нас дорожке Север, чем родная мать.
И мы идём, хоть к чёрту на кулички,
Чтоб только бы идти, а не стоять.

Уже и Север стал другим: помягче,
Поближе и покладистее стал...
Но всё равно – не перестал маячить
И наши души полонить не перестал!

Чукотские ромашки

Не раны войны пулевые,
Не в космос отважный маршрут,
Ромашки – цветы полевые,
Спокойно мне спать не дают.

Их ветер повсюду рассыпал –
На запад, восток и на юг,
И кажется, вся-то Россия –
Огромный ромашковый луг!

Признаться, я был к ним невеждой:
Я рвал их и попросту мял,
И даже в стихах своих прежде
О них ничего не сказал,

Не обмолвился добрым словом
О чудных цветах полевых,
Покуда в Чукотке суровой
Однажды не встретил я их.

Тот край знаменит не цветами,
Земля там суха и жестка:
Повсюду одни только камни,
Ни травки на них, ни цветка.

И здесь, в окружении голых
И диких обветренных скал,
По склону – горняцкий посёлок
Строенья свои разбросал...

И как-то, в рабочих касках,
Горняки повстречались мне,
И вдруг, мы живые ромашки
Увидали над грудой камней!

И я, и группа шахтёров
К ромашкам тем подошли
И долго, с горящим взором,
На них любоваться могли...

С напёрсток их белые чаши
Красу нам дарили свою
И, как подмосковные – наши,
В душу вливались мою.

В краю южаками¹ продутом
Сердца наши были нежны...
И кто это выдумал, будто
Мужчинам цветы не нужны?!

Чукотские берёзы (аллегория)

Берёзы чукотские, я встретился с вами
Вдали от кудрявых московских берёз...
У ваших подножий лишь голые камни
Да мох, что меж ними пророс.

От центра России, подумать аж страшно,
Какие огромные расстоянья легли!
Сестрички берёз подмосковных наших,
Как вы сюда добраться смогли?!

Как на ветру постоянном, жестоком,
Среди постоянных, безжалостных вьюг
Растёте вы – карликовые, в таком далёком,
В таком суровом, ледяном краю?

¹ Холодные ветры

Листвою своею шумя зелёной,
Берёзы охотно делились со мной:
«Здесь, в северной стороне студёной,
Мы – на российской земле родной,

От неё – и теплом, и богатырской силой,
И нежностью детской все мы полны,
Одна у нас мать – великая наша Россия,
Мы её любим и ей беспредельно верны!».

Чукотские грибы

Чукотка грибами не очень богата,
Как наш подмосковный берёзовый лес.
Да и леса там нет, и тундра как вата,
Но сколько там всяких бывает чудес...

Бескрайная тундра! Она совсем рядом,
Вся в кочках, покрытая мхом,
А в кочках – грибы, не один, а отрядом,
Словно невесты перед женихом!

Однако грибы те грибами не пахнут,
У них есть свой, специфический вкус,
В лукошке грибочки сразу же чахнут,
Но они для меня, как сладкий арбуз!

Чукотский транспорт

Из-за сопок ветер дунул –
Самый злющий, хоть и южный...
Я и в мыслях не подумал,
Что обоз собак увижу дружный.

Скрип полозьев, лай собачий,
Ни тропинки, ни следа...
Другим транспортом иначе
Не добраться бы сюда.

Впереди вожак ездовый,
Как лохматый чародей,
Точный курс берёт от дома
В нартах едущих людей.

Вот бы, прелесть-то какая,
Тех же псов, да тот же снег
Показать родному краю
На удивленье людям всем!

ПОЭЗИЯ

Инна Юрьевна Мухина – по профессии металлург и металлург, кандидат технических наук, ведущий специалист в области авиационного материаловедения. В течение многих лет стихотворения И. Мухиной постоянно появляются на страницах периодической печати, в коллективных сборниках и альманахах. Автор трёх поэтических книг и лауреат многих литературных конкурсов. Член Союза писателей России.

Живёт в Москве.

Инна МУХИНА

«В перекрестьях судьбы...»

Край полынный, сердцу трудно
Без тебя вдали.
Даже праздники, как будни
Без родной земли.

Земляничные поляны,
Белоствольных свет,
А в низинках туманы
Стерегут рассвет.

Поутру глаголют птицы,
Каждая – своё.
Птаха малая, синица
Трелит соловьём.

Соловей же, замирая,
Держит в горле звук,
Мою душу забирая,
Не сейчас, не вдруг.

Песней прежних поколений,
Там где Плёт и Дон,
Край полынный, дух нетленный
Берегут мой дом.

ИННА МУХИНА

Из окна поезда «Березники-Москва»

Опять за окнами Россия
В оправе ёлок и берёз,
В своем наряде жёлто-синем
Качает день под стук колёс.
Опять колдуют километры,
Тайгу сменяет чернозём,
И вот уже сквозные ветры
В нас хлещут снегом и дождём.
Россия нищая, босая,
Среди заснеженной зимы,
Но мы корнями прорастаем
В её овраги и холмы,
В её горбатые могилы,
Не осенённые крестом,
И этот край до века милый
Землёй родимую зовём.

Переславль-Залесский

Вокруг Плещеева озера расположены Горицкий, Никольский, Данилов, Фёдоровский монастыри, Собор Спаса.

Волнует и радует душу
Залесский озёрный покой.
Плещеево озеро сушу
Ласкает святою водой.
Веков монастырские тайны,
Полёт золотых куполов,
Плывут в поднебесье над нами
Созвездия гордых крестов.
Не раз перед тяжким сраженьем
Сбиралась здесь Невского рать,
Под Божьим покровом спасенья
Был изгнан поверженный тать.
Московия, ты начиналась
У озера с речкой Трубеж.
И в храмах, и в латах,
И в зореньках алых
Стоял твой Залесский рубеж.

Кама

Кама просит человека...

А по весне, как по весне
Бунтует Кама у причала,
И топляки приносят смерть,
Незримо на волне качаясь.

Бурлит свинцовая вода
Конец или начало века,
Так было по весне всегда,
То Кама «просит человека».

Подельник – ветер парус рвёт,
Как будто хочет нас угробить,
И валит на бок и ревёт
Реке воинственной в угоду.

Не зря предупреждал рыбак:
«Заглох мотор – держите вёсла,
Да пошустрей, не кое-как,
На Каме беспокойны вёсны».

Мой отец исходил
Весь Уральский хребет.
Мне достался в наследство
Его патронташ
И охотничий нож,
Что служил много лет,
И любовь к тем местам –
Самый ценный багаж.
По распадкам с бочагами
Талой воды
Изыскатели шли,
Утопали следы.
От руды тяжелей
Становился рюкзак,
Но он был им нужнее,
Чем спирт и табак.
И не жалко ни сил,
Ни простуженных снов,
(Он нашёл, что просил
У таёжных богов).

Железняк, манганит,
Малахит и слюда –
Будут здесь рудники,
А потом города.
Будут плавить металл,
Будут лить и ковать.
А пока не устал,
Нужно дальше искать.
Может быть, потому
Меня манит Урал,
Что отец мой в наследство
Его завещал.
Слышу звоны тайги
Сквозь потоки времён.
В перекрестьях судьбы,
Моя явь и мой сон.

В Переделкино

Звезда цвела на зимнем синем небе,
И падал март на землю светлым снегом,
И ель густая тишину роняла,
Как будто тайну чью-то охраняла.
А, может быть, привиделось всё это,
Зима нас целовала до рассвета,
Поутру зиму солнце растопило,
И только душу всё ещё знобило.

Врубель

Мой ангел, мой демон,
Волос вороное крыло,
Вернёмся на землю –
Безумное счастье прошло.
Пускай осыпается
Душ золотой листопад,
Любовь отступает,
Чтоб ей возвратиться назад.
Неистовый демон –
Печаль моих ласковых дней,
Ты вечно один,
А я вечно останусь твоей.

Сергей Рахманинов. Прелюдия

*Уехавшие после революции из России таланты –
Фёдор Шляпин, Иван Бунин, Сергей Рахманинов –
мечтали об Отчестве, жили его духом.*

Исчерпана горькая чаша.
Россия, мы дети твои.
В прелюдиях горести наши,
И русские в них соловьи.
Ручьи у забытого сада,
Пасхальных церквей перезвон,
А память, как боль и награда
Со всех обступают сторон.
В них русские души распяты,
Страдающий Спас на Крови,
Вернёмся, вернёмся обратно
Мелодией нашей любви.

Детский вопрос

*Подпись на рисунках мальчика из детского дома:
«это наша воспитательница»;
«это космические правители»;
«а это мои будущие родители, ну, очень красивые!»*

Дом сосновый, шишки на окне,
Ель в окно заглядывает тихо.
Так спокойно было в тишине,
Вдруг запричитала сорочиха.
Птенчик малый выпал из гнезда,
«Самый-самый» для неё на свете.
Все сороки бросились туда,
Под защитой сорочата-дети.
Но не так у наших матерей,
Сколько сирот, брошенных в предзимье
Никому не нужных малышкой
Без семьи, без рода и без имени.
Эй, кукушки, хватит куковать
Обделили кукушат судьбою.
Дорогого стоит слово – Мать
И уметь жертвовать собою.
Дом сосновый дремлет в тишине,
И ему не надо «всё такое».
Но теперь уже не спится мне,
Растревожась, не найду покоя.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

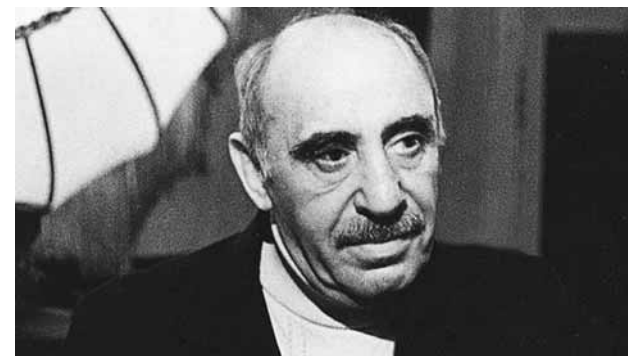
Хасан ТУРКАЕВ

Сеятель и хранитель художественных сокровищ

Слово о Семёне Израилевиче Липкине

Воистину: лучезарный свет и тепло, исходящие от той великой и величественной страны, которая нас взрастила, всё ещё озаряют наше сознание, пробиваясь сквозь толщу окаянных лет, наступивших после неё, греют душу, не дают вздремнуть нашим гражданским чувствам. И всё это происходит потому что люди того времени были устремлены к правде святой, душой и сердцем прикипели к судьбе Отчизны, служили ей, но не себе, бескорыстно, с великим чувством долга перед ней приумножая её всеохватную мощь, базирующуюся на высоком интеллекте народа.

Но как, благодаря чему, какой неистребимой силе сформировался этот людской монолит, который и защитил и возродил её, сделал из неё великую державу? Конечно, прежде всего, продуманной до мельчайших нюансов политике образования и сближения народов, их дружбе, которая сегодня подвергается уничижительным насмешкам либералов и представителей пятой колонны. Конечно, благодаря и тому, что взоры самой читающей страны мира и прежде всего национальных окраин, получивших свою письменность,

С.И. Липкин (1911–2003)

Хасан Вахитович Туркаев – родился 10 мая 1938 г. в селе Малые Варанды Шатойского района Чечено-Ингушской АССР (РСФСР, СССР). Российский чеченский учёный, доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки ЧИАССР (1977), Заслуженный деятель науки Российской Федерации (2005), член Союза писателей СССР (1980), Союза писателей России, Союза писателей Чеченской Республики. Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (2003).

Живёт в Грозном.

обратились к русской классической и советской литературе, великие духовные скрепы которой и сформировали тот монолит, на котором десятилетиями покоилась великая держава. Но вместе с тем уникальная особенность советской культуры многонациональных народов заключалась и в том, что каждая из них, участвуя у более развитой культуры, интенсивно отдавала другим накопленные самой в себе идейно-эстетические ценности. Так, впервые в истории в одной стране сошлись лицом к лицу две великие культуры. В своё время М.Ю. Лермонтов писал с Кавказа С.А. Раевскому: «Я многому научился у азиатов, и мне бы хотелось проникнуть в таинства азиатского мирозерцания, зачатки которого и для самих азиатов, и для нас ещё мало понятны. Но, поверь мне, там, на Востоке, тайник богатых откровений»¹.

Судьбе выдающегося поэта, переводчика, прозаика и публициста Семёна Израилевича Липкина угодно было, чтобы именно он, очутившись на гребне интенсивных соприкосновений русской и многонациональной литератур 40-90-е гг. XX в., навсегда стал хранителем и сеятелем этого «Тайника богатых откровений» Востока, двух гуманных художественных систем. Произшедшее благодаря его светлым помыслам, подвижническому труду взаимобогащение нравственно-философских воззрений народов Советского Союза стало главным направлением в художественном развитии этих народов.

Его пронзительный взгляд на национальные культуры ещё до начала Великой Отечественной войны остановился на поэзии Чечено-Ингушетии: в 1938 году в Гослитиздате в г. Москве вышел сборник стихов разбуженных новой действительностью 20-30-х гг. XX в. молодых чеченских и ингушских поэтов. Впервые на русском языке они зазвучали благодаря переводам Семёна Липкина. Их творчество, впервые интегрированное в контекст советской многонациональной литературы, получило высокую оценку центральной литературной критики. Мы, историки литератур, гордимся тем, что у истоков приобщения многонационального читателя страны к молодому искусству слова ранее бесписьменного народа стоял Семён Израилевич Липкин.

Почти что в то же время и в том же издательстве С.И. Липкин выпустил сборник стихов молодых калмыцких поэтов (1940), первым перевёл на русский язык могучее эпическое произведение устного творчества калмыков – героический эпос «Джангар» (1940), в последующие годы, сообразуясь с духовными потребностями многонационального читателя, не раз переизданный им (Москва, Гослитиздат, 1958, 1971, 1977).

Таким было начало извержения вулканической мощи поэтического и переводческого дара С.И. Липкина. Далее, в ходе Великой Отечественной войны, в условиях всеобщего патриотического подъёма народов Советского Союза, С.И. Липкин не только не приостановил, но ускорил знакомство этих народов с духовным наследием друг друга: такая провидческая деятельность только ещё прочнее сближала народы, отстаивавшие независимость Великой Отчизны (поэма узбекского классика Алишера Навои «Лейла и Меджнун», Ташкент, 1943 гг.; «Манас Великодушный». Повесть по мотивам киргизского героического эпоса «Манас», М., «Советский писатель», 1947; Алимджана Хамида «Ойгуль и Бахтияр», с узбекского, 1948; «Из дагестанской поэзии», Махачкала, 1952; «Приключения богатыря Шавкура». По монгольским сказаниям. М.-Л., 1947).

В ходе войны С.И. Липкин, занятый работой чрезвычайной государственной важности – сближением народов СССР посредством знакомства их с духовным наследием друг друга, издал свой сборник стихов под красноречивым названием «Родина» (1942).

Переводческая деятельность, как одна из действенных форм взаимобогащения художественных литератур народов СССР, была подвержена таким же общественным колебаниям, как и сама советская многонациональная литература.

Опираясь на историю советской многонациональной литературы, можно убеждённо говорить, что самый плодотворный период в её развитии падает на конец 50-х–80-е годы XX века. Именно в эти десятилетия она достигла высокого уровня в постановке и решении крупных философско-нравственных проблем. Именно в это время художественные культуры народов СССР, благодаря самоотверженной деятельности русских переводчиков, стали известны читающему миру.

Русская интеллигенция XIX–XX вв. всегда и неизменно обращалась к классике мировой литературы, и она с упоением и радостью переводила их на русский язык, приумножая тем самым интеллектуальную мощь не только русской нации, но и народов России. Через художественное слово, просветительские устремления она приобщила их к доброму, разумному, вечному. Достаточно вспомнить названия некоторых мировых шедевров художественного слова и их переводчиков («Витязь в тигровой шкуре» Ш. Руставели в переводе Николая Алексеевича Заболоцкого, «Божественная комедия» Данте Алигьери в переводах многих переводчиков, начиная с А.С. Норова (1823 г.) и заканчивая Лемпортом Владимиром Сергеевичем (1996-1997), Уильяма Шекспира («Гамлет», сонеты, в переводах Бориса Пастернака, Самуила Маршак, Михаила Дудина, Антона Сагратяна и др.), эпопею «Путь Абая» классика казахской словесности в переводах Анатолия Кима, Зои Кедринной, А. Соболева, А. Никольской и др.). Список мировой классики и её выдающихся переводчиков можно бесконечно продолжать, но здесь важно отметить: мировая классика, пришедшая к российской общественности благодаря творческому и гражданскому подвигу переводчиков, заботившихся о родной словесности, неизмеримо обогатила её мировоззренческий капитал, способствовала резкому расширению границ концептуального подхода в осмыслении действительности.

В знакомстве же мирового читателя с народными эпосами и многонациональной литературой нашей страны велика была роль Семёна Липкина. Начиная со второй половины 50-х годов и вплоть до начала 90-х гг. XX в., он, целиком и полностью пленённый фольклорным и литературным наследием народов СССР, безостановочно, не имея ни малейшего покоя, истово переводил его на русский язык, и тем самым обогащал духовный мир миллионов читателей, воспитывал их в любви и уважении и к нашей стране, и к нашей культуре. Таково было патриотическое побуждение этой выдающейся личности.

Начиная со второй половины 50-х годов XX в., он сердцем прикипел к творчеству классиков Востока, Средней Азии и Казахстана. В 1957 году Семён Липкин «открывает» русскоязычному читателю классика таджикской литературы Мирзо Турсун-Заде («Голос Азии». Стихи и поэмы. Сталинабад, 1957), впоследствии получивший Ленинскую премию в области литературы, звание Героя Социалистического труда. Творчество этого поэта с тех пор

¹ Герштейн Эмма. Судьба Лермонтова. М., Советский писатель, 1964. С. 364.

Семён Липкин переводил много раз. Вслед за ним широкий читатель познакомился с поэзией классика киргизской литературы Токомбаева Аалы («Встреча в Китае». Поэма. Фрунзе, 1958), классиков таджикской литературы Рудаки (М., 1958), Абулькасим Фирдоуси (поэмы из «Шах-Намэ», Сталинабад, 1959), классика узбекской литературы Лутфи («Туль и Навруз» Ташкент, 1959). Через год он там же издал «Голоса шести столетий» – стихи поэтов Востока.

В начале 60-х годов XX в. к читателям пришла философская поэзия Гургани Фахриддина «Вис и Рамин» (М., Гослитиздат, 1963). Известный востоковед И. Брагинский писал, например, во вступительной статье к «Вис и Рамин» Фахриддина Гургани: «Поэту-переводчику С. Липкину удалось не только передать обаяние поэмы, до сих пор почти неизвестной русскому читателю, но и сохранить в точности систему её рифмовки: где возможно воспроизвести игру слов, звуковую орнаментацию, а, главное, всю своеобычность стиля, сочетание ясности выражения с элементами выпяченной риторики и нарочитого просторечья». Не это ли являлось свидетельством особого и неповторимого чутья Семёна Израилевича «чужого» текста?

Благодаря необыкновенно тонкому эстетическому вкусу Семёна Израилевича была открыта поэзия узбекской поэтессы Зульфийи («Дар долины», М., 1966), явившейся в советской многонациональной поэзии по-настоящему звездой Востока.

В теории художественного перевода одной из концептуальных проблем является проблема максимальной близости перевода к оригиналу, соответствия его поэтических средств и философии подлиннику. Конечно, достойное преодоление этого барьера стало бы возможным при условии, если переводчик владел бы языками переводимых им произведений, основательно освоил бы всю сложную систему быта, нравов, обычаев, философских воззрений носителей информации, то есть творцов литературных произведений. С.И. Липкин, не будучи полиглотом – знатоком десятков языков народов СССР, чьи фольклорные и литературные произведения он переводил, обладал редким даром «прочитывать» сведения об обычаях и своеобразии мышления народа по предлагавшимся ему подстрочным переводам. При этом он, прежде чем браться за архисложную творческую работу поэта-переводчика, ездил в те или иные регионы проживания народа, чьи творения он собирался переводить.

Во второй половине 60-х – 70-е годы Семён Израилевич, после пережитой некоторыми народами Северного Кавказа депортации, вслед за А.С. Пушкиным вновь «открыл» Северный Кавказ и увёл читателя вглубь истории их сокровищ «поэтически необычайных».

Если в довоенные и военные периоды он переводил только их литературную поэзию, то теперь в центре его внимания оказались и героические эпосы этих народов. Ранее, в 50-х годах, как известно, он перевёл «Кабардинскую эпическую поэзию» (Нальчик, 1956), «Нарты». Кабардинский эпос (М., 1951). Теперь, в начале 70-х, он перевёл «Балкаро-карачаевский нартский эпос» (Нальчик, 1973) балкарского поэта-сказителя Мечиева Кязима («Избранное». Стихи и поэмы, 1976). Во вступительной статье выдающегося балкарского поэта Кайсына Кулиева творчество поэта-философа Кязима Мечиева встраивалось в контекст поэзии поэтов-певцов народов Северного Кавказа, занимающих в истории их художественной мысли особое место, явившись промежуточным звеном от устного творчества к письменной литературе. В их ряду социальным и философским содержанием отличается творчество аварского поэта-сказителя Гамзата Цадасы. Его С.И. Липкин переводил и раньше.

В 1969 году он познакомил читателя с неизвестным ему ранее произведением «Сказка о зайце и льве», что существенно расширило представления читателей о жанровом многообразии и философской глубине творческого наследия классика аварской художественной литературы.

О жанровом обогащении и темпах развития литератур народов Северного Кавказа и республик Поволжья во второй половине XX века говорили изданные в переводе Семёна Липкина роман в стихах кабардинского поэта Али Шогенцукова «Камбот и Ляце» (Нальчик, 1975), татарского поэта и просветителя Габдуллы Тукая, «Поэзия советской Татарии» (1955), бурятского героического эпоса «Гэсэр».

Как видно, чрезвычайно широк был интерес Семёна Липкина к фольклорно-литературному наследию народов мира: Северный Кавказ и Дагестан, Средняя Азия и Казахстан, Индия, Восток, республики Поволжья, Бурятия, Монголия и др. Он глубоко проник в художественное наследие народов, он переводил из этого наследия то, что могло бы, на его взгляд, объективно способствовать расширению представлений читателей о той или иной национальной культуре, разнообразии и богатстве её художественных творений. Нравственно-философские импульсы, постоянно исходящие от них, создавали в стране высокую нравственную атмосферу духовности, приязни, открытости, доброжелательности.

Вспоминаются слова Александра Дейча из его вступительной статьи к изданию «Голоса шести столетий» (Ташкент, 1960. Перевод с узбекского): «В сборнике переводов С. Липкина слышна переключка столетий. По древнегреческой легенде, когда после долгой осады была взята Троя, греки зажгли на горных вершинах костры, возвещая далёкой родине радостную весть такой огненной эстафетой. Нечто подобное находим мы и в этой книге: далёкий XV век, век Лутфи и Навои, век среднеазиатского возрождения шлёт чистый огонь гуманистических надежд о лучшем будущем XIX и XX векам».

Или же слова Л. Эйдлиной из его предисловия к сборнику стихов «Далёкие и близкие» (Стихи зарубежных поэтов в переводе Веры Марковой, Семёна Липкина, Александра Гитовича. М., «Прогресс», 1978): «В переводах С. Липкина мудрость поэзии Востока и, позволим себе сказать, усиленная и воспитанная Востоком – мудрость самого переводчика, талантливый поэт. Мудрость и наивность! Родные сёстры, легко уживающиеся в поэзии Востока: нет мудрости без искренности, а наивность (может быть, особо присущая далёким, не обременённым новейшими техническими достижениями временам) есть один из ликов её (с.117).

Только сегодня, по прошествии десятилетий после гигантского труда С. Липкина, когда под натиском жестоких законов рыночных отношений очерствели души и сердца людей, особенно ясно и чётко осознаёшь, сколь велика была его роль в воспитании духовно богатых и нравственно здоровых многих поколений советских людей. Воистину, большое видится на расстоянии. Осознанно издавая часть своих переводов в издательстве «Детская литература», он уже в юные души вкладывал нетленные ценности мировой культуры. Так, например, им была издана объёмная книга под названием «Золотая цепь (Восточная поэма)» (1970). Переводы и вступительная статья С. Липкина. В книгу вошли такие шедевры мировой культуры, как «Махабхарата» – индийский эпос, Фирдоуси – «Сказание о Захалле» из поэмы «Шах-Намэ», Джами – из поэмы «Юсуф и Зулехха», Навои – из поэмы «Семь планет», «Джангар» – из калмыцкого эпоса, «Абрискил» – абхазская легенда. Какие изумруды были

переведены С. Липкиным и как они возвышали души юных читателей около пятидесяти лет тому назад!

В контексте произведений русских и национальных писателей, обусловивших моральный и духовный подъём страны во второй половине 50-х – 60-е годы XX в., художественное наследие чеченского и нескольких других народов Северного Кавказа (балкарцев, карачаевцев и ингушей) значилось теми немногими творениями словесности, относящимися к 20-40-м годам XX в. Их депортированным культурам (1944), вернувшимся на родину только в 1957 году, понадобилось 10-15 лет, чтобы обрести художественную и нравственно-философскую энергию и вписаться в общесоюзный литературный процесс: пришедшие на смену старшим писателям молодые литераторы сумели за это короткое время придать своим литературам должный разбег, обрести художественный опыт, чтобы их видение морально-нравственных и философских проблем своего времени отвечало духовным потребностям всесоюзного читателя.

В этой состыковке «возвращённых» художественных культур к всесоюзному литературному процессу и сыграли великую роль русские поэты-переводчики.

Ускорение взаимообогащения многонациональных литератур произошло благодаря тому, что переводчики обогащали произведение переводимого автора средствами своей творческой лаборатории. Таким образом, в определённой мере происходило выравнивание уровней развития этих культур, что имело значение для усиления их идейного и эстетического воздействия на читателей.

Если поэтические и прозаические жанры чеченской литературы спустя и 10 лет после её возвращения из депортации всё ещё не давали широкому кругу читателя глубинных знаний о духовном, нравственно-этическом мире чеченского народа, то в нашем понимании, понимании шестидесятников, пришедшим в науку сразу же после вузовской учёбы, такой кладёз был сокрыт в чеченских народных героико-эпических и исторических песнях «Илли». В то время наши пока что поверхностные знания идейно-эстетического и исторического содержания «Илли» опирались не столько на доскональное исследование этого позднего эпоса чеченцев, развивавшегося с середины XVI по сороковые годы XX века, сколько на оценки, данные эпосу А.С. Пушкиным, М.Ю. Лермонтовым, Л.Н. Толстым, А.А. Фетом и другими классиками русской литературы, учёных, обращавшихся к его исследованию.

Именно интернационалистский пафос эпоса, в котором главными героями выступают чеченские, русские, грузинские, аварские, калмыцкие, осетинские, кабардинские благородные юноши, в котором основательно проявились такие черты характера чеченского народа, как верность дружбе, отвага и благородство, открытость, чувство сострадания к униженным и ущербным, забота о вдовах и сиротах, стариках и немощных – такие черты характера могли бы, на наш пока что ещё непрофессиональный в то время взгляд, реинтегрировать возвращённый на свою родину народ в общесоюзный социум, способствовать познанию широким читателем его духовно-нравственного мира.

Такие мысли подвигли нас – директора Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы А.А. Саламова и меня – заведующего сектором литературы и фольклора этого института – летом 1968 года обратиться с письмом-просьбой к С.И. Липкину, которого мы знали по его переводам эпосов других народов, согласиться стать переводчиком наших «Илли» и вот его ответ:

Уважаемый товарищ Саламов!

Я долго отсутствовал в Москве, поэтому отвечаю на Ваше письмо только сегодня.

Мне кажется, что к такой ответственной работе, как перевод на русский язык чеченского фольклора, надо привлечь не одного поэта, а нескольких. Думаю, что в книге должны принять участие Л. Пеньковский, В. Звягинцева, Я. Козловский, Н. Гребнев. Что касается меня, то я готов принять участие в книге и как один из его переводчиков и, если понадобится, как редактор всех переводов.

Что касается условий работы, то они обычны, общеизвестны и ни в коем случае не могут стать препятствием на общем пути.

С уважением С. Липкин

7.X.68

С этого очень сердечного ответа С. Липкина и началось наше с ним творческое содружество, переросшее в настоящую дружбу. Уже то, что С. Липкин сказал, что это «наш общий путь», вселило в нас надежду на благополучное начало и завершение этой, как оказалось впоследствии, большой, сопряжённой со многими трудностями, работы.

Она проходила в трудные для истории и культуры республики 1970-е годы. Так, в частности, весной 1973 года на собрании общественности республики идеологический отдел Чечено-Ингушского обкома КПСС провёл разгромное обсуждение «Очерков истории Чечено-Ингушской АССР с древнейших времен до наших дней», изданных Чечено-Ингушским научно-исследовательским институтом истории, языка и литературы в 2-х томах. Это обсуждение послужило началом дискредитации истории, отдельных исторических личностей из числа чеченского народа, сыгравших видную позитивную роль в истории России. Обсуждение было вызвано тем, что обком КПСС захотел напомнить чеченцам и ингушам их якобы большую вину перед Россией.

Принятое на состоявшемся летом 1973 года печально известном X пленуме Чечено-Ингушского обкома КПСС решение окончательно размежевало партийные органы и немногочисленную творческую интеллигенцию республики: имена ряда историков и писателей были преданы политической анафеме (Халид Ошаев, Идрис Базоркин), они были исключены из партии. Партийные выговоры с освобождением от занимаемых должностей были объявлены десяткам и сотням работникам культуры, науки и литературы.

В такой гнетущей атмосфере об издании фольклорных произведений не могло быть и речи, ибо те, кто пытался постепенно лишить народ исторической памяти, создавая его отрицательный образ, всячески тормозил дело собирания и публикации устного народного творчества – этого хранилища истории и духовности народа. Весьма наглядно нам это было обкомом продемонстрировано тем же мрачным летом 1973 года, когда по его указанию была уничтожена корректура IV тома песенного фольклора, подготовленного к изданию на чеченском языке. Но наша работа с московскими переводчиками продолжалась. Группу известных в стране поэтов-переводчиков, в которую входили Римма Казакова, Наум Гребнев, Яков Козловский, Юлия Нейман, Л. Пеньковский, Инна Лиснянская, Дмитрий Голубков, Руфим Моран, Александр Галич, Нателла Горская, Поэль Карп, Тамара Жирмунская, Анатолий Найман, возглавлял Семён Липкин. Многие из них оставили высокие и восхищённые оценки переведённых ими песен.

Неоднократные поездки в Москву к переводчикам, встречи и разговоры с ними, их письма и записки ко мне оставили в моей памяти неизгладимые впечатления, обогатили мой, тогда ещё относительно молодого человека, духовный мир. Помню интеллигентного и спокойного Наума Гребнева, импульсивного, чисто по-горски взрывного Якова Козловского – друга и переводчика многих поэтов Северного Кавказа, философа с энциклопедическими знаниями Семёна Липкина. Часты бывали мои визиты к нему в Москву, где он жил на улице Красноармейской. Однажды мы к нему пошли вдвоём с Мусой Багаевым – тогдашним аспирантом Института археологии АН СССР (ныне выдающийся археолог, автор ряда крупных монографий). Запомнился тост, произнесённый С. Липкиным: «Давай, Муса, выпьем за Хасана – человека, одной ногой стоящего в горах, а другой – в Европе». Конечно, мне было лестно услышать такие слова от выдающегося поэта и переводчика. Помню красивую и энергичную Римму Казакову и отдаю дань большого уважения ей и её выдающемуся творчеству. Римма Фёдоровна Казакова в трудные для чеченского народа время – 90-е и начало XXI в. – посвятила ему ряд проникновенных стихотворений, в которых с новой силой вспыхнули гуманистические традиции русских классиков XIX в. Наши творческие и дружеские связи с Риммой Фёдоровной Казаковой продолжались уже в Москве вплоть до её кончины в мае 2008 года.

Помню мягкую, очень женственную Юлию Нейман, очень бережно относившуюся к каждому слову оригинала.

Облики и других переводчиков, в том числе и Анатолия Наймана, не тускнеют в моей памяти. С первых же шагов их работы над переводом песен я проникся к ним глубоким уважением за их небезразличное отношение, горячую влюблённость в духовный мир нашего народа. «Песня очень хорошая и вдохновляющая, предвкушаю истинное удовольствие от процесса перевода», – писал Р. Моран. А вот отрывок из письма С. Липкина: «Большой труд... закончен... Переводчики работали с чувством ответственности, с любовью». Общее настроение выразила Римма Казакова: «Жаль расставаться с вайнахами, сроднилась с ними».

Летом 1975 года переводы песен были завершены. Они долго лежали в моём рабочем сейфе, так как было бесполезно в условиях гнетущей идеологической атмосферы предлагать их к изданию. Неизвестно, сколько бы они ещё пролежали, если бы не инициатива Халида Ошаева: он обратился с запиской на имя недавно до этого назначенного первого секретаря Чечено-Ингушского обкома КПСС Александра Владимировича Власова. Приложил к записке две переведённые песни. А.В. Власов, кстати, за период своего пребывания на этом посту немало сделал хорошего для Чечено-Ингушской Республики.

А.В. Власов дал добро. Зашевелились работники обкома, книжного издательства. Но когда эпос с нашей с Х. Ошаевым вступительной статьёй был отдан на окончательный суд обкома, его фамилия была вычеркнута, и только примерно четверть песен была рекомендована к печати. Х. Ошаев, как помнит читатель, за свои убеждения был ранее исключён из партии. Но и их сюжеты были деформированы по идейным соображениям. Из 49 переведённых песен рецензенты-полукровки, подобранные обкомом партии, сообразуясь со своим неприятием народа, его духовного наследия, рекомендовали к печати только 13. Мы с Халидом Ошаевым долго отстаивали в обкоме партии право всех чеченских песен быть изданными, доказывали, ссылаясь на Л.Н. Толстого, А.А. Фета и известных русских учёных советского времени, в частности,

профессора Л.П. Семёнова, насыщенность этого эпоса идеями дружбы и братства с соседними народами, прежде всего с русским народом. Но идеологи обкома бдили.

Но эта «внутренняя» борьба за чеченский эпос не проявила все спорные аспекты его содержания и издания. Тогда Институт истории, языка и литературы обратился в Институт Мировой литературы им. А.М. Горького АН СССР с просьбой дать заключение на переведённые песни. 7 июля 1976 г. за подписью заведующего сектором по изучению народного поэтического творчества крупного учёного Виктора Михайловича Гацака на имя директора А. Сангириева пришло письмо, в котором сказано: «Направляем Вам отзыв доктора филологических наук У.Б. Далгат с дополнением в виде выдержек из протокола заседания сектора. В этих материалах поддерживается идея издания лучших песен на русском языке, отмечается наличие в рукописи ценного материала. Вместе с тем, рекомендуется критически пересмотреть состав сборника соответственно современным идеологическим требованиям...»

Мы, «критически пересмотрев состав сборника соответственно идеологическим требованиям», вновь предложили обкому партии своё видение содержания сборника. Но и этот усечённый вариант песен его не устроил. Тогда идеологи сами нашли некоего Артура Корнеева, который в своей рецензии, предъявив к народным песням требования метода социалистического реализма, отверг их содержание, посмеялся над их идеями и образами, обвинил переводчиков в незнании русского языка (!), а составителей сборника – в идеологической близорукости. Именно такого подхода к песням долго искали и добивались идеологи обкома. Их судьба наконец-то была предрешена. Мне, руководителю этой работы, они прямо сказали: «Корнеев – последняя инстанция, и к его мнению надо прислушаться». Копию рецензии А. Корнеева со своим сопроводительным письмом я отправил С.И. Липкину. В письме привёл и слова «о последней инстанции».

С.И. Липкин не замедлил откликнуться на «рецензию» А. Корнеева и на моё письмо. Он, знавший глубинную философию героических народных эпосов народов России, Востока, с негодованием отверг иезуитские выводы рецензента, его попытки перечеркнуть смысл и значение, благородные побуждения героев «Илли», предъявленные им переводчикам обвинения политического характера. «Видимо, рецензент не только не знаком с эпосоведением, с новейшими исследованиями советских учёных, с материалами симпозиумов, конференций, посвящённых изучению эпических произведений народов СССР, но и с классическими трудами, затрагивающими интересующую нас проблему... Эпос – не научный исторический труд, а своеобразное понятое и изложенное изустно прошлое народа, сказ, который может быть использован в научном труде, но не может его заменить... Простите меня за изложение этих азбучных истин, но беда в том, что Корнеев не знает и азбуки...»

Есть один весьма неприятный оттенок в рецензии Артура Корнеева. В стиле тех, ушедших лет, когда происходило нарушение ленинских норм нашей общественной жизни, рецензент предъявляет переводчикам обвинения политического характера. Он уверен, что в илли «Об Али, сыне Умара»... герой в представленном переводе песни «явно поэтизируется». Вчитаемся в обвинение: не в подлиннике, а в переводе герой поэтизируется, да ещё явно. Так вот и видишь глазами рецензента поэта Римму Казакову, которая, переведя эту песню, решила «явно поэтизировать» нехорошего

чеченского джигита. Сверял ли рецензент перевод с чеченским подлинником, чтобы получить гражданское и уголовное право на такое политическое обвинение? Рецензент обвиняет не только Р. Казакову в «бездумных поэтизациях» чеченских обычаев. Такое же политическое обвинение предъявляет он и Юлии Нойман, автору перевода песни «О Мусе из Зандака и о кумыке Тасухе». Рецензент пишет: «Бесстрастно и бестрепетно излагают нам переводчик то, как герой стал дважды убийцей».

Вот как: не сказитель излагает, а переводчик. Кто же дал Артуру Корнееву бесстрастно и бестрепетно возводить уголовную напраслину на переводчика? Что же, переводчик должен был «исправить», исказить текст подлинника в приятном Артуру Корнееву духе?

А нужна ли такая фальсификация? Артур Корнеев, продолжая мысль, мог бы сказать, что и Пушкин «бесстрастно и бестрепетно» излагает, порою с симпатией, чуждые нам взгляды Гасуба. Да, эти взгляды нам чужды, но Пушкин понимает, – потому что любит людей, любит горцев, – что в пределах того времени, того быта, того общества, того уклада Гасуб по-своему благороден и честен».

«В руках у рецензента не только политическая дубинка: он сердит и на малограмотность переводчиков...»

Столь длинную цитату из ответа С.И. Липкина А. Корнееву, размахивающему политической дубинкой и обвиняющему переводчиков в малограмотности, при этом, как доказал в своём ответе С. Липкин, не владевшему элементарными правилами русского языка, я привёл, чтобы показать читателю: какие были судьи и какими приёмами они пользовались в те годы, чтобы отсечь от истории народа его духовное (песенное) наследие, насчитывающее в своём развитии более 450 лет, и тем самым прервать духовно-нравственную связь поколений.

«Коллектив поэтов-переводчиков, – писал С.И. Липкин, – с помощью учёных-фольклористов Чечено-Ингушетии, работал над переводами илли с полной отдачей сил, с сознанием ответственности перед советским читателем за свой нелёгкий труд. Некоторые переделывались почти заново. Русские поэты старались найти не только смысловые, но и ритмические соответствия подлиннику... Русские поэты, работавшие с прилежанием и вдохновением, исполнили свою работу много лет назад и терпеливо долгими годами ждали выхода в свет книги – терпеливо, так как понимали те трудности, которые возникали перед составителями и издателями, и вот – благодарность за долготерпение: их работы предлагают издать.»

Если это случится, то я сниму своё имя как редактора переводов – благо я не получил за редактуру гонора».

Да, русские поэты-переводчики «работали над переводами чеченских илли с полной отдачей творческих сил, с прилежанием и вдохновением», я бы даже сказал – с любовью, да, они терпеливо и долгими годами (1968–1978) ждали выхода в свет книги, но мы, инициаторы издания песен на русском языке и составители, были бессильны против политической дубинки того времени.

В 1979 году в г. Грозном книга была издана под названием «Илли». Но радости и морального удовлетворения эта работа нам не принесла. Вошедшие в книгу песни (вместо изъятых в переводах названных переводчиков в неё были включены сложенные сказителями песни на революционную тематику) не дают, разумеется, полного представления о богатстве эпического

наследия чеченского народа. Песни народа, которые, по словам профессора Леонида Петровича Семёнова, могли бы быть поставлены «рядом с самыми выдающимися созданиями творчества народов нашей страны, Запада и Востока», были кастрированы, запрещены к изучению, принесены в жертву идеологическим установкам. Но, повторяю: перевод и частичное издание чеченских илли не могли бы быть осуществлены, не будь рядом Семёна Израилевича Липкина с его чистотой помыслов, с гражданскими порывами способствовать пропаганде, расцвету и сближению братских культур нашей страны.

Северный Кавказ С.И. Липкин особенно любил. Сыновние чувства к этому прекрасному уголку у него возникли в те его молодые годы, когда он ещё до начала Великой отечественной войны бывал здесь, соприкоснулся с своеобразным духовно-нравственным миром северокавказских народов, переводил их поэтов на русский язык, помогал им публиковаться в центральных изданиях.

Своими впечатлениями о тех людях, времени С.И. Липкин делился с нами, когда он в составе группы переводчиков, а затем и с Инной Лиснянской приезжал в Чечню в разгаре работы над переводами ими чеченских героических песен «илли».

Его воспоминания о днях минувших, о возникших у него чувствах своего духовного родства с горскими народами приобретали нотки горечи, когда речь заходила о депортации ряда из них в Среднюю Азию и Казахстан. Эта горечь, оказывается, постоянно жила в его сознании, в его душе.

В конце 80-х годов XX в. С.И. Липкин – выдающийся поэт и переводчик – написал и опубликовал в журнале «Дружба народов» (1989, №5–6) крупное прозаическое произведение «Декада: летописная повесть». В ней воссоздана общественная и литературная жизнь оставшихся на родине горских народов в условиях подавления личности слежками, доносительством, бутафорскими праздниками, посвящёнными «расцвету» национальных культур в период «бесконфликтности» в литературе и общественной жизни страны.

С.И. Липкин нарисовал образы легкоузнаваемых из истории страны лиц, ответственных за эту трагедию народов.

Повесть пронизана душевной болью повествователя, ставшего очевидцем той трагедии. Вот утро выселения народов: «А горы стояли, смотрели, вспоминали и плакали, плакали никогда не замерзающими слезами родников. И никогда не замерзнут эти слёзы. Умрут десантники, и дети десантников, и внуки десантников, а горы будут стоять, думать, вспоминать, плакать и вовеки не высохнут на их морщинистых лицах родники слёз» (№5, с. 60).

...Чувства благодарности и долга перед С. Липкиным и его коллегами – поэтами-переводчиками у меня с годами не проходят, но усиливаются.

ПОЭЗИЯ

Надежда ОХРИМЕНКО

НАДЕЖДА ОХРИМЕНКО

Надежда Николаевна Охрименко – член Союза писателей России и Союза журналистов России, член Международного Союза славянских журналистов, член Академии российской литературы. Окончила МВТУ им. Н.Э. Баумана и народный университет рабочих корреспондентов им. М.И. Ульяновой. Автор пяти поэтических сборников: «Парус сердца», «Радуга надежд», «Живая душа», «Синие сны», «Сполохи рассвета». Награждена диплом I-ой степени и медалью «России верные сыны», памятным знаком «300 лет российской журналистике», памятными литературными медалями: «А.С. Грибоедов», «А.П. Чехов», «М.Ю. Лермонтов», орденом «В.В. Маяковский “Светить всегда”» и др. общественными наградами. Шестикратный дипломант конкурса МПО «Галерея избранного стихотворения».

Живёт в Москве.

«О, память сердца, не молчи...»

Чужая боль

В Москве уже цветы цвели,
Жара не первый день стояла.
Взвалив себя на костыли,
Старушка, как могла, шагала.
Ступала медленно, боясь
Нечаянно вдруг оступиться,
И грусть «лилась» из старых глаз,
Что не умеет торопиться.

Она шагала, как могла,
Себя с трудом передвигала,
Но подвернулась вдруг нога,
И на асфальт она упала
Всей тяжестью прожитых лет,
Всей тяжестью своих болезней,
Так, что померк весь белый свет
В её глазах, красивых прежде.

Упала навзничь и – спиной
Об острый бортик тротуара.
– Ох, не подняться мне самой!
Ох, спину, кажется, сломала.
И внучка... Внученька меня
Теперь уж вовсе не дожждётся.
Я вижу, как, весь свет кляня,
Косая надо мной смеётся.

Она лежала, не моля
Прохожих, что спешили мимо.
И два потёртых костыля
Лежали, как большие крылья.
А с плеч её – котомки две,
Две старых, как она, котомки,
К седой прижались голове,
Как два доверчивых котёнка.

Спешили люди по делам,
Её брезгливо обходили.
– Кому же нужен этот хлам?! –
Глаза их внятно говорили.

И только пёс, дворовый пёс,
Что знал её совсем немного,
Ей утешение принёс:
Обнюхал и улёгся в ноги.
В глазах собачьих стыла грусть
За гибнущего человека.
Я даже передать боюсь
Жестокость нынешнего века.

А люди шли и шли, спеша.
Сновали взад-вперёд машины.
Она лежала, чуть дыша,
Глядела в небо на вершины
Деревьев, что пред ней росли
И кроной упирались в тучи.
Шептала тихое:
– Прости, мой Бог, за *этот* случай!
Я не хотела *так* уйти,
Хотела, чтоб *по-человечьи*.
На долгом жизненном пути
Я сталкивалась с бессердечьем,
Но, чтоб с таким!.. Уволь, мой Бог!
Такого я ещё не знала.
То был её последний вздох,
Душа старушку покидала.
А пёс, почувствовав беду
Непоправимую, поднялся.
И у двуногих на виду
Такой собачий лай раздался,
Что кто-то, всё же, позвонил
И вызвал «Скорую», смущаясь.
А пёс, на небо глядя, выл,
И длился вой, не прекращаясь,
Пока её не увезли врачи,
Что опоздали, явно...

О, память сердца, не молчи,
А расскажи всё без изъяна:
Как пёс бежал за «Скорой» той,
Сбиваясь с ритма, уставая;
Как небо вылилось грозой
На всех, кто шёл, не замечая
Чужой беды, чужую боль,
Кто обходил её беспечно...

Скажите, сколько же, доколь
Мы будем так бесчеловечны?!

Я прикоснусь губами к роднику
И жажду утолю живой водой.
По полюшку бескрайнему пойду,
Взяв песни соловьиные с собой.

Как будто в юность снова окунусь,
Забуду городской и гвалт, и шум;
С природой – каждой клеточкой сольюсь,
И станут строки приходить на ум.

И подпевать им станет ветерок,
Им травы станут тихо подпевать,
И путь мой будет светел и далёк –
Как завещала мне когда-то мать.

Её завет в своей душе храня,
По жизни я иду за годом год,
И всё милее русская земля
И небогатый русский мой народ.

Опять летят за море журавли,
Опять душа лишается покоя...
Скажите мне, ну как же вы могли,
Меня одну оставить среди поля?!

Я знаю, вы иначе не могли,
Вам надо было в небо подниматься.
Простите мне, родные журавли,
Что на земле одной пришлось остаться!

Я не прощаюсь с вами навсегда,
Весной домой должны вы возвратиться.
Пусть светит путеводная звезда
Равнин российских, трепетные птицы!

Спокойнее, спокойнее, господа...

Эссе

Мой сад – это моя личная территория счастья.

Поздравляю, душа моя! Зацвели сирень и вишня.

По дороге встретили красавца-удода: чёрно-белого, с высоким хохлом, длинным клювом, осмысленным и гордым взглядом.

В жизни всё просто. И чем проще, тем сложнее.

И розу можно превратить в колючую проволоку, если не любоваться её роскошными цветами, не обонять её тонкий аромат, а мять её стебель жадными руками.

Над Волгой зависла огромная красная луна. Дачников ещё мало, обволакивает тишина. Потянуло свежестью и ароматом первых цветов.

Если слушать каждый день чирикание своего дворового воробья, то воробьём, конечно, не станешь, но человеческого в тебе прибавится.

Центр майского сада – распускающие бутоны старые яблони. Вокруг цветущего Мальта – жужжащий мешок из пчёл.

Оказывается, я уже не могу бегать и прыгать козлёнком. Просто не получается.

В зарослях за дачей щёлкают соловьи. Действительно, есть что-то колдовское в их завораживающих коленцах. Невольно задумываешься о свиданиях при луне.

И всё-таки в саду я по-прежнему наступаю на букашек.

Можно дожить до такой старости, что проснуться однажды утром и долго соображать: кто же я, мужчина или женщина? Бабушка жены так и спрашивала, проснувшись, у дочери: «Люба, а кто я?» Тёща и её сестра, рассказывая об этом, смеялись, а потом плакали.

Давно уже нет никого.

В летнем саду после дождя воздух свеж до одурения.

Виктор Владимирович Бирюлин – родился в 1951 г. Окончил филологический факультет Саратовского государственного университета. Автор сборников литературно-критических статей, книг публицистики и эссе. Печатался в различных российских и зарубежных журналах, альманахах. Живёт в Саратове.

– Эх, друг! Твоей семье не нужны очередные раскаивания, слёзы и объяснения в любви. И жене, и дочери нужно одно – чтобы ты бросил пить и не мучил их больше.

Умирать не страшно. Страшно умереть.

Флоксы, оказывается, пахнут – тонко, дурманяще.

Гости попросили показать им жука-оленья. Нашёл на дубе парочку. Снял недовольно ворочающего лапами и рогами самца, показал гостям. Потом опять водрузил его на самку. Он тут же успокоился и занялся делом.

Большие идеи в маленьких руках могут стать кошмаром.

Диктатура – власть негодяя. Демократия – власть негодяев.

Откуда берутся порядочные старики? Да из порядочных молодых людей, порядочных взрослых, пожилых людей. Больше неоткуда. Прожитые годы, сами по себе, порядочности не прибавляют.

Представим себе, что Адам и Ева не съели плода от дерева познания добра и зла.

Познание истины не меняет жизни. Но может изменить нас.

Деревья, как и люди, уходят, и как будто их не бывало.

Большой бело-серый кот взглянул в нашу сторону и отвернулся, спокойно проществовав своим путём.

Общался с ящерицей. Она грелась на куче мелкого хвороста у навоза. Живо ворочала головой, разглядывая меня безо всякой боязни, хотя я брал лежащие рядом с ней дрова, шебаршил тем же хворостом. Встрепенулась и убралась вниз, когда я хворостинкой стал поглаживать её по спине.

На Земле гул стоит от обличителей. Они обличают всех и вся, кроме самих себя. Поэтому и толку нет.

Наблюдал, как паучок на кухонном стекле обрабатывал попавшую в его сети маленькую осу: спокойно, умело, смертельно.

Чудная ночь! Молодой месяц слева за дубами красуется, сверчковый хор старается, свежо и тихо. Вокруг сад родной, доверчивый.

Яблоки на зелёной траве не меньше чудо, чем яблоки на снегу.

Спокойнее, спокойнее, господа...

Ветка Мукузани стелется по кирпичной стене, ухватиться ей не за что. Но один усик пролез в точечную щёлку на стыке кирпичей, за что-то там уцепился и держит собой ветку.

У кустов смородины с созревшими ягодами тревожный вид. Ягоды не собраны, вдруг с ними что случится? Но вот ягоды собраны. И кусты успокоились. Они сделали своё дело. Вырастили урожай и сдали его. Теперь они свободны. Можно и осмотреться.

И всё-таки трудно понять не голодного, а сытого человека, любующегося красавцем-оленем, а затем хладнокровно его убивающего.

Если вдруг узнаешь обо всём, что творится вокруг под знаменем зла, то завоешь волком, и будешь выть им до самой смерти.

Вечером, перед тем как отнести с улицы противни с нарезанными яблоками для дальнейшей сушки на лоджию, стал их ворошить, чтобы избавиться от муравьёв. Одни и в самом деле поспешили за борт. Другим понадобилась подсказка – слегка подтолкнул их. Но некоторые не торопились, прятались. Пришлось их вышвырнуть. Кому-то досталось, кто-то и в муравьиный рай отправился.

На следующий вечер приготовился повторить процедуру. Но все муравьи очень шустро покинули противни, ведь теперь они точно знали, чем для них всё это может закончиться.

На подобные согласованные действия люди не способны – среди них всегда найдутся бестолковые или нерасторопные.

Пока комара не прихлопнешь, он будет жужжать.

Животные тоже ведь смотрят на небо. Что они видят? Что значат для них облака, солнце, луна и звёзды?

Вечером случилась незапланированная баня. Заехал Ванюшка, а за ним Кирилл. Попарились, поговорили с нами за чаем. По очереди, уже затемно, и уехали.

Уныние – грех, но данный же человеку, пусть и на испытание. И нечего его чураться. Хотя и гордиться здесь тоже нечем.

Хочу на Марс!

Как бы так нажать, чтобы не бояться смерти.

Эх, господа, да перестаньте же, наконец, подражать павлинам, распуская свои воробьиные перья!

Так и живём – по уши в грехах, но с мечтой о справедливости.

Новый дракон интереснее старого.

Про другие народы не знаю, но мы, русские, владеем потрясающим умением искренне увериться сначала в одном, а потом в другом, пусть даже противоположном.

Обида жжёт нам душу до последнего вздоха.

Наглый, дерзкий человек не только оскорбляет и унижает других. Он выявляет сильных, а главное, мужественных людей, способных дать отпор.

Глупые, смешные люди – живут нечестно, суеются, забывают о душе и хотят при этом быть счастливыми.

У маленького кулича ценою в хлебный лоток запах пасхи перебивается запахом денег.

Представим, что все люди стали масонами. Тут же среди них станут создаваться новые тайные общества.

Разве библия говорит правду?

Все озабочены продлением человеческой жизни. Ах, люди могут стать бессмертными! А зачем?

Как ни старайся не осуждать других, всё равно осудишь.

Чем власть денег лучше постоянного окрика? Душу одинаково давит и то, и другое. И то, и другое рождает чудовищ.

Что возбуждает талант? Всё.

Увы, но можно верить в Бога и быть при этом негодяем.

Нужда – враг счастья. И нечего здесь мудрить.

Бог творил земной мир молча.

Душой оркестра является дирижёр, то есть тот, кто не играет ни на одном инструменте, а только беззвучно разводит руками.

Ни с эволюции ничего не спросишь, ни с Бога. Кто на Земле прав? Кто виноват? Люди живут на свой страх и риск. И никому они по-настоящему не подотчётны.

Для большинства населяющих Землю существ человека по-прежнему не существует.

Зачем беспокоиться о будущем человечества? Оно известно.

Какая разница муравью, кто его раздавит – Джек Потрошитель или Иисус Христос?

В старом саду лежал как-то под кустом чёрной смородины и разглядывал синее бездонное небо. Почувствовал себя затерянным, случайным

на Земле. Но душа этому чувству не воспротивилась, ей стало легко, спокойно.

Старый шимпанзе выражал свою поддержку нуждавшимся в ней молодым самцам непередаваемо человеческим жестом – клал руку на плечо, держась сбоку и немного сзади.

Большая Медведица смотрит из космической дали на мой сад.

Когда лежишь под яблоней, то с удивлением замечаешь, насколько её срединные ветви устремлены прямо в небо. И при этом она создаёт плотную тень, крайние нижние ветви достают земли. Там и тут бросаются в глаза созревающие плоды. Они падают первобытно, без малейшего внимания к тому, что творится вокруг них.

Летний зной, растения оцепенели, а на Аморели живое порханье, писк и щёлк кормящихся спелыми ягодами пичужек.

Защемило в душе – вот так же, как я с ним, и Ванюшка, может быть, со своим сыном будут что-то мастерить на даче, есть за одним столом, философствовать. Как же это будет? О чём они будут говорить? В этом саду или другом?

А где буду я?

Анна Ахматова заметила, что к путешественникам Модильяни относился пренебрежительно. Он считал, что путешествия – это подмена истинного действия. Модильяни относился к путешественникам, как я к туристам. По мне, так туризм – это одно из проявлений человеческой суеТЫ, удовлетворение праздного любопытства. Многие люди бегают по планете, восхищаются чужими садами, оставляя свои в небрежении.

Пара лесных диких голубей опустилась на свежевскопанную землю, чтобы покормиться. Не пёстрые птицы, так, серо-пепельные со скромным белым ожерельем. Но осанка, гордый взгляд. Уверенные в себе, спокойные птицы. Во всём внешнем облике и поведении видна порода.

Объявилась прошлогодняя серо-белая кошка, заматеревшая, но с тем же синим бантом на шее. Заметив меня, затаилась за коряжиной на тропинке соседского двора. Несколько минут мы рассматривали друг друга в упор. Я с улыбкой, она, настороженно водя глазами за моими движениями.

Скворчата вывелись, семья летает вокруг скворечника, порхает по соседним дубам, спускается на грядки, в малинник. Соловей уселся на проводе возле столба наверху и поёт, широко раскрывая свой маленький клюв, поглядывая на заходящее солнце.

Соседка опрыскивает какой-то химической гадостью сорняки и уверяет, что через пару недель они, согласно инструкции, исчезнут, поскольку через листья и стебли в корни поступит команда: «Отсохнуть!»

Засмотрелся на куст цветущей красной смородины. Наверху работали пчёлы. По стволам бежали муравьи, забирая сок у пасущихся под нежными листьями зелёных тлей. Самими тлями интересовались многочисленные божьи коровки. Хватало вокруг и других жужжащих насекомых, сающихся на куст и взлетающих с него. Некоторым это не удавалось – попадались в сети тут же деловито хлопчущего паучка.

Люди в старости приходят к Богу, а я пришёл к винограду.

В сумерках переглянулся с серым котом возле дров. Он меня увидел первым, но лежал на земле внешне спокойно. Правда, когда я сделал движение рукой, дёрнулся было в сторону. Но я убрал руку, присел на корточки, поговорил с ним. Он выслушал меня с молчаливым достоинством.

Добрый дятел решил поднять моё настроение и выдал несколько бодрых трелей по торчащему сухому суку.

Хотелось бы услышать не прописную истину.

Поранил палец острейшим японским кухонным ножом. Хлынула кровь. Жена стала ругать нож. Посоветовал ей ругать уж сразу японцев, которые вот такими ножами, видно, собираются отрезать себе Курильские острова.

Сад и толпа несовместимы.

У Космоса для нас два приказа: «Живи!» и «Умри!» Ослушаться невозможно.

Серый воробей уселся на ветку. Что он видит с неё?

Первым человеком, сказавшим: «Мир катится в пропасть», был, конечно, Адам. Он сказал это Еве, как только они переступили порог Рая, ступив на грешную Землю.

Бывает, что приходится прислуживать самому дьяволу, но не обязательно при этом пускать его к себе в душу.

Стемнело. Взял дубовый посох, походил по саду. На патриарха походить от этого не стал. Но в самом посохе всё-таки есть что-то древнее, непреклонное. Жаль, что образ путника с посохом в руке в наши дни нелеп.

Бабочки, пчёлки, мушки, птички – все легко порхают в саду. И только хозяин тяжело ходит по дорожкам. Но душа его порхает вместе со всеми. Трудно человеку совместить каждодневную борьбу за существование с любовью к садовым птицам, красоте цветов и неба. Но надо, друг мой, надо.

Вечером маленький орешек вдруг начинает трепетать двумя ветками, остальные остаются спокойными. Избранные ветки треплет воздушный ручеёк, самостоятельно путешествующий в общем воздушном потоке, овеивающем мой сад.

Бак, из которого поливал тёплой водой огурцы, продолжаю регулярно доливать до краёв. Птицы слетаются к нему на водопой. Пьют из него и хвостатые путешественники, например, рыжая кошка, которая ещё и спать приладилась под старым розовым пионом.

Вперёд! Но куда? Вокруг человека в любую сторону «вперёд».

Волга катит к берегу зелёные барашки, оставляя на нём густую белую пену. Речная вода кажется наспигиванной ряской. Но, когда зачерпываешь, в пригоршне находишь лишь несколько тёмно-зелёных точек.

Корнями виноград тянется к сердцу Земли, побегам вьётся к солнцу, при этом он вращается вокруг своей оси. Если поставить палец перед ещё не нашедшим опорой виноградным усиком, то он обовьёт его – крепко, с доверием. Твой палец станет как бы частью виноградной лозы.

И без людей тошно, и с ними невесело.

Как и многие, я ощущаю себя человеком прошлого и даже позапрошлого века. Ну и что?

Кто-то скрипит-свиристит на помидорном кусте перед беседкой. Сколько ни высвечивал фонарём, никого не заметил. Лягушка? Сверчок? Жук? Осталось загадкой.

У пожилых людей на лицах следы былой красоты. Они похожи на увядшие в саду цветы. Или увядшие к осени цветы похожи на пожилых людей со следами былой красоты на лицах.

Иногда как-то особенно остро, обнажённо, понимаешь, что уже не будет другой жизни.

По дороге в сад услышал курлыкание. Поднял голову, а в небе надо мной сразу три журавлиных треугольника, слегка размытых. Большие птицы подлетали к Волге устало, изредка перекликаясь.

Приятель примчался весной на дачу и с ходу принялся ёмкость чинить, мусор выносить, зелень сажать. К вечеру приехала соседка, спрашивает: «Как у вас абрикос-то, цветёт?» Бедный мой приятель чуть в грядку не упал. Впервые за день поднял глаза, а над ним синее небо, цветущий абрикос, птичий щебет.

На Земле живёт семь миллиардов людей, желающих одного и того же: чтобы мне, моей семье было хорошо.

На моих глазах трясогузка схватила упавшую на бетонную площадку зелёную гусеницу и с ловкостью фокусника, слегка подкинув её, тут же проглотила, несколько раз «пожевав» клювиком.

Жду свата, по нашей июньской традиции. Мангал заправлен и ждёт только спички. Вино из погреба вынесено. Зелень для салата вымыта. Я приоделся. Что ещё нужно для встречи дорогого гостя? Едва выгрузили привезённое в беседку, как начался ливень – с громом, потоками воды. Под зонтами прямо перетасили из дачи посуду. И правильно сделали. Пир начался уже под лёгкое постукивание дождя по крыше беседки, а завершился под щедрыми солнечными лучами, весело осветившими покрытые каплями листья.

Бог умрёт с последним человеком на Земле.

Есть ли такая кнопка – нажал и успокоился? Есть. Я знаю даже несколько таких «кнопок». Но они не всегда под рукой, не всякий раз до них дотянешься.

Зашла в гости молодая приятельница, переехавшая в Москву, в которой, по её словам, работу, не задумываясь, ставят выше любви.

– Как жизнь?

– Прошла.

Водяная змейка заметила меня раньше. Подплыв к берегу, она высунула точёную головку, выжидая. Остановился понаблюдать за ней. Но оказался нетерпеливее, ведь мне ничто не угрожало, и брызнул на неё ногой. Она тут же устремилась вглубь, грациозно извиваясь. Такого движения человеку не повторить, да и всем его многочисленным млекопитающим братьям.

Всю жизнь пробиваешься к свету в конце туннеля. Вот, наконец, забрезжило. Приглядишься, а это завиднелись очертания кладбища. И место незанятое проступает всё отчётливее.

Яблоко, рождённое яблоней на съедение, не может не благодарить её за два-три восхитительных летних месяца, наполненных солнцем, ветром, животельной влагой, чувством созревания.

Развёл костерок. Мысли вновь заплясали огоньками. Например, многих удивляют совпадения в судьбах людей. Но ведь все наши самые невероятные совпадения сущие пустяки по сравнению с нескончаемой чередой совпадений, приведших к появлению земной жизни и продолжающих её поддерживать.

Или мы привычно говорим, что о нации судят по лучшим её представителям. Но разве на самом деле о нациях мы судим не по тем её представителям, какие уж нам волей случая попались на пути? Отсюда такое разнообразие мнений обо всех нациях без исключения. И нет единого мнения ни об одной. А, в конечном счёте, каждый из нас отвечает и за лучших, и за худших своих соплеменников.

На верхней ветке дуба кукует кукушка. Заметив меня, замолчала. Потом снялась и полетела дальше со своим волнующим то звонким, то глухим

«ку-ку». Мир, когда кукушка замолкает, становится совсем другим. Его охватывает неожиданная тишина. «Ку-ку» и, сразу, тишина.

Эх, господа, радуйтесь, пока живы!

На Волге тихо. Квакают лягушки в камышах. Возле берега носятся стайки мальков. Дворняжка бежит по берегу, вынюхивая себе еду. Усатый с добродушным взглядом дядька в панаме ловит на удочку краснопёрк. Споро и спокойно прошёл между островом и берегом буксир. Пригнал мощную волну, которая обрушилась на берег. Эти волны от моторных лодок и пароходов памяты с детских лет. Мы всегда с нетерпением ждали их приближения, чтобы с радостным визгом броситься на них.

Утро не бывает недобрим. Недобрими встречаем его мы.

Истина не рождается в споре. И в вине её не найдёшь.

Умер Нил Армстронг, сказавший, что люди не прикованы к Земле.

Верующий и неверующий смотрят друг на друга с одинаковым сожалением.

Небо в звёздах – не самая ли надёжная и роскошная крыша над головой человека? И что может быть хуже неурочного ночного телефонного звонка? Прежде, чем возьмёшь трубку, в аду побываешь.

За сад! За жизнь! За жизнь в саду!

Вид недостроенных и заброшенных дач вызывает печаль.

Чуть свет разбудила всё та же кукушка, которая здесь, видно, вместо будильника. Вслед за «ку-ку» раздалось первое попискивание, чириканье. Кукушка, между тем, летала по окрестностям, голос её становился то глуше, то вновь возвращался с прежним деловым и отчётливым «ку-ку».

Говорят ещё, что путешествия развивают ум. Но вот, например, вороны, в отличие от большинства птиц, вообще никуда не улетают со своих дворов, однако, слывят мудрыми. Правда, птицы не люди, с этим не поспоришь.

Пришло время убрать старый Синап. А на душе неуютно, совестно. Сколько зим наслаждался его плодами. Но яблоню не отправишь на покой, как боевого коня или заслуженного сторожевого пса. Рядом разрастается молодая яблоня, и она требует своего.

В обед мимо дачных ворот прошла на пляж живописная группа с пиками из камыша. Малышка-дошкольница, бравая бабка и мужчина, заплетающий на ходу косичку на голове. Шли мерно, спокойно, только малышка в нетерпении скакала и спрашивала, где же Волга?

За баней в малинике наткнулся на большого ежа. Он меня, видно, тоже не ожидал. Просто сидел и терпел, пока я его пару раз погладил по иголкам.

Копать яму лучше одному. Копаешь и копаешь. Размышляешь потихоньку обо всём, что в голову придёт. Никто не мешает. Ни копать. Ни размышлять.

У человека много магнитов, но самый главный, как ни крути, это его ум. Он настолько притягателен, что забываешь, кому он принадлежит – доброму или злому человеку, красивому или с обычной внешностью, мужчине или женщине, верующему или нет, не говоря уже о национальной принадлежности.

Нашёл себе милое занятие: сижу в предбаннике у печки, подкладывая дрова и жду, когда они прогорят. А вот и дождь перестал. Небо просветлело. Тучи разошлись на отдельные пятна.

ПОЭЗИЯ

Татьяна ШУВАЛОВА
(ПЕТРОВСКАЯ)

Татьяна Григорьевна Шувалова (Петровская) – родилась на Украине. По образованию юрист (правовед). Лауреат и победитель международных и областных поэтических конкурсов. Член РСП с марта 2015 г., член Регионального Общественного Фонда содействия развитию современной поэзии «СВЕТОЧ». Имеет публикации в коллективных сборниках РСП, в коллективных сборниках Владимирского регионального отделения Студия РСП – Созвездие, проекта «Библиотека современной поэзии», в альманахах «Золотая строфа», «Звезда полей», в литературно-историческом журнале «Великороссь» и др. печатных изданиях. Автор четырёх поэтических сборников.

Живёт во Владимире.

«Вновь мир окутан в нити серебра...»

Люб ей мороз удалой!

Средь белоснежных холстов изобилия,
Кистью узорной мороз
Живо вплетает искристые лилии
Зимушке в россыпь волос.
Хвалится удалью, чудо-уменьями,
Точит своё мастерство,
И осыпает цветными камнями –
Это ли не волшебство!
Нрав у морозца, не кротостью славится:
То озорной он, то – злой,
И оттого больше зимушке нравится –
Люб ей мороз удалой!
Люб, да и только: колдует, пророчит ли,
Щиплет, не зная вины,
Тёмны денёчки, да ясные ноченьки
Звёздных мелодий полны.

Весенним днём дышу, не надышусь

Весенним днём дышу, не надышусь...
Тоски, сомнений дождь, из сердца вылив,
И тает, тает облачная грусть
Под чудной сенью изумрудных крыльев.

Вновь мир окутан в нити серебра
Волшебною рукою дождевою,
Чтоб светлой радости бутон с утра,
Раскрылся снова розой золотою!

Притихли птицы, только ветерок
На гибких гуттаперчевых качелях
Качает мир, как будто лепесток,
Повиснув на зелёных лапках елей.

Весенним днём дышу, не надышусь,
Вся в ожиданьи встречи со стихами,
И вдохновенными его душусь
Изысканными, терпкими духами.

Лето пташка-щебетунья

Зачарует пташкой-щебетуньей
Лето, тронув краешек души,
И душа откликнется, певуньей,
Нежной трелью в утренней тиши.

Зажурчит ручьём живым, искристым,
Музыкой Любви наполнив стих,
Мотыльком завьётся золотистым
В цвете чувств восторженно-хмельных.

Ароматной ягодою сочной
Сладко-сладко будет целовать
Лето и в уста тебя, и в очи,
Трав шелками будет миловать.

Самые роскошные букеты,
С щедростью присущей лишь Богам,
Доброе и влюбчивое лето
Будет в дар бросать к твоим ногам.

Живая музыка дождя

Живая музыка дождя
Рекой волнующих мелодий
Струится, сердце бередя, –
Осенних вестница рапсодий.

Стекают капли по стеклу,
Как в миг прощальный льются слёзы,
В дань уходящему теплу
Так лепестки роняют розы.

Как будто боль былых утрат,
Дождя звенят надрывно струны,
И вновь мне чудится твой взгляд
Влюблённый и безумно юный.

Но тает призрачный твой лик,
Лишь дождевые пляшут струи,
Живыми капельками в них
Твои трепещут поцелуи.

И вереницей думы, будто дождь

Под шум дождя осенний дремлет день,
Лоскутное набросив одеяло,
Дрожа, как повалившийся плетень,
Продрог душой и ёжится устало,
Чернеет неба воронова тень,
Так сумрачно, как будто не светало.

И вереницей думы, будто дождь,
Окутав сердце мелкой – колкой дрожью,
Что больше никогда ты не придёшь,
Отрезаны пути все бездорожьем.
Осенний дождь, зачем же ты прядёшь
Печаль мою и бесконечно множишь?

Кремнистый путь

Жил был товарищ Птицын. Начальство его так и звало – товарищ Птицын. Внезапно бац, вышел на пенсию. Сначала обрадовался. После огорчился. Как подумал, что больше не бывать в родном, пахнущем машинным маслом и обгоревшими проводами трамвайном депо, тоска взяла. Будучи в состоянии грусти Птицын написал стихотворение о трамвае. Трамвай получился живой и героический:

*Трамвай сквозь бури и ветра
Везёт людей везде, всегда!
Сквозь круговерть невзгод и год
Везёт людей он на завод!*

Вечером, обмывая уход на пенсию, Птицын прочитал стихотворение шурина. Тот, отодвинув рюмку в сторону, встал и, глядя в глаза Птицыну, торжественно произнёс:

– Александр Сергеевич, ты не Птицын, ты Пушкин!

И добавил:

– Я памятник воздвигну тебе нерукотворный!

Птицын тут же сочинил стих про шурина. Шурин обнял Птицына и крикнул жене:

– Валя, Птицын у нас гений!

Валя, вытирая красные руки о фартук, присела на табуретку. Птицын тут же сочинил торжественную оду про Валю. Валя посмотрела на Птицына особо ласково залоснившимися после рюмки глазами и сказала с придыханием:

– Нет, не зря тебя Александр Сергеевич называли, ай да Птицын! Ай да сукин сын!

Выпив третью за неоспоримый талант, шурина спросил:

– А можешь как Пушкин? Белеет парус одинокий?

Птицын сочинил про парус. Шурина стремглав выскочил из-за стола. Вернулся с соседом из двенадцатой. Сосед носил очки, потому слыл интеллектуалом, хотя работал стропальщиком.

Шурин обратился к Птицыну:

Андрей Викторович Овчинников – родился 4 октября 1963 г. в г. Бирске. Публиковался в еженедельниках «Литературная Россия», «Истоки», «Европа-экспресс» (Берлин); журналах и альманахах «Север», «Луч», «Бельские просторы», «Бийский Вестник», «Южная звезда», «Балтика-Калининград», «Клаузура», «БЕГ», «Истоки», «Воскресенье», «Невечерний свет / Infinite» и др. Дипломант (II место) литературного конкурса «Прокруст» 2014 года (Уфа). Член Союза журналистов РФ и РБ.

Живёт в Салавате.

– Зачти про парус!

Птицын прочитал.

Сосед не спеша выпил рюмку, хрустнул огурчиком, хлопнул вторую и, оглядев ёрзавших от нетерпения любителей муз, авторитетно заявил:

– Круто, парни! Круче Пушкина!

Вздых облегчения прокатился над столом, водка полилась рекой. Прощаясь, Птицын сказал, что он один выходит на дорогу. Валя утёрла уголком фартука слезу.

Возвращался Птицын домой в приподнятом настроении. Жизнь снова обрела смысл. Кремнистый путь к славе блестел. Подойдя к дому, Птицын остановился возле погнутого грузовиком столба. Осмотрев столб, Птицын обнял его и посвятил столбу три сочувственных четверостишия. Потом полчаса читал свои экспромты Стрелке, дворовой собачонке. Собачка слушала Птицына, приподняв одно ухо, с почтительным вниманием. Потом заскулила, подняла ногу, обмочила штанину Птицына и убежала. «Поэта каждый может обидеть», – подумал Птицын.

Утром, встав пораньше, Птицын принялся за устройство своего рабочего кабинета. Не хватало фолиантов. Собрал поваренные книги жены и учебники детей за 3-5 классы, Птицын, рассовав их по полкам, установил у окна старый кухонный стол. Тополь за окном приветливо шевелил ветками. «Напутствует», – сообразил Птицын. Кабинет принял законченный вид. Поставив на стол лампу с абажуром, поэт сел творить. Записав в толстую тетрадь стихи про трамвай, парус, столб, собачку Стрелку, шурина, его жену Валю, задумался. В сравнении с многотомными рядами книг классиков, получалось маловато. «Будем работать, – строго подумал Птицын, – работой нас не напугаешь». На обложке Птицын готическим шрифтом вывел: «Том первый».

На следующее утро, надев лучший, в зелёных турецких огурцах галстук, Птицын, освободив для нетленок от банных принадлежностей старый портфель, отправился в редакцию городской газеты.

Главный редактор, знавший Птицына по статье «Особенности отворачивания трамвайных гаек», прочитав стихи, удивился:

– Ты чего это в поэзию ударился?

– Да вот, снизошло, – скромно улыбнулся Птицын, подняв глаза к потолку.

– Может, тебе ещё поработать? Блохи проскакивают.

– Какие ещё блохи? – нахмурился Птицын.

– Мы так ошибки и опечатки называем.

– А корректоры у тебя на что? – осведомился Птицын.

Редактор вызвал заведующего отделом культуры и быта.

– Петя, посмотри оды Александра Сергеевича.

Петя, полистав рукопись, поскучнел, сказал «угу» и скорым шагом вышел из кабинета.

«Сволочь, не любит работать», – разоблачил Птицын Петю.

Пообещав прийти на следующий день, Птицын поспешил домой – творить. Работы предстояло непочатый край.

Утром, аккуратно сложив листки будущего сборника в папку, с получившим новую должность портфелем Птицын величественно шагнул по светлым улицам городка к славе и почестям.

В кабинет «главного» заглянул давешний бездельник Петя.

– А, Никифор Ляпис-Трубецкой пожаловал, – поздоровался с Птицыным Петя и прицелился смыться.

«Со знаменитым поэтом сравнивает», – припомнил Птицын и приосанился.
– Я ещё стихи написал, – нарочито скромно произнёс Птицын, протягивая пухлую папку.

Лицо у Пети осунулось. Он взял папку, зачем-то перевязал тесёмки морским узлом.

«Тунеядец, – беззлобно подумал Птицын. – Пожалеет ещё».

– Стихи у вас хорошие, патриотические, – сказал одумавшийся Петя, – но не наш формат – вам лучше обратиться в заводскую газету.

– У нас в трамвайном парке нет газеты, – буркнул Птицын.

– Тогда обратитесь в «Луч света», это их формат – вспомнил Петя про конкурентов. – Только настойчивее нужно быть, они это любят.

«Луч света» была газетой бесплатных объявлений с картинками кошечек и полуобнажённых девушек.

Птицын в ярости шагал по городу. Тот стал неприветливым, пыльным и грязным, кремнистый путь еле поплёскивал. «Он даже ничего толком не прочитал! Самое лучшее у меня в папке», – с гневом думал о тунеядце Пете Птицын.

Дома на столе лежала газета ненавистной редакции. В ней стихи. Но не Птицына, а какого-то Северянина. «Северянин этот, не Колька ли с первого подъезда? Сейчас он вроде бы на севере», – подумал Птицын. Прочитав стихи, плюнул. Ничего особенного, даже пошлые. «Где этот Колька-северянин видел синие сонеты? Он, наверное, что такое сонет даже не знает. Сонет – это амфибрахий! А туда же, стихи кропать. И где он видел робость у “Газелей”? Наоборот, носят как оглашенные. В этой редакции ничего в поэзии не понимают. Колька им заплатил, вот и напечатали». От этой мысли стало спокойнее. «Конечно, не понимают, не доросли, провинция, бескультурье, мухи кругом. Я ведь в свои стихи такой глубокий смысл зашифровал, где уж им понять».

Душа обрела покой. Птицын с присущим ему трудолюбием и старанием снова начал творить.

Вдохновение душило его, но для счастья чего-то не хватало. Двенадцать толстых томов с золотым теснением на корешках – «ПТИЦЫН. Собрание сочинений» – снились ему каждую ночь.

Петя оказался прав, на третьей неделе ежедневного посещения «Луча света», редактор сдался. В праздничном номере, посвящённом «Дню города», напечатали стихотворение Птицына: «Улица Вокзальная».

Через два дня Птицын, окрылённый успехом, сидел в кабинете «главного».

– Я написал стихи про все улицы города, – гордо сказал он и протянул папку.

Редактор помрачнел, но взял себя в руки.

– Знаете, газета для вас, это мелко. Не задуматься ли вам о книге? Сейчас издательства за деньги готовы на что угодно.

– Это мысль! – воскликнул Птицын и, обняв облегчённо вздохнувшего редактора, бросился домой.

Идеей Птицын поделился с Василием Бориславовичем, что жил в доме напротив. Василий – пенсионер и напарник Птицына по домино, идею воспринял горячо. Он выразил желание присоединиться к проекту и издать свои стихи. Бывший начальник участка заправки огнетушителей Василий поведал, что раньше баловался стишками для стенгазеты «Гори, гори – ясно».

На следующее утро Птицын с Василием отправились по указанному редактором адресу. В издательстве встретили радушно, напоили фальшивым кофе с «деревянными» баранками, похвалили стихи.

– Мы из вас сделаем издательский проект! Вы будете нашими Бушковым и Акуниным в одном стакане! Когда ждать второго тома?

Составили калькуляцию. От нолей у Птицына закружилась голова. Но Василий молча подписал договор, сдав свою тонюсенькую папку редактору. «Погиб поэт, невольник чести, – вспомнил Птицын. – Прав был тёзка».

С этого дня Птицын потерял покой. «Василий, конечно, друг, но стихи у него говно и даже рядом не стоят с моими. Но парадокс, скоро Васька будет держать в руках пахнущую типографской краской книжечку и, даря друзьям, будет подписывать – от автора. А я...»

Новый удар поджидал Птицына в субботний вечер. В кругу собравшихся за домино пенсионеров, Василий похвастался, что готовит второй сборник стихов на тему героизма пожарных, и прочитал стих про Брандсбой. Брандсбой получился живой, героический:

*Брандсбой сквозь пламя, дым огня,
Людей спасать ведёт меня!
И я дрожу, я сам не свой!
Я прикипел к тебе, Брандсбой!*

«Это же про мой трамвай – осенило Птицына – плагиатор!» Но ничего не сказал и уныло побрёл домой.

Ночь он не спал, думал, где взять деньги. В сущности, было два пути: или занять, или что-нибудь продать. Занять не у кого, единственный кто мог одолжить, Васька, но он сам занят выпуском сборника. Оставалось что-нибудь продать. В гараже у Птицына жила его ласточка – машина. Цвет серый, с сивым оттенком. Любопытствующим Птицын объяснял: машина у него цвета морской волны в момент прибоя. Машину было жалко. Как он её лелеял! Ездил в исключительных случаях. В деревню к теще или за урожаем на огород. Каждый выходной приезжал в гараж, выкатывал свою ласточку, мыл стёкла, протирали досуха, полировал, тщательно выковыривал отвёрткой камушки, застрявшие в углублениях рисунка протектора. И вот теперь предстояло расставание. Птицын ободрял себя тем, что цель святая, и никакие жертвы не смогут его остановить.

Птицын заглянул к Семёнычу. Тот давно предлагал продать ему машину. Сделку закрепили «беленькой», и окрылённый Птицын на следующий день полетел в издательство.

Через месяц Птицын грузил в бывшую свою машину тяжёлые блоки обёрнутых в бумагу книг. Прикинув грядущую прибыль от продажи нетленки, Птицын почувствовал себя богатым и знаменитым. «Слава и богатство всегда идут рука об руку», – подумал будущий поэт-миллионер.

Объехав имеющиеся в городе книжные магазины, оставив в каждом по пятьдесят экземпляров («Завтра завезу ещё» – обещал директорам знаменитый поэт), Птицын сгрузил с полтысячи оставшихся к себе в кабинет. Сказка начинала сбываться. На самом видном месте, рядом с учебниками и поваренными книгами стояла книжка с выпуклой фамилией ПТИЦЫН на корешке. Выйдя во двор к играющим в домино соседям, Птицын затеял дарить экземпляры с авторской подписью. Брали дружно, отказников не было, образовалась небольшая очередь. Раздались крики: «Петька здесь не стоял!», «Большая одной в одни руки не давать!».

Это был успех.

Утром, набив багажник машины кубами брошюр, Птицын поехал восполнять поредевшие ряды своих произведений. К изумлению Птицына ни одного экземпляра продано не было. Результат нулевым остался и через неделю, и через месяц. Птицын решил действовать. Под видом покупателя он как бы невзначай советовал немногочисленным любителям поэзии:

– Я бы вам рекомендовал этого автора, – указывая на свою книжку, заговорщицки шептал Птицын.

Любители поэзии, пролистав страницы, подозрительно смотрели на него, воротили нос и, положив книжку на полку, спешили к выходу.

Размышляя над неудачей, Птицын пришёл к выводу: виновата обложка. Как известно, реклама двигатель торговли. Обложка его книги была невзрачной и никого не привлекала.

Отношения с домашними, после продажи гаража вместе с машиной, окончательно испортились. Пришлось вставить в дверь кабинета замок. Жена кормить Птицына, тратившего пенсию неизвестно на что, категорически отказалась. Но Птицын в творческом запале уже не обращал внимания на такие мелочи. На подходе была третья книга. Выручили китайцы: чайник и разовая лапша «Ролтон», больше Птицыну ничего не надо.

Нужны деньги. Деньги, конечно, будут после реализации, но ждать некогда. Птицын решил продать квартиру. Поживу лето на огороде Семёныча, ему нужен сторож для охраны урожая.

Продажу облегчал отъезд жены к своей маме. Рабочий кабинет перевезли на дачу Семёныча за три рейса. Два рейса ушло на перевозку нереализованных книг. «Теперь я как настоящий писатель в Переделкино. Здесь никто не мешает, твори сколько душе угодно», – думал счастливый Птицын. Он творил.

Никто его не отвлекал. Пару раз появлялся Василий и завистливо говорил:

– Вот ты работаешь, а я чего не напишу, всё уже было. Или у Пушкина или у Некрасова.

– Мне легче, я ведь не читатель, а писатель, – гордо объяснял Птицын.

Но однажды монотонное течение работы было нарушено.

К нему заявился сосед шурина и, потрясая брошюрой, торжественно произнёс:

– Сейчас мы из тебя гения сделаем покруче Блока и Пастернака! Дуй за литрушкой.

У Птицына было. Он отодвинул бумаги на столе, достал пыльные стаканы, дунул внутрь, и пальцем стал выковыривать сухих мух и ос. Одна из ос оказалась живая. Птицын взвыл, хотел выматериться, но вспомнив, что он поэт, сдержался.

– Хорошо устроился, как Лев Николаевич в Ясной Поляне, – одобрил после первой сосед. – Что главное в творчестве?

– Что главное в творчестве? – эхом отозвался Птицын.

– Главное, расширение сознания, – произнёс после второй сосед. – А как его достичь?

– Как? – нетерпеливо спросил Птицын.

Сосед снял очки, протёр грязным платком стёкла и постучал по брошюрке:

– Вот радикальный ответ. Здесь написано, как великие классики добивались расширения сознания. Расширил сознание, и пиши на здоровье. Отец-Дюма таким образом 300 романов написал.

– Фью-ю-у, – присвистнул Птицын. – Вот это да! Твой отец?

– Кто?

– Дюма.

– Нет, своего сына, тоже Дюма.

– А-а-а, давай рассказывай про расширение, – не разобравшись в родственных связях, заёрзал на табурете Птицын...

...Утром Птицын проснулся с больной головой, осмотрел комнатку и, обнаружив брошюры, попытался вспомнить вчерашний разговор. «Я должен стать круче Шлакоблока и этого, как его там, с фамилией овоща: Топинамбур, Турнепс, неважно, главное круче», – с трудом шевелил мозгами Птицын. Неожиданно наступило просветление:

– Нужно расширение сознания. Способов много, будем пробовать последовательно, – принял решение Птицын. – Так, Бальзак жрал гнилые яблоки. Ну, этого добра здесь навалом, будем жрать.

Найдя большой таз, Птицын отправился к яблоням. Набрав самых червивых падалиц, разных сортов (чёрт его знает какой сорт предпочитал Бальзак), Птицын приступил к расширению сознания. Вместо расширения образовался понос. Промучившись три дня, Птицын понял – этот способ не для него. «Разные организмы у нас с Бальзаком» – подумал Птицын и приступил к способу Хемингуэя.

А именно: расширять сознание с помощью спиртного. У Птицына было. Он решил действовать кардинально, ударной дозой: закуски минимум – водки максимум. В результате Птицын опять оказался в туалете. На этот раз целый день блевал, мучительно, но скудно. Ещё день ушёл на восстановление организма. «Да-а, у нас и с Хемингуэем организмы разные» – решил Птицын и приступил к новому способу.

Сосед шурина рассказывал, что Франс держал ноги в холодной воде, отчего сосуды сужались, и кровь прилиwała к мозгу.

«Вот это научно!» – обрадовался Птицын, и, достав тазик из-под бальзаковских яблок, наполнил его колодезной водой, добавил для верности льда. Вместо расширения образовался насморк и высокая температура. Неделя вычеркнута из творческого процесса. Птицын не сдавался.

Вспомнив, что Гюго вдохновлялся видом моря, Птицын, взяв тетрадку и раскладной стульчик, отправился на местный пруд.

Едва Птицын устроился в тенёчке на берегу, как к нему подошли два угрюмого вида мужика и предложили дать им на опохмелку. В результате Птицын обзавёлся «фиалкой» под глазом и ободранными коленями, лишившись складного стульчика.

Птицын решил попробовать последнее. Метод Гёте был близок духу Птицына. Гёте, как рассказал сосед шурина, на склоне лет вдохновлялся присутствием молодых задастых горничных.

Где водятся горничные? Нигде. Птицын отправился в городской парк. Он решил ограничиться парой размалёванных девиц. Они сидели на спинке скамейки и время от времени прикладывались к бутылке пива. Обольститель пригласил на дачу, обещав показать, как творят поэты, добавив что запасы имеются. Непоседы, на удивление, согласились сразу.

Девицы съели недельный запас продуктов, выпили остатки водки, приклеили на зеркало жвачку. Когда Птицын попытался, как Гёте, погладить одной попку, тут же получил оплеуху и свалился со стула. Оскорблённые музы гордо покинули «Ясную Поляну».

Птицын пришёл к выводу, что расширение сознания не для него. «Обойдусь! – рассердился на бальзаков и хемингуеев Птицын. – Главное труд». «99% труд и 1% таланта вот что значит гениальность», – вспомнил Птицын и сел трудиться, приложив мокрое полотенце к скуле.

...На деньги, полученные от продажи квартиры, он издал собственное собрание сочинений в 11 томах. До задуманной серии не хватало двенадцатого.

...Осень ржавой листвой покрыла маленький уютный дворик.

В центре двора за столиком сидели пенсионеры, толпились любители и болельщики домино. После мощного удара Семёныча костяшкой по столу и не уступавшего по числу децибелов всеобщего вопля «рыба!», Колька-северянин спросил сидевшего рядом Василия:

– Бориславич, а где твой друг Птицын? Давно не видно.

– А ты разве не в курсе? Александр Сергеевич сейчас на излечении в диспансере для душевнобольных. Повязали две недели назад. Торговал своими книгами возле памятника Пушкину. Голого, обёрнутого мокрой простынёю, обнаружили. А ночи-то холодные теперь, дождливые, вот на третью и взяли.

– А какой человек был, стихи писал, – вздохнул Семёныч, собирая домино в коробочку.

ПРОЗА

Анатолий УВАРОВ

Анатолий Васильевич Уваров – родился 3 апреля 1928 г. в селе Кезьмино Сурского района Ульяновской области. Полковник в отставке. Ветеран Великой Отечественной войны, Вооружённых Сил СССР, Атомной энергетики и промышленности Российской Федерации. Член Союза писателей России. Награждён орденом «Знак Почёта», медалями «За воинскую доблесть», «За трудовое отличие», Золотой Есенинской медалью, Большой серебряной медалью Николая Гумилёва, многими другими правительственными и ведомственными наградами. Автор книг стихов и прозы «Кезьминское поле» (2003), «С Отчизной сердце моё слилось» (2008), «Годы – веки» (2011).

Живёт в Москве.

«И снова в юность возвращаюсь...»

Никогда не разорвутся звенья между душой и прелестью земли.

Валерий Брюсов

Радуюсь каждому светлому дню,
Каждому часу, каждой минуте,
Радуюсь Солнцу, Воде и Огню,
Правнукам: Владе, Юле, Антону, Анюте!

По утрам и вечерами

Ранним утром и под вечер
Я люблю гулять один,
Не нужны ни с кем мне встречи,
Сам себе я господин.

Сам себе – товарищ славный,
И хороший собеседник,
И политик самый главный,
И духовный проповедник.

Золотистый час рассвета
Моё сердце окрыляет,
Первый луч дневного света
Сто надежд в него вселяет.

Сто надежд и сто свершений
 День грядущий обещает:
 Дарит радость, вдохновенье,
 Снова к жизни возвращает.

А когда мои дерзання
 Гаснут в отблесках заката,
 Несвершённые желанья
 Мирно прячутся куда-то.

Час вечерний постепенно
 Мои страсти приглушает
 И, как друга, откровенным,
 Добрым словом утешает.

По утрам и вечерами
 Феи добрые летают –
 Разноцветными коврами
 Мне тропинки устилают.

Я иду неторопливо
 Со своей мечтой под руку
 И, в спокойствии счастливом,
 Забываю хворь и скуку.

Невозможно не любить

Невозможно не любить
 Песнь соловья и жаворонка:
 Что всех милее может быть
 Их песен – чистых, вольных, звонких?!

Невозможно не любить
 В горах лучистые рассветы:
 Ни с чем нельзя сравнить
 Миг пробуждения планеты!

Невозможно не любить
 Морей безбрежных колыханье:
 Что красивей может быть
 Их величавого сиянья?!

Невозможно не любить
 Земные дали и широты:
 Ничем, ничем не заменить
 Их первозданные красоты!

Нет, невозможно не любить
 Всё то, что на земле творится –
 Тогда б не стоило и жить,
 Не стоило родиться.

Солнца луч

Солнца луч в моё окошко заглянул,
 Светлым зайчиком за штору проскользнул,
 Бойко, весело ко мне он подскакал
 И с приветливой улыбкою сказал:

«Что сидишь ты в одиночестве, мой друг? –
 Выйди в поле, выйди к речке, в лес, на луг,
 Оторвись ты от заумных, скучных книг –
 Станет легче на душе твоей без них.

Всех учёных, мудрецов всех – прогони,
 Не заменят тебе солнышко они,
 Не заменят чудо-небо, ширь полей –
 Только с ними тебе будет веселей,
 Только с ними ты спокойствие найдёшь
 И любовь, и счастье, и надежду обретёшь».

Я послушал этот дружеский совет –
 И увидел по-другому белый свет!
 С той поры со мною верные друзья:
 Это – небо, горы, реки, лес, поля!
 Помогли они мне многое узнать,
 И не страшно теперь жить и умирать...

В заречном саду

Вот уж месяц в заречном саду
 Я в обнимку с июлем живу:
 В шалаше из душистых ветвей,
 На любимой сторонке своей,

У знакомых родных берегов,
 Средь зелёных цветущих лугов,
 Под опекой беляночек-кашек,
 Под присмотром красавиц-ромашек.

Вновь со мной Александровский лес
И хрустальная люстра небес,
Что горит и сверкает над ним,
И над Кезьмином милым моим,
Над туманной расплывчатой далью,
Залитой маревою вуалью.

Вновь я полон живительных сил,
Каждый штрих здесь мне дорог и мил.
Сердце радостным чувством полно,
Бьётся ровно и сильно оно –
Это Родины светлое лето
Лечит душу больную поэта...

Как хорошо!

Как хорошо подставить ветру грудь,
Усталый лоб, натруженный делами,
И в дальний лес уйти куда-нибудь
За травами, орехами, грибами!

Как хорошо в нескошенной траве
Раскинуть вширь незанятые руки,
И устремить свой взгляд к бескрайней синеве,
И слушать леса сказочные звуки!

Как хорошо с природою побыть наедине –
И телом, и душою с нею слиться,
Набраться сил и свежести вдвойне,
И, отдохнувшим, в город возвратиться!

Хвала тебе – красавица Земля!
Хвала тебе – Ярило золотое!
Да здравствуют широкие поля,
Зелёные леса и небо голубое!

Цвет белый

Люблю великое движенье
Весенних белых облаков,
И буйное садов цветенье,
И блеск серебряных прудов!

Их белоснежные разливы –
И в небесах, и на земле –
Так изумительно красивы
И душу будоражат мне,
Что я, порою, забываю
О бременной старости своей
И снова в юность возвращаюсь –
И жизнь становится милей.

Цвет белый – для меня улада,
Моя отрада и любовь,
Он – малой родины моей награда,
Напоминая вновь и вновь

О Кезьминском хрустальном небе,
О караванах облаков,
О той черёмуховой неге
У Городецких родников,
О школьном саде за оградой,
О серебристых тополях,
Сстоявших, словно на параде,
Напротив баньки на прудах,
О кручах белых у Лопаты¹,
О взгорье в белых ковылях,
О всём о том, где я когда-то
Летал на розовых крылах.

То время – юное, младое –
Не разлучается со мной,
Оно дороже стало вдвое
Для старости моей седой...

¹ Луг близ села Кезьмина.

Метафизика логоса

В этой главе мы намереваемся немного порассуждать о языке, языковой картине мира и о структуре глоссария, который эту картину концептуально и отражает. При этом нас в первую очередь будет интересовать когнитивная функция языка и то, как может быть увязана онтология мира с изучением языка и его ономастикона.

Несколько вводных слов нам придётся сказать и об особенностях используемого нами фоносемантического подхода, который мы будем широко использовать для того, чтобы лучше понять то, как был создан этот мир, как он устроен и какую роль в нём играет человек. В самом общем плане фоносемантический анализ позволяет понять, как соотносится фонетический строй той или иной морфемы с её значением, что даёт возможность рассматривать лексикографию языка как материю, узоры на которой образованы переплетением, образно говоря, продольных нитей фонологической основы и окрашенных значением поперечных нитей утка. В этом смысле метафора слова как узелка, связывающего между собой струны звукового ряда основы со смысловыми уточными нитями, а метафора языковой картины мира как гобелена с сюжетной композицией оказывается необычайно продуктивной и полезной. Главная её польза для нашего дела заключается в том, что все основные сюжеты нашего гобелена отражены в текстах мифологических преданий, с прочтения и толкования которых мы и начнём.

При создании мира творец Амма, пребывая внутри Мирового яйца, использовал 266 «материнских знака», два из которых он разместил в центре яйца, а остальные – на его поверхности. Два знака в центре принадлежат одному лишь Творцу и являются «направляющими знаками». Оставшиеся 264 знака Амма разделил на 22 категории, известные как «двадцать две семьи царских знаков». Каждое из этих семейств имеет свой порядковый номер, позволяющий судить о положении в иерархии

Михаил Николаевич Бередин – по образованию лингвист-переводчик. Более тридцати лет занимается сравнительной мифологией и философией. По мнению автора, проблема познания мифа и его истоков, то есть того, как был создан и как устроен космос и как устроена жизнь в нашей земной обители, во многом напоминает проблему переводчика, пытающегося понять смысл незнакомого ему текста, кстати, не обязательно древнего и написанного на давно мёртвом языке. Те же проблемы вполне могут стоять и перед этнографом, делающим запись какого-нибудь предания или заговора, сохранённого в памяти его современником, если тот не может или не хочет дать соответствующие комментарии по поводу его глубинного смысла. Напечатанная здесь глава является частью большой работы автора, сочетающей в себе сравнительное исследование базовых структур мифа и их отражение в фоносемантической структуре языка. Здесь, как полагает автор, обнаруживаются своего рода следы Сотворения мира и человека.

системы, и определение, благодаря которому можно составить представление о составе «семьи».

Вот как выглядит эта система:

1. amma «Амма, Творец»;	11. nau banu «красное солнце, сухой, жаркий сезон»;
2. vageu «предки»;	12. volu «пахота»;
3. lebe «Лебе, первопредок»;	13. gelu «урожай»;
4. binu «Бину, тотем»;	14. iru «кузница»;
5. so «высказанное слово»;	15. soyti «ткачество»;
6. gogu «праздник зимнего солнцестояния, Новый год»;	16. toro may «гончарное дело»;
7. mono «встреча»;	17. yau «огонь»;
8. bado «приход отца, весна, посевная пора»;	18. di «вода»;
9. dine «время зимы, сезон дождей»;	19. ono «воздух»;
10. bago «уход отца, осень, сбор урожая»;	20. minne «земля»;
	21. dogo «трава»;
	22. di bana «хозяин воды, Номмо».

Здесь перед нами открывается метафизическая картина мира, число элементов которой ограничено 22 базовыми концептами высшего, можно сказать, философского порядка. Если мы теперь проанализируем её композицию, то получим следующее.

Для начала вынесем за скобки двух субъектов творения в лице Аммы как Творца космоса в целом и Номмо как создателя обители человечества, в результате чего получим четыре раздела по пять элементов в каждом.

И тогда первый раздел (2-6) можно будет охарактеризовать как генеалогический, законодательный, руководящий и направляющий, функция которого, судя по всему, реализуется посредством пятого по счёту элемента – слова, устной речи, устного предания.

Второй раздел (7-11) следует отнести к категории времени и принципу деления годового цикла. Существенным здесь представляется то, что время в нём представлено как явление циклическое и календарное, подразделяемое на четыре сезона, во главе которого фигурирует концепт встречи (7) – своего рода стыковочного узла, отмечающего начало и окончание того или иного временного периода. Обращает на себя внимание местоположение шестой, ритуально-праздничной категории, которую мы вправе рассматривать, с одной стороны, как диахроническую и промежуточную между этапом обустройства космоса группой богов и этапом обустройства Земли группой первопредков, а, с другой, – как «Велик день» отдыха, следующий за догонской пятидневной неделей.

Третий раздел (12-16), который можно назвать сословно-профессиональным, однозначно имеет отношение к хозяйственной деятельности и в то же время к социальному делению общества.

Четвёртый раздел (17-21), несмотря на очевидное космологическое содержание и функционал составляющих его элементов, выглядит несколько странно ввиду своего нахождения в подвале приводимой нами таблицы. Эта странность, однако, снимается, стоит нам закольцевать линейную структуру таблицы и «провернуть» её в обратном порядке. И тогда мы получим последовательность элементов творения, где их обычный космологический порядок оказывается изменённым на палеонтологический или геохронологический,

определяющим в котором будет, прежде всего, покрывающая сушу растительность, где единственно и может полноценно существовать сухопутная фауна.

То есть здесь мы помимо гносеологии сталкиваемся ещё и с проблемой визуализации картины мира. Дело в том, что наше бифокальное зрение позволяет нам иметь перспективное, в лучшем случае, диарамное видение вещей, что ни в какое сравнение не идёт с практически панорамным зрением рыб или птиц и, тем более, со сферическим зрением Творца, визуализировавшего и создавшего мир, находясь внутри сферы Мирового яйца. Не случайно миф представляет творцов четырёхглазыми, как в случае с Янусом, пятиглавыми, как в случае с Брахмой, не говоря уже об Амоне-Ра и его автономном сферическом Оке.

Учитывая это, мы можем заявить, что данную «периодическую таблицу» Аммы следовало бы представлять как размещённую на сферической поверхности систему знаков-концептов, где «полюсом» верхней полусферы является Амма-отец, нижней – его сын Номмо, а вместе – «началом и концом», альфой и омегой этого мира.

Помимо приведённой структуры глоссария догонов известен его вариант с несколько иным порядком и набором категорий, который следовало бы отнести к разряду социо-биологических энциклопедий:

1. aduno «вселенная»	11. timmu «деревья»
2. anna «деревня»	12. inne «лицо»
3. уарунулу гина «дом менструирующих женщин»	13. go «танец»
4. ginna «большой дом»	14. уау «огонь»
5. гууо «амбар»	15. со «сказанное слово»
6. alagala «небо»	16. mine valie «вспаханное поле»
7. mine «земля»	17. bire «полевые работы»
8. оно «ветер»	18. kele «каури, раковины»
9. arsege «рогатый скот»	19. уоу «путешествие, прогулка»
10. kize kile «птицы», букв. «летающие вещи»	20. yimu «смерть»
	21. yimu yanna «похороны»
	22. dam «мир»

Этот вариант не нуждается в особых комментариях – нам достаточно понимать, что таких версий может быть несколько и что переход от одного к другому представляет собой смену регистра, переключение которого представляет собой переориентирование на тот или иной аспект человеческой деятельности, тот или иной словарь, лексику и терминологию.

А поскольку источником разнообразия смыслов является многообразие значений одного и того же слова, то слово по преимуществу должно представлять собой некий код, открывающий доступ в тайное хранилище великого богатства смыслов. Иначе говоря, слово – это в любом случае ключ или пароль, который необходимо знать и помнить, чтобы заполучить доступ в кладовую знаний.

Кстати, почему наши далёкие предки не нашли иного для энциклопедического словаря названия помимо несколько высокопарного *thesaurarie* «сокровищница» (лат. *thesaurus verborum* «кладовая слов»)? Начнём с того, что греч. *θησαυρός*, которое помимо «клад, сокровище, ценность», имеет значение «хранилище, сокровищница», причём помимо материальных ценностей оно

прекрасно сочетается с ценностями духовными, включая «сокровищницу речей» (θ. *γλώσσης*) и «драгоценные песнопения» (θ. *ῥῆμον*). Именно этот гуманитарный, лингвистический смысл сокровища мы и хотели бы показать на примере целого ряда фоносемантических, порой совершенно неожиданных соответствий: ср. араб. *ghina* «богатство, сокровище», но греч. *γενεά* «род, происхождение, поколение, время», *γενεαλογία* «родословная», *γενεσις* «возникновение, происхождение, рождение, первоначало, творение, природа, гороскоп, вид, категория», *γνήσιος* «кровный, родной, законный, благородный, подлинный, истинный», *γνώμα* «признак, примета», *γνώμη* «ум, сознание, дух; знание, понимание; мнение, убеждение, замысел», *γνωμολογία* «сборник изречений», *γνώσις* «познавание, наука, знание», санскр. *gaṇá* «собрание, союз, группа, отряд, словосочетание», *guṇá* «качество, свойство, элемент, атрибут, верёвка, нить», *gauṇá* «подчинённый», *jána* «человек, род, племя», *jivana* «жизнь, существование», *jénu* «знатный, истинный», *jñāna* «знание»;

др.-англ. *hyrst* «драгоценность», *hord*, малай. *harta* «сокровище», но санскр. *hārda* «намерение, замысел», *hṛdaya* «ядро, основа, суть, сущность», др.-сев. *hjarta* «сердце, дух, душа, воля, разум», греч. *χάρτης* «лист папируса для письма, хартия»;

йоруб. *isura* «сокровище», санскр. *sūga* «сома, стекающий из-под пресса; солнце», но *svárá* «голос, музыкальный тон, нота, гласный звук», *saura* «собрание гимнов, посвящённых солнцу», араб. *sura* «глава Корана»;

маори *taonga* «сокровище» (монг. *тенге*, узб. *tanga* «монета»), но и.-е. **tong* «думать, чувствовать», англ. *think* «думать, мыслить, понимать, вспоминать», *tag* «ярлык, бирка; цитата, припев, реплика, мораль (пьесы)», др.-сев. *þega* «дар, жертвоприношение», др.-сакс. *thancon* «благодарить», полинез., др.-сев. *tunga*, др.-ирл. *tenge* «язык, речь», др.-англ. *þing* «собрание, совет, вече; дело, событие, предмет, тело, существо», теоним *Tangaroa* (имя демиурга в традиции маори, создавшего сушу, растения, первых людей, орудия труда, ремёсел);

монг. *эрдэнэс* «сокровище», но гот. *rodjan* «говорить», осет. *ard* «клятва», валл. *eiriadur* «словарь», др.-инд. *ardha* «середина, гармония, порядок», лат. *ordo* «ряд, порядок, вереница, строй, шеренга, отряд, движение, развитие, звание, сословие, канон», *ordino* «приводить в порядок, располагать, распределять, управлять, руководить, рассказывать по порядку».

Также весьма показательными окажутся соответствия в случае с др.-англ. *wraett* «драгоценность», но англ. *write* «писать», *word* «слово», ср.-в.-нем. *warten* «наблюдать, понимать», русск. *веруть*, а также с др.-фр. *perle* «драгоценность, жемчуг», но фр. *parler* «говорить», алб. *fjalor* «словарь»; фин. *aarre* «сокровище, драгоценность», лат. *aurum* «золото», но др. «говорить, просить»; болг. *зид*, чеш. *zed'* «стена», ζῳδιακός «звериный, зодиак», лит. *židinys* «очаг», но венг. *szótár*, лит. *žodynas* «словарь, лексикон».

Находясь под впечатлением принципов, заложенных в структуре космоса и одновременно тезауруса догонов, попробуем задаться простым вопросом, не является ли этот, по сути, семасиологический принцип универсальным при формировании и описании лексикографии языка вообще?

Конечно, является. Тому есть достаточно примеров, причём заведомо древних, несмотря на все старания приверженцев исторического или эволюционного взгляда на культуру приблизить их к современности. Так, само название древнейшего из сохранившихся до наших дней китайского тезауруса «Эръя» («Приближение к правильному языку») указывает на то, что это всего

лишь очередное переиздание идеографического словаря. Самое существенное здесь заключается в том, что вместо того чтобы быть «исправленным и дополненным» и быть ориентированным на синхронное с ним состояние языка, в его названии содержится призыв вернуться назад к «правильному языку», под которым следует понимать не столько возврат к древнему состоянию языка, сколько попытку воссоздания первоначальной, «правильной» структуры глоссария.

Аналоги «Эръя» обнаружены в состоящем из 24 табличек шумерском тезаурусе «Урра-Хубуллу» и в древнем Египте, где был найден упрощённый «Рамессеумский ономастикон» (в нём содержатся 323 статьи) и более развёрнутый, содержащий 610 статей «Ономастикон Аменемопа». К этому последнему сохранилось введение: «Начало учения, для наставления невежд, для понимания всех вещей, которые есть то, что создал Птах, а Тот записал: небо с его звёздами, земля со всем, что на ней есть, что изрыгают горы, что мочит вода, всё, что освещает солнце, что на земле растёт, – всё вспомнил пишущий божественную книгу в учёном доме Аменемопа».

Сюда же мы можем отнести древнеиндийский глоссарий «Амаракоша» (от имени автора Амага со значением «бессмертный» и *kōṣa* «глоссарий, сокровище, камера, ларец, влагалище, коллекция») и древнегреческий словарь Юлия Поллукса (Полидевка), структура которых позволяет отнести их к числу унаследованных нами тематических энциклопедий.

В этой связи хотелось бы несколько слов сказать по поводу широко использовавшейся в империи инков системы, известной под названием кипу. Её современное определение как «узелкового письма» или как «древней счётно-мнемонической системы» выглядит как минимум неполным.

По нашему мнению, кипу являет собой полномасштабную информационно-коммуникационную систему, позволяющую фиксировать, обрабатывать и хранить данные любого рода и любого объёма. Наилучшее представление об этой системе может дать её сравнение с современным компьютером, где процессором является разум человека с заложенной в него программой юпана (*кечуа уирапа* «счётное устройство»). Система ввода информации во многом схожа с клавиатурной, функциональными и числовыми «клавишами», роль которых выполняли 24 разноцветных камушка, а «буквенных» – набор разнообразных узлов, которыми украшались и связывались между собой многочисленные верёвочные гирлянды того или иного сообщения. Нам также достоверно известно, что кипу-компьютер использовал широкий набор программного обеспечения в составе узелкового текстового редактора и целого ряда прикладных программ и таблиц, включая календарные, хронологические, топографические, законодательные, административно-хозяйственные, бухгалтерский учёт и т.д. и т.п.

Что касается принципа организации кипу как когнитивно-операционной системы, то он, судя по всему, мало чем отличается от гносеологии догонов и принципов построения их тезауруса. Так 22 догонским «семейным» категориям в системе кипу соответствуют 24 раздела, обозначенные соответствующим количеством разноцветных камешков. Известно также, что в рамках «хроматографии» кипу ярко-красным (алым) цветом обозначалась сфера верховной власти и управления, чёрным – категория времени, бордовым – армия и военное дело, бурным – общественный порядок и государственное управление, жёлтым – сельское хозяйство и продукты питания и т.д. Обращает на себя внимание и соответствие между 12 элементами второго подуровня

догонской системы и 12 подкатегориями экономического раздела в системе кипу: 1) люди, 2) кот, 3) ткани, 4) возделываемые продукты питания... 10) – 12) предназначенные для перемещения люди, скот и продукты питания.

При этом нельзя сказать, что исключительным правом на использование узелкового «Windows» обладали только инки. Так Лао-цзы, завещая правителю Чжоуского царства вернуться к исконной простоте жизни и нравов древности, призывал его вместе с народом обратиться к тому, чтобы «снова начать плести узелки и употреблять их вместо письма»¹. Из этого следует, что древнейшая, вероятно, чжоуская по происхождению узелковая система хранения информации либо предшествовала, либо существовала параллельно с иероглифическим письмом. Мы даже могли бы представить обе системы как конкурирующие между собой разновидности информационных технологий, борьба между которыми в империи инков закончилась победой партии *аммафилов*², а в древнем Китае несмотря на рекомендации Лао-цзы – поражением.

Нам вообще следует признать универсальный характер распространения узелковой информационной технологии, искусством которой до сих пор владеют отдельные представители эскимосов и жителей острова Пасхи. Ещё в 80-е годы прошлого века некая латгальская старушка завещала дочери похоронить её вместе с клубком шерстяных ниток, в котором была «записана» вся история её жизни. Данный исторический факт позволяет нам также полагать, что мойра по имени Клото вряд ли занята простым сучением нити судьбы. Она, скорее всего, вяжет из неё узелки и, таким образом, «записывает» судьбу человека, дабы было что предъявить суду загробного мира. И что-то подсказывает нам, что клубок Ариадны был необходим Тесею не столько для того, чтобы найти выход из Лабиринта, как принято думать, сколько для того, чтобы указать ему кратчайший путь к логову Минотавра. А если это так, то в сегодняшних реалиях её клубок представлял бы собой высокотехнологичное устройство наподобие современного GPS-навигатора.

У нас также создалось впечатление, что принцип построения кипу и глоссария догонов в полной мере соответствует гнездовому принципу организации его древнееврейского аналога. Вряд ли случайным может оказаться совпадение между числом категорий догонского тезауруса и 22 буквами финикийского (древнеарамейского, древнееврейского) и этрусского алфавитов, которые благодаря своим числовым соответствиям одновременно организуют систему глоссария по категориям, определяют морфологию слова, грамматику и синтаксис и в своей совокупности играют роль достаточно простой и эффективной фонографической системы.

Мы не будем здесь приводить многоступенчатую и многозначную схему построения древнееврейского алфавита с его 22 буквами, значения которых, включая числовые, достаточно подробно описаны. Упомянем лишь о системе сефирот – эзотерической схеме построения Вселенной, представленной в виде каркаса из 11 узлов-сефирот, соединённых между собой «арматурой» в составе 22 «путей». Сефирот – это множественное число от слова *sifra* «число», одно из значений которого можно передать как «вычисления, числа» (ср. араб. *sifr* «ноль», греч. *σφαίρα* «шар, сфера», валл. *cyfrin-ach* «тайна, секрет», букв. «тайна предков»). Одного этого оказывается достаточно, чтобы провести аналогию с юпаной инков и половиной от 22 категорий догонской

¹ Дао дэ дзин, 80.

² От греч. *ἄμμα* «узел, петля, связка, перевязь, пояс».

системы. А если мы обратим внимание на достаточно ярко выраженный антропокосмический аспект сефирота, то немедленно сможем сопоставить его с Локапурушей (Виратпурушей) в индийской космологии и одновременно провести параллель с энергетической структурой микрокосма с его 10 или 11 энергетическими центрами-чакрами и далее, естественно, с астрологией, связывающей чакры с планетами, влияние которых и определяет судьбу человека. Примечательно, что все эти сферы маркированы ещё и цветами радуги, спектральный порядок которых автоматически превращает хромографию в раздел нумерологии, а в случае с сефирами – в кодовые регистры, манипулирование которыми позволяет доподлинно знать охотнику, где всё-таки сидит фазан. Добавим к этому, что сефирот следует рассматривать как ядро всей каббалистической системы, как своего рода «поисковик» для нахождения иллюстраций в каком-нибудь фолианте, главами которого в частности служат 22 старших аркана в картах таро (ср. лат. *arca* «сундук, ковчег, водоём, шкапулка» > *arcanum* «тайна») или 22 козыря в так называемых «картах мамлюков».

Кроме того, наше внимание привлёк огамический алфавит (др.-ирл. *ogam*), изобретение которого древние кельты приписывали богу красноречия и поэзии Огме (кельт. *Ogmios*, др.-ирл. *Ogma Sermaid* «Огма Медовоязыкий»). Для самого этого термина обнаруживается ряд крайне интересных фоносемантических соответствий, включая ср. кельт. **ogmios*, но и.-е. **og-mo-* «борозда, след», букв. «царапина, вырезанная линия», араб. *qamus* «словарь, глоссарий», др.-инд. *āgama* «источник, начало, происхождение, приобретение, обладание, знание, изучение шастр (т.е. овладение священным знанием), передача чего-л. (включая, очевидно, и передачу знаний)», др.-англ. *gamen* «игра, развлечение», а также др.-инд. *agamya* «недоступный, непонятный», т.е. тайный.

Огам состоит из двадцати знаков, названных *fedai* (ср. др.-ирл. *fedai* «знак», но др.-фриз. *feder* «отец», валл. *fedai* «срезать колосья; вязать снопы», др.-англ. *foda* «пища, топливо, кормление»), и делится на четыре группы, называемых *aicmí* (др.-ирл. *aicme* «семья»), по пять букв в каждой. Знаки в первых четырёх «семьях» представляют собой чёрточки от одной до пяти, нанизанные на основную линию, которые либо свисают от неё вниз, либо устремляются вверх под прямым углом, либо пересекают её под углом 45 градусов. Что касается группы *forfedai* в составе пяти знаков, транскрибирующих пять дифтонгов, то они выглядят, как пять отрезков нитей с узелками числом от одного до пяти. Огам имеет ещё одно явное сходство с системой кипу – «заглавным» камешкам в ней соответствует само слово *ogam* в значении «головной камень», который укладывали в головы покойника и который после похорон играл роль могильного камня, на котором вырезалось имя покойного (ср. др.-ирл. *ogam* «азбука, знак, камень», но гот. *ahma* «душа умершего», фин. *ihtinen* «человек, душа», нем. *Gemüt* «душа», лат. *gemma* «резной камень, печать», греч. *κεκύλιον* «драгоценный камень, сокровище» (< ср. и.-е. **ag* «говорить», ирл. *guí* «молиться» + **om* «заклинять», греч. *ἡμί* «говорить», лтш. *amas* «голос»); ср. также др.-ирл. *aicme* «семья», но лит. *akmuo* «камень», *augimas* «рост, фигура, возраст, период, время»). Думается, что и древнерусские «черты и резы» принадлежали к тому же самому «нарезному» руно-огамическому семейству поисковиков и накопителей информации, на что указывает однокоренное с *ogam* ирл. *ogúaim* «порез, шрам», греч. *ῥάμμα* «название третьей буквы греч. алфавита», лат. *gemma* «драгоценный камень, жемчужина, перстень с печаткой».

Помимо этого «каменного» огама известен ещё и «верёвочный» огам (*ogam snaithi snimach* «огам из плетёной нити»), в котором чёрточки заменены на «крестики», образованные наложением одной чёрточки-нити на другую. Не вызывает ни малейшего сомнения сходство между кипу инков и «вычислительной» структурой огамического алфавита, знаки которого помимо буквенного имеют и числовые значения: ср. огамические знаки I II III IIII IIII, которым соответствуют латинская транслитерация h, d, t, c, q и одновременно транскрипция [h], [d], [t], [s], [k], отражающая особенности кельтской фонетики: **haon* «один», **dhà* «два», **tri* «три», **ceithir* «четыре», **còig* «пять».

Мы также можем говорить об огамическом алфавите как об универсальном ключе доступа к тезаурусу языка и как единственному средству описания вселенной, переключение регистров которого позволяло филиду использовать эту азбуку для выборки смыслов и информации в целой серии базовых категорий знаний, включая язык цвета (*dathogam* «огам-цвет», выделяющий двадцать цветов от алого, красного, мышинового и «ужасного» до белого и «очень белого»), язык гидрографии (*ogam uisceach* «водяной огам», *linnogam* «озёрный огам»), «профессиональный» огам (*danogam* «огам ремесла»), а также специальные терминологические «языки» поэтов, музыкантов, правителей, воинов, кузнецов, гончаров, охотников, рыбаков и т.д. Отдельно следует упомянуть «мальчиковый огам». Речь идёт о прикладной разновидности огама, предназначенного для определения пола первенца. Ключевую роль здесь играет имя будущей матери: имя с чётным составом букв предопределяет рождение девочки, имя с нечётным числом – мальчика (ср. кельт. *fir-eann/boir-eann*, фриз. *man/frou* «самец/самка»; валл. *gwr/gwraig*, русск. *муж/жена*; болг. *момче/момиче*, усл. *strák/stúlka* «мальчик/девочка»)¹.

Возвращаясь к тезаурусу догонов и месту, которое в нём занимают четыре первоэлемента, приведём пример того, как фоносемантический анализ способен синтезировать и одновременно примирить разные точки зрения в отношении такого фундаментального для метафизики понятия как *субстанция*. Мы имеем в виду разногласия, возникшие ещё среди представителей милетской философской школы в лице Фалеса, Анаксимандра и Анаксимена по поводу единства и множественности субстанции, что вылилось в разногласие относительно того, какую субстанцию считать первой, какую, второй и т.д.

Следуя заветам Фалеса, мы начали с воды, но тезаурус языка быстро убедил нас в том, что по сути мы имеем дело с единой субстанцией, которая одновременно включает в себя все остальные элементы.

И действительно, взглянув на «молекулу» воды с точки зрения её атомарного, фонетического состава, мы обнаружили, что образована она простейшей односложной морфемой **-r-* или **-l-* в сочетании с любым гласным или дифтонгом: ср. и.-е. **yer-* «вода», санскр. *varṣ* «идти (о дожде)», тох. А *war*, арм. *jur* «вода», лат. *ro-s* «влага, роса», санскр. *s-ar* «течь», «быстрый», *s-arā* «ручей», *sáras* «озеро», лит. *jur-a* «море, вода», исл. *s-jor*, порт. *s-uor* «пот», греч. *ὀρός*, лат. *s-ērum* «сыворотка», санскр. *s-ar-pis* «топлёное масло»; праслав. **lejo-* «лить», лит. *lįja* «идти (о дожде)», русск. *на-лой* «ливень», бенг. *jal-a* «вода», др.-англ. *woel* «море», ирл. *al-lais* «пот»; русск. *с-леза*, болг. *с-луз*, др.-сев. *s-lim*, лат. *s-aliva* «слизюна, слизь», *oleum* «оливковое масло», русск. *с-ало*, *лой* «топлёный жир», лит. *s-ulà* «сок дерева», др.-сев. *öl*, лит. *alus* «эль, пиво».

Но параллельно с этим мы обнаружили, что вода как фалесская *первая*

¹ У догонов тройка является мужским числом, четвёрка – женским.

субстанция практически ничем не отличается от анаксименовской главной субстанции – воздуха: ср. греч. *ἀήρ* «воздух», лат. *aura* «ветер, воздух», лат., валл. *aer*, гудж. *ēra*, лтш. *ārija*, лит. *oro*, др.-инд. *s-ara-pnyu* «воздух, ветер», кельт. *āile* «воздух», греч. *Αἰολός* «Эол», персонифицированный ветер¹.

Впрочем, не нашли мы фундаментальных отличий первых двух и от третьей субстанции – огня: ср. **cer-*, хет. *war-* «гореть», арм. *s-ari* «жар», рум. *jar*, нидер. *vuur*, алб. *z-jarr*, арм. *h-re* «огонь», баск. *er-re*, арм. *ayr-vel* «гореть», лат. *areo* «быть сухим», кечуа *raw-raq* «горячий, жгучий»; и.-е. **al-* «гореть», хинди *jal-ana*, греч. *σέλας* «пламя, огонь», *εἴλησις* «жар».

И, сколь долго и пристально мы бы не разглядывали четвертую субстанцию – землю, нам также не удалось обнаружить в ней ничего относительно нового: ср. арм. *zh-ayrr* «скала», греч. *ὄρος* «гора», баск. *h-arri* «камень», греч. *ἤριον* «могильный курган», русск. *роща*; нидер. *hal* «мёрзлая почва», лит. *uola* «скала», русск. *ил, с-лой, за-лой* «затопляемая низина», словен. *s-lōj* «горный пласт», англ. *h-ail* «град», греч. *λεῖον* «гладкое, ровное пространство» (ср. англ. *lie* «лежать», *lay* «класть»); др.-фриз. *wal* «насыпь, дамба, отмель, земляной вал», русск. *вал*, лат. *vallum* «вал, насыпь», *vallus* «шест, частокол, изгородь», *val-les* «долина» (вторая морфема здесь соответствует греч. *ῥλή* «лес», *ἄλλος* «священная роща», а также чеш. *les* «лес», др.-англ. *laes* «пастбище»).

Далее нельзя обойти вниманием тему динамики элемента, его агрегатного состояния, включая тему сочетания и взаимодействия элементов между собой.

Всё та же морфема будет обозначать дистиллированную воду (ср. лат. *ro-s*, рум. *rouă*, русск. *ро-са*, лтш. *ra-sa* «роса, капля», *as-ara* «слеза, роса»), испарения, облака и тучи (ср. алб. *re*, курд. *ewr*, рум. *văl*, нем. *Wol-ke*, дат. *s-vaer-m* «облако», др.-инд. *vār-da* «дождевое облако», монг. *үүл* «облако»), включая горячую воду и пар (ср. монг. *уур*, алб. *avull*, фин. *hu-uru* «пар», русск. *вар* «кипящая вода, жар», англ. *war-m* «тёплый», но *swarm* «рой, стая», арм. *yer-ral*, гудж. *vra-ṇa* «кипеть»).

Что касается элементов воздуха и огня, то они представляются нам как взаимосвязанная пара элементов, действующая как агенты-ускорители химических реакций, когда воздух фактически выполняет роль центрифуги, а вместе с огнём – термостата и ректификационной колонны: ср. греч. *ἀήρ* «воздух», русск. *вихрь*, но и.-е. **ar-* «гореть», нидер. *vuur*, арм. *hur* «огонь»; русск. *парить* «летать в воздухе», но греч. *πῦρ* «огонь, пламя», чеш. *pyr* «горячие угли»; нем. *fliegen* «летать», но др.-англ. *lieg* «огонь»; др.-англ. *lyft* «воздух, небо», нем. *Luft* «воздух», но через метатезу др.-англ. *fyr*, др.-сев. *fīrr* «огонь» (> лат. *furo* «бешено проноситься, беситься, безумствовать»).

Мы также обнаружили, что земля в силу целого ряда причин оказывается гораздо более сложным элементом, нежели другие стихии. Во всяком случае, с точки зрения лингвиста-химика именно земля в первую очередь может претендовать на право называться физической субстанцией в полном смысле этого слова (лат. *sub-stantia* «сущность, суть, материя», букв. «подпора, подставка, установка, определение, рост, величина»: ср. англ. *stone* «камень», рум. *stană*, хорв. *stijena* «скала», русск. *стена*, лат. *siāten* «ткацкая основа, ткань», греч. *στᾶ-θερή* «земная твердь, суша»).

Первое, на что необходимо обратить внимание в ходе нашего геолого-географического исследования, является то, что земля имеет в принципе

широкую и плоскую поверхность: ср. др.-ирл. *roi, roe* «ровное поле», лат. *rus* «поле, поместье»; *λίθος* «камень»¹, лат. *la-ter* «кирпич, плитка» (< *la-tus* «широкий», букв. «широкий, плоский камень»); англ. *s-la-te* «сланец, шиферная плита», *s-lab* «плита», греч. *λεω-ρός* «широко раскинувшийся», букв. «лежащая, раскинувшаяся земля». При этом она может быть твёрдой, как камень, но также вязкой, как илистое дно (ср. русск. *ил*, словен. *il* «глина», греч. *ἰλύς* «ил, тина, грязь», англ. *s-ilt* «осадок») или болото (ср. амер. англ. *s-lew* «болото», *s-lash* «болотистое место»). Широкая земля может быть сухой и бесплодной, но также влажной и плодородной. Отражение этой двойственной характеристики земли мы находим в лице древнеиранской богини плодородия Аредви Суры – (< авест. *Arədvī Sūrā*), двойное имя которой имело бы смысл сопоставить соответственно с др.-в.-нем. *erda* «земля», араб. *earid* «широкий», лат. *arduum* «крутая возвышенность», *aridus* «сухой, скудный», а также с санскр. *sārāsa* «озёрный», *sarā* «ручей», *sīrā* «поток», *surā* «хмельной напиток», русск. *мать сыра земля*, др.-исл. *saurr* «сырая земля», швед. *sur* «сырой, влажный», русск. гидроним Сура́. Добавим сюда представление об острове как земле, лежащей в соляном растворе моря: ср. лат. *in-sula* «остров», но *sal* «соль», *salum* «открытое море», араб. *sali* «влажный», тур. *sulu* «водный», *islak* «влажный, водный».

Земля органически связана и не отделяется от всего того, что содержит в своих недрах и что на ней произрастает. Вполне вероятно, что по этой причине в китайской космологии земля как элемент отсутствует, будучи представленной тандемом элементов дерева и металла, каждый из которых воспринимается как плод земли: ср. ирл. *uir*, курд. *erd*, лат. *s-olum* «почва, земля» > эст. *võll* «вал, дерево», лат. *ar-bor* «дерево», *her-ba* «трава», хинд. *vr-ksh*, непали *rū-kha*, маори *rā-kau* «дерево», греч. *ὄρο-φος* «тростник»; др.-сев. *jörð* «земля» > др.-сев. *aurr* «гравий», н.-нем. *ur*, др.-англ. *ora* «руда», русск. *ру-да*, др.-сев. *eir*, др.-англ. *aer* «руда», *ar* «латунь, медь», нидер. *roos*, курд. *zêr*, лат. *aurum*, кельт. *oir*, баск. *urre*, венг. *ar-any*; лит. *ola* «пещера, земля» > монг. *алт* «золото».

А, кроме того, наша универсальная морфема ещё и обозначает Землю как объёмное тело (ср. лат. *terra, tellus* «земля, земной шар»), поверхность которого служит всему основанием, а недра – подвалом: ср. русск. *ров, подвал*, ирл. *íosl-ach*, лит. *rūsūs*, монг. *с-уурь* «кладовая». Также не может земное мироздание обойтись без чердака и крыши: ср. польск. *chór* «хор, галерея», русск. *к-ров*, др.-сев. *h-rof* «крыша, потолок, небо», нидер. *roef* «рубка, каморка, крышка гроба», лат. *rūpēs* «ущелье». Всё, что находится между полом и крышей, представляет собой одно громадное помещение, где располагаются сразу обе кладовые, что язык вряд ли мог упустить из виду, когда удваивал земную корневую морфему: ср. англ. *ro-om* «помещение», маори *ru-ma*, итал. *s-olaio* «чердак», русск. *х-рам, к-ром, хоромы*, хет. *karimmi* «храм», но ирл. *áil-éar* «галерея», исл. *kjal-lara*, лат. *cel-la* «кладовая».

Земля и весь мир, как известно, стоит на четырёх опорах, что позволяет нам в каждой из опор видеть одну из четырёх субстанций (ср. исл. *súla* дат. *søjle* польск. *slup* хинди *laat* «столб, опора»), а в соединённых между собой опорах в виде квадратной рамы – единую силовую конструкцию (ср. лит. *ram-stis* «опора» > ср.-в.-нем. *rame*, русск. *рама* лат. *arma* «снаряжение, опора», лтш. *rāmis* «рама»).

¹ По-гречески каменщик звучит как *λίθο-λόγος*, т.е. тот, кто владеет наукой об укладывании в ряд камней, букв. «камнеслов».

¹ Некий Эол считается первопродком племени эолийцев.

Этой единой, рамной конструкцией для всего мира является её интегральная, сущностная субстанция и одновременно сумма всех четырёх субстанций, каковой для нас, когнитивных лингвистов, является единственно слово.

Фактически мы должны говорить о полноценном гносеологическом аппарате, своего рода универсальной инфомационной технологии и одновременно программе с набором кодов, регистров, алгоритмов и руководством по её применению. Руководство это в виде тезауруса представляет собой не что иное, как пособие по использованию языка и в то же время сборник дидактических материалов, а введением к нему служит предание, миф.

Именно такого рода предание мы и приведём ниже, дабы показать, как и при каких обстоятельствах всё человечество на Земле получило одно и то же руководство, выпущенное одним издательством.

А. Из плаценты принесённого в жертву и разделённого Номмо Сему Амма создал двух разнополюх Номмо, которые совокупились и породили 8 предков будущего человечества: четырёх мужеподобных и четырёх женеподобных «детей жертвы». Во время совокупления женщина Номмо говорила сама с собой и её слова врезались в её матку наподобие резьбы. Ей помогал словами мужчина Номмо, и все эти слова передавались находившемуся в утробе седьмому предку. Вместе с ним слова получили и все другие, но седьмой приобрёл абсолютное знание слова – второго слова, прозвучавшего на Земле и предназначенного для всех будущих людей на Земле.

Ср. и.-е. **set-* «один, единица, знак», венг. *szám* «число», греч. *σῆμα* «(при) знак, (от)метка, сигнал, эмблема, знамение», русск. *семь*; лат. *sūt* «быть, существовать, происходить, содержаться, составлять, быть написанным, значить, стоять», русск. *семья*; через метатезу литов. *amas* «речь», ирл. *amas* «цель», лат. *mas* «мужчина, мальчик, сын», *messis* «жатва, сбор урожая», *mōs* «обычай, характер, природа, закон, правило», *musso* «бормотать, шептать».

Когда этот предок говорил, он словно ткал материю, заполняя словами промежутки между нитями ткани. Они и были этой тканью, а ткань была словом. По этой причине ткань называется *soy*, что означает «это – сказанное слово», а также «семь», что указывает на ранг того, кто говорит, сплетая нити в ткань.

Ср. хет. *amatu* «слово», греч. *μῦθος* «слово, речь, рассказ, миф», итал. *motto* «фраза, надпись», валл. *ymadrodd* «высказывание», но венг. *mondás*, лат. *imitatio* «изображение, копия», исл. *mynd* «образ, символ»; и.-е. **uer-* «связывать», лат. *vero* «говорить правду», исп. *verdad* «правда», др.-сев. *Urdr* «Судьба», *Verdandi* «становление» (персонифицированная судьба), но русск. *веретá* «грубая ткань»; дог. *soy* «сказанное слово, семь», англ. *say* «говорить, слово» (*so to say* «так сказать»), *see* «видеть, узнавать, воображать, знать», *saw* «мудрость, речение», но лат. *suo*, англ. *sew* «шить, сшивать», но *seven* «семь»; фриз. *sei*, англ. *said* «сказал», валл. *saith*, фин. *seitsemän* «семь», др.-сакс. *soth* «правда, справедливость, действительность», др.-сев. *seið* «связь, судьба», литов. *su-austi* «ткать»; валл. *nod* «цель», тур. *niyet* «намерение, цель», англ. *knot* «узел», *net* «сеть, западня, паутина», русск. *снасть, нить*, др.-егип. *ntt* «плести».

Все предки были в действительности андрогинами, отличаясь друг от друга только тем, что у одной их половины доминировало мужское начало, а у другой – женское и все они были способны сами себя оплодотворять и рожать потомство.

В мировой традиции мы повсеместно сталкиваемся с мифом, упоминающим о восьми богах-демиургах, которые неизменно оказываются либо прародителями, либо создателями человека и одновременно благоустроителями и благодетелями для всего рода человеческого. К их числу следует отнести восемь богов-адитьев (Варуна, Митра, Арьяман, Бхага, Анша, Дакша, Индра и Мартанда-Вивасват), четыре пары египетских богов (Шу-Гефнут, Геб-Нут, Осирис-Исида и Сет-Нефтида), четырёх братьев Тескатлипок с их жёнами в традиции науа, четырёх братьев Айяр-Манко с их четырьмя сёстрами-жёнами у инков, четырёх китайских «императоров», представленных Фу-си, Янь-ди, Хуан-ди и Чжуань-сюем и сотни подобных групп предков в иных традициях. Более сложной в этом отношении следует считать греческую традицию, где, с одной стороны, фигурируют две группы по восемь титанов в каждой в составе титанов-первопредков (Эфир/Гемера, Океан/Гефида, Тартар/Гея, Иапет/Климена, Гиперион/Тейя, Кой/Феба, Крий/Эвфибия, Крон/Рея) и их дублёров-потомков, титанов второго поколения (Астрей/Эос, Паллант/Стикс, Перс/Астерии, Атлант/?, Менетий/?, Прометей/Гесиона, Эпиметей/Пандора, Гелиос/Селена), а, с другой, боги-олимпийцы, предками которых следует считать Посейдона/Амфитриту, Аида/Персефону, Зевса/Геру и, вероятно, Гефеста/Афродиту, в силу кузнечной специализации первого и явно андрогинной природы второй. Кстати, это же удвоение богов-предков мы наблюдаем и в индийском мифе, где к числу небесных предков можно отнести адитьев, а «земных» – богов Васу (аштавасу, букв. «восемь васу»), матерью которых является одна и та же Адити.

Наиболее подробный портрет андрогинов сохранила для нас греческая традиция, представляя их тело круглым с четырьмя верхними и четырьмя нижними конечностями и двуликой головой с направленными в противоположные стороны лицами, что мы можем наблюдать на примере двуликого Януса. Интерес для нас также представляет собой одно важное дополнение, касающееся способа ускоренного передвижения андрогина. Выясняется, что когда это существо «торопилось», оно могло «идти колесом», перекачиваясь на своих восьми конечностях подобно колесу с восемью спицами или цирковому акробату. Страшной была их сила и мощь, и вполне могли они «посягать даже на власть богов».

Не вызывает сомнения, что именно с таким существом пришлось столкнуться герою осетинского эпоса Сослану. Речь идёт о персонаже с выразительным именем «Колесо Балсага» или «Колесо Ойнона», который, решив отомстить Сослану за надругательство над дочерью, перекатился через его ноги и этим сразил героя насмерть, поскольку колени были его единственным уязвимым местом, которое не удалось закалить Курдаллагону-кузнецу.

Судить о вооружённой силе этих существ нам также позволяют сотни изображений двуликих всадников с оружием в каждой из четырёх рук в индийском изобразительном искусстве.

Об андрогинной природе предков прекрасно была осведомлена китайская традиция. Так Фу-си изображался в виде змеи с человеческой головой, чем очень напоминает головастика, а пара Фу-си/Нюй-ва – в виде двух переплетённых между собой змей с человеческими торсами. Янь-ди изображался в виде змеи с головой быка и лицом человека, а Хуан-ди – как четырёхликий и четырёхглазый гуманоид. О Чжуань-сюе, имя которого трактуется как «первопредок», рассказывали, что он умер, пребывая в облике змеи, но после погребения превратился в рыбу и воскрес, став наполовину человеком, наполовину

рыбой (его ещё называли *юй-фу* – «рыба-женщина»). Добавим к этому следующее китайское предание. Жили некогда брат и сестра, которые вопреки обычаю поженились. В наказание они были сосланы в горы, где и умерли от голода и жажды. Но пожалел их бог Юйцян и накрыл их тела травой бессмертия. Через семь лет они ожили, но за это время их тела срослись, и получилось, что ожило двуполое существо с двумя головами и двумя парами рук и ног. Оно могло производить на свет детей такого же строения. Так возник целый род, названный мэншуан – «сросшиеся».

В. Номмо, их родители, дали им целый ряд поучений и наставлений, самое строгое из которых предписывало им не совокупляться между собой. Причиной тому было строгое разделение небесного человечества по восьми родам. Но случилось так, что первый предок Амма Серу нарушил слово и вопреки запрету небесных Номмо совокупился со своей женской «альтернативой», что сделало их обоих нечистыми для небесной обители.

Христоматийным примером в случае с запретом инцеста являются библейские Адам и Ева и, несмотря на то, что о «занятии» Адама Книга бытия умалчивает, мы имеем основания считать его кузнецом хотя бы потому, что это ремесло унаследовал его старший сын Каин. При этом мы обязаны упомянуть восемь главных «воплощённых» ангелов и семь главных демонов ветхозаветной и каббалистической традиции. К числу последних мы могли бы добавить Лилит, первую жену Адама, связь с которой, очевидно, и привела к изгнанию андрогина Адама/Евы из рая.

Надо сказать, что тема противоправного совокупления между первопредками распространена повсеместно. Вот как рассказывает об этом миф островитян с архипелага Гилберта: герой по имени Мбуэ, несмотря на запрет, сходится со своей сестрой, а затем, похитив у своих родителей огонь, ветры, дождь и знания ремёсел, передаёт их людям, которыми заселил острова.

В традиции Океании в инцестуозные отношения со своим братом Мауи вступает его сестра Хине (жительница или персонификация Луны), после чего он, подобно Прометею, приносит людям огонь, орудия труда, батат и кокосовую пальму, обучает ремёслам, а также ловит солнце, устанавливает ход светил, вводит регулярную смену времён года, умиряет ветры и делает ещё многое другое на благо человечества.

Похожая история приключилась с братом и сестрой Фу-си и Нюй-ва, которые, как ни странно, считаются предками совершенно разных китайских племён. Решив стать мужем и женой, они поначалу устыдились, но потом решили отдаться на «волю неба» и совокупились лишь после того, как получили одобрение свыше. Примечательно, что Нюй-ва, подобно сестре Мауи Хине, соотносится с Луной, которая является одним из её атрибутов, в то время как Фу-си соотносится с солнцем, которое он держит в руках вместе с циркулем. Оба они являются создателями и благодетелями человечества: Фу-си передаёт людям ба-гуа, иероглифы, гусли, охотничьи и рыболовные снасти, а Нюй-ва – тростниковую губную гармошку. Кстати, имя Нюй-ва означает «женщина-лягушка», что позволяет соотнести её, с полным на то основанием, с многочисленными героинями евразийских генеалогических преданий.

Вместе с тем в целом ряде случаев, когда мы сталкиваемся с более развёрнутыми версиями этого мифа, мы узнаём, что предок становится жертвой обмана со стороны сестры, спаренной не с ним, а с его братом. Прекрасной иллюстрацией тому служит миф об Осирисе, в половой

контакт с которым вступает его сестра Нефтида, принявшая облик его «законной пары» Исиды.

С. Им было велено покинуть небеса и отправиться на Землю, куда с ними решили уйти и остальные. А ещё задумали они унести с собой всё, что могло бы пригодиться для их потомков на планете.

После потопа верховный бог послал на Землю Таосунга и Таонган, чтобы они заселили её. Он снабдил их 8 медными палками для поддержания неба, 8 тыквами, внутри которых были люди 330 народностей и семена 330 сортов риса. Когда посланники бога приблизились к Земле, они увидели, что она всё ещё покрыта водой и вынуждены были ждать. После ухода воды на Землю спустился только Таосунг. Он распределил 8 тыкв по сторонам света и проткнул их медными палками, чтобы люди могли выйти наружу и расселиться по свету (миф белых таи).

Д. С этой целью Амма Серу украл часть солнечного огня, спрятав его в металлической трубке, а также унёс кузнечные инструменты, необходимые для плавки и обработки металла.

Эпизод с кражей огня для кузнечного горна полностью соответствует истории с похищением огня из небесной кузницы Прометеем, который спрятал его внутри тростникового стебля. Кстати, владелец огня Мишкоатль постоянно изображён с непропорционально толстым для жезла предметом в руке, который скорее напоминает головню или факел.

Среди украденных кузнецом инструментов был также железный лук и стрелы в форме веретеного стержня. Одну из них он выпустил в символизирующий Луну центр верхней террасы ковчега¹ и накрутил на неё нить, используя её как шпульку, а сам ковчег – как веретено. Вторую стрелу с привязанным к ней другим концом нити, он пустил в небесный свод, чтобы она удерживала ковчег.

Этот удивительный фрагмент мифа на наш взгляд описывает процесс позиционирования Луны в качестве спутника Земли. Кузнец-демиург фактически реализует самый сложный проект по установке на земной орбите Луны-ковчега, метафорически представленного в виде бобины, раскручивающейся благодаря намотанной на неё нити вокруг собственной оси и вокруг Земли. При этом все использованные в проекте технические средства оказываются распределёнными между двумя основными фоносемантическими группами, первая из которых озаглавлена *-k- (ср. араб. *alqaws*, *qus* «лук», лат. *axis* «брус, ось, вал, веретено, полюс, небо», лит. *ašis* «ось, веретено, вал», маратх. *akṣa* «ось, веретено», тур. *iğ* «веретено», ок «стрела», эст. *oga*, исп. *aguja* «игла», но фин. *kuu* «луна», русск. ковчег), а вторая – *-r-k- (ср. алб. *hark hekuri* «железный лук», арм. *yerkat'ya* «железный», лат. *arcus* «лук, радуга, свод, арка, дуга», гот. *arhvazna* «стрела», но *arca* «ящик, сундук, ларец, государственная казна, гроб, темница, ковчег, бассейн», болг. *ráka* «ларец с мощами», чеш. *rakvice* «раковина», словц. *rakev* «ящик», др.-инд. *arka* «солнце»).

Кроме этого, мы находим целый ряд обозначений, позволяющих представить Луну как транспортное средство. Так в шумеро-аккадском мифе идентифицирующийся с Луной бог Нанна носит многозначительный эпитет Магур (шумер. *ma-gur* «корабль, баржа», араб. *muhara* «раковина»), а тесно

¹ Ср. др.-инд. *candra-çālā* «помещение на крыше дома», букв. «дом Луны».

связанный с Луной бог ацтеков Тексистекатль изображался старцем с морской раковиной на спине. Нам также удалось обнаружить ряд фоносемантических соответствий, указывающих на пустотелость Луны: ср. хет. *arta* «луна», но лит. *artūd* «пашня», гот. *rit* «(пустое, открытое) пространство», нидер. *ruim* «трюм корабля», англ. *room* «комната»; тур. *kamer*, араб. *alqamar* «луна», но греч. *kámara* «сводчатая комната»; др.-сев. *tingl* «луна», гот. *tuggl* «небесное тело», но фин. *tuhjä* «пустой», нем. *Tiegel* «сосуд для плавки металла»; фин. *kuu* «луна», но и.-е. **eg-* «пустота», лат. *vacuus* «пустой, свободный, безлюдный»; нем. *Mond* «луна», нем. диал. *Mand* «корзина», но лат. *tundus* «чистый, пустой»; венг. *hold* «луна», но англ. *hold* «трюм», нем. *hohl* «пустой»; тамил. *nīla* «луна», но лат. *nullus* «пустой, незначительный», кечуа *quilla* «луна», но также знак «ноль».

Е. С позволения Номмо первый предок стал готовиться к путешествию. Он получил корзину с квадратным дном и круглым верхом, которую должен был использовать в перевернутом виде как модель для ковчега. Ковчег этот имел форму усечённой пирамиды с круглым основанием и квадратным верхом и предназначался он для транспортировки всех живых существ, растений, минералов и восьми зёрен по, которыми предстояло заселить и окультурить Землю. Правда, самих существ перевозить в ковчеге никто не собирался – вместо этого на ступенях его четырёх вертикальных лестниц были изображены их знаки-символы – «слова этого нижнего мира». Внутри Кора На был поделён на 60 отсеков, по 15 рядов на каждого из четырёх предков. Номмо был головой, Амма Серу – грудью, Лебе Серу – животом, Бину Серу – руками, Дионгу Серу – пупком и половыми органами, а четыре женские сущности – четырьмя конечностями Номмо. Наконец «Великий ковчег Господина чистой Земли» под командованием воскресшего Номмо Сему отправился на Землю, куда доставил четыре пары предков людей, прототипы животных растений и минералов, а также восемь зёрен по, в которых в упакованном виде пребывали все элементы творения. Во время приземления ковчега молот и наковальня, с которыми предок-кузнец не расставался, повредили его четыре змеевидные конечности – так у него появились суставы и рычаг в виде предплечья, без которых работа пахаря и кузнеца были бы невозможными.

На Олимпе, где Гера построила для Гефеста кузницу, он женился на Афродите, но та постоянно изменяла ему с Аресом. Узнав об измене, Гефест потребовал от Зевса, приёмного отца Афродиты, вернуть полученные им свадебные дары. Зевс отказал ему и в наказание сбросил Гефеста с Олимпа, откуда он летел вниз целый день, пока не упал на остров Лемнос, где от удара сломал обе ноги. С тех пор он может передвигаться лишь с помощью золотых костылей (греческий миф);

«Конечности предка Маутикитики раньше не имели суставов. Его отец повелел ему спрыгнуть с дерева, в результате чего он сломал руки и ноги. С тех пор у людей появились колени и локти» (предание полинезийского племени беллона).

Ф. Вслед за предком-кузнецом спустились по очереди и другие семь предков. Но случилось так, что восьмой предок ступил на землю раньше седьмого, хозяина слова. Это событие возмутило седьмого предка настолько, что он превратился в змея и бросился обратно к ковчегу, чтобы завладеть

драгоценными зёрнами. И тогда кузнец посоветовал людям убить змея, съесть его тело и отдать ему голову. Заполучив голову, он зарыл её под камнем, который служил ему наковальней. И это означало, что седьмой предок умер, его тело было изжарено и разделено как тело змеи, подобно тому, как разделён внутри амбар и как разделены между предками зёрна. (=Осирис с колосьями). Между тем, догоны тайно верят, что седьмой предок не умер, ибо бессмертен, будучи потомком бессмертного Номмо.

Предки передали людям знание языка, ткачества, основ земледелия, кузнечного дела, научили искусству танца и музыки, определили нормы брака. По мере умирания каждого из предков, их божественное знание переходило к людям. Так происходило до тех пор, пока их не покинул седьмой предок и не вернулся в земную утробу, где он познал тайну «второго слова». Она была передана человеку посредством муравья (земная утроба уподоблена муравейнику), мудрость которого позволила людям выйти из дикого состояния и начать строительство жилищ. Благодаря силе, вышедшей из седьмого предка, человек обрёл суставы и возможность заниматься земледелием – познать «третье слово».

Фу-си и его сестра Нюй-ва переждали потоп внутри тыквы и вступили в брак, чтобы породить человечество. Основную роль в этом благородном деле сыграла Нюй-ва, создавшая первых людей из жёлтой глины. Далее, соединив мужчин и женщин, она заставила их самих продолжать свой род и возложила на них обязанности по воспитанию детей. Фу-си изготовил и передал людям рыболовную сеть, научил их охоте, использованию огня для приготовления мяса, искусству одомашнивания животных, а также целительству, музыке, основам письма, гаданию при помощи 8 триграмм – ба гуа, а также придумал сотню фамилий, которыми люди стали называть себя, и повелел, чтобы браки происходили у людей с разными фамилиями.

Следующим императором стал Янь-ди (букв. «повелитель пламени»), обычно называемый «богом солнца», Чи-ди («красный государь») или Шэнь-нуном. Изображался он в виде змеи с головой быка и лицом человека. Янь-ди научил людей сеять хлеба и собственным трудом добывать средства к жизни. При нём люди трудились сообща, урожаем делили поровну, и относились друг к другу, как братья и сёстры.

На смену Янь-ди пришёл «жёлтый государь» или «Небесный правитель» Хуан-ди. Ростом он достигал трёх метров, имел лик дракона с солнечным рогом, а также изображался четырёхликим и четырёхглазым, что позволяло ему одновременно наблюдать за всеми четырьмя странами света. Благодаря этому он был самым справедливым судьёй всех своевольных духов, по вине которых могли возникать кровопролитные ссоры.

Хуан-ди создал людей, разместив их глиняные статуи по сторонам света, где они, «насыщались» космической энергией в течение трёхсот лет, пока не обрели возможность передвигаться и говорить. Так появились различные расы на земле. Он передал им иероглифическую письменность, компас и гончарный круг, научил людей пользоваться топором, луком и стрелами, строить храмы, дома и города, научил отливать колокола, рыть колодцы, делать телеги и лодки и разводить шелкопряд. Он же установил социальный порядок и присвоил людям имена.

Чжуань-суй, чьё имя трактуется как «первопредок» или как «истинный человек», родился со щитом и копьём на голове, он изображался со

сросшимися ногами (или рёбрами). Говорят, что он умер, пребывая в облике змеи, но после потопа, превратился в рыбу и воскрес, став наполовину человеком, наполовину рыбой. Его ещё прозвали юйфу («рыба-женщина»). Он установил наказание за инцест, обучил людей счёту времени и ввёл социальный порядок на земле.

После того, как Хрейдмар получил выкуп золотом за своего убитого сына, два его других сына, Фафнир и Регин, потребовали от отца свою долю. Он не уступил, и тогда они убили отца ради золота. Завладев сокровищем, Фафнир изгнал Регина и, приняв облик змея, улёгся на золоте. Кузнец Регин выковал меч для Сигурда и подговорил его убить Фафнира. Отведав крови Фафнира, Сигурд уразумел язык птиц, которые рассказали ему о коварном замысле Регина убить его самого. Он сразил Регина и забрал себе золото Фафнира (скандинавский миф).

Мы также позволим себе привести миф науа, рассказывающий о похождениях четырёх братьев, объединённых одним родовым именем Тескатлипока («дымящееся зеркало»). Об их андрогинности нам ничего не известно за исключением двойного портрета Миктлантекутли и Тескатлипоки, на котором они изображены прижатыми спиной к спине. Взглянув на него, действительно можно представить их как единое двухголовое существо с четырьмя руками и ногами.

Необходимо отметить, что особо в мифе противопоставлены друг другу старший, Чёрный Тескатлипока и Белый Тескатлипока, более известный под именем Кецалькоатль («перистый змей»). Оба они изображаются как в человеческом облике, когда Чёрный Тескатлипока предстаёт хромоногим человеком без одной ступни со змеей в одной руке и копьеметалкой с дротиками в другой, так и в зооморфном облике, когда Тескатлипока изображается одетым в шкуру ягуара, а Кецалькоатль – в виде огромного гривастого змея, голова которого иногда заменена человеческой головой. В нашем пересказе мы будем придерживаться логики догонского мифа и порядка построения его основных тем.

Чёрный Тескатлипока однажды скрытно явился в Толлан, где соблазнил Кецалькоатля хмельным пульке. В результате тот опьянел и вступил в связь с собственной сестрой. Это событие вынудило Кецалькоатля покинуть тростниковый рай (Толлан этимологизируется как «камышовые заросли»), предварительно приказав зарыть свои драгоценности в тайных местах, и отплыть на восток на плоту из змей.

Что касается добывания огня, то причастность к этому Тескатлипоки не вызывает сомнений. Делает это он поистине с космическим размахом, поскольку для разжигания первого огня использует небесный свод, раскручивая его, подобно точильному камню, по оси Полярная звезда – гора Кольуакан, и при этом демонстрирует навыки высекания огня при помощи кремня. В дополнение к этому приведём фрагмент мифа, где он добывает огонь иным способом: «На второй год после Потопа, в год 2 Акатль, Тескатлипока поменял себе имя и превратился в Мишкоатля, что значит Облачный Змей. В этот год решил он устроить праздник в честь богов и для этого добыл огонь из палок, как они обычно делали. И был это первый случай, когда был добыт огонь с помощью инструмента, состоящего из палок, у которых есть сердце».

По поводу известной хромоногости Тескатлипоки добавим, что помимо Полярной звезды он устойчиво ассоциировался с созвездием Большой Медведицы, которое представлялось науа как изображение одноногого человека

или его оторванной ноги. В этом образе он, кстати, полностью соответствует Сету, который также идентифицируется с этим созвездием, названным Бычьей ногой и представляемым как оторванная Гором нога Сета. Известна также версия мифа, в соответствии с которой Сет был пленён и связан Анубисом и превращён в сидение для Осириса. По третьей версии тело его было расчленено и сожжено в огне. Анубис надел на себя шкуру Сета, на которой калёным железом выжег свой знак.

В заключение приведём миф, в котором рассказывается о центральной роли Кецалькоатля как создателя и благодетеля человечества.

С целью создания человека Кецалькоатль спустился за костями умерших в подземный мир и предстал перед его правителем Миктлантекутли. От него он получил разрешение забрать кости и, зная о переменчивом нраве брата, решил не мешкать и поспешить в обратный путь. Миктлантекутли, тем временем, желая задержать Кецалькоатля, повелел своим слугам выкопать яму, чтобы не дать брату выбраться на свет божий. Неосмотрительный Кецалькоатль замертво рухнул в яму, а все кости, которые он нёс с собой, переломались и смешались. Но, как оказалось, Кецалькоатль не погиб, а смог довершить свою работу, смочив своей кровью размолотые в муку кости прошлых людей.

После того, как благодаря усилиям Кецалькоатля им было создано новое поколение людей на земле, боги озаботились тем, чтобы обеспечить их пропитанием. Приступив к выполнению этого задания, Кецалькоатль встретил красного муравья, в челюстях которого обнаружил зёрнышко кукурузы. Он уговорил его показать дорогу к зернохранилищу, «Горе нашего пропитания», куда, в конце концов, и проник, превратившись в чёрного муравья. Оттуда он вынес с собой несколько зёрен, которые передал богам с тем, чтобы они передали их людям и научили их выращивать кукурузу для собственного пропитания.

Он также установил первое жертвоприношение, определил время постов и молитв, научил людей строительству, письменности, ювелирному делу, календарю и астрономии.

Г. После высадки восьмерых предков Номмо превратился в коня, поволок ковчег по земле к озеру и спустил его на воду.

Брахма предупредил Ману о грядущем потопа и необходимости построить корабль, явившись к нему в облике маленькой рыбки. Ману взрастил рыбу, пересаживая её из кувшина в пруд и далее в море по мере её роста. Когда начался потоп, Брахма-рыба появился у берега, взял корабль Ману с семью мудрецами на борту на буксир и привёл к горе Хималая. Покидая Ману, рыба предупредила его, что спускаться с горы надо будет постепенно, по мере спада воды (индийский миф).

Теперь представим небольшой обзор, касающийся природы первопредков, который мы сделаем на материале самых разнородных традиций.

К числу ихтиандров можно с уверенностью отнести пришельцев, о которых упоминает догонская традиция. Спустившиеся с небес в ковчеге номмо анагонно (букв. «рыбочеловеки») представляются в виде полулюдей-полузмей с туловищем человека и змееподобными конечностями, которых насчитывалось всего шестнадцать: восемь верхних и восемь нижних. Пришельцы были необычайно крупными «рыбами по природе», то есть могли свободно дышать в воде. Иногда человеческую голову у номмо могла заменять рогатая

баранья голова, в связи с чем на память тут же приходит образ древнеегипетского Амона. Вместе с тем, у нас есть основания полагать, что номмо были также способны проводить некоторое время на суше и как-то передвигаться, несмотря на их неприспособленность для этих целей конечности. Об этом в частности говорит описание фоморов в ирландской традиции, которых представляли не иначе, как одноногих существ, что указывает на их змееподобный облик (ср. имя главного из божеств в мифах йоруба Ologun и йоруб. *alajerun* «червь»). Возможность сухопутного передвижения эти существа могли получить за счёт таинственной «медной сандали», которая по описаниям изрыгала пламя во время движения. Известно также, что в качестве транспортного средства «хромоногие» номмо использовали своих двуногих слуг, переносивших их на своих плечах. Уж не родственника ли номмо мы находим в лице хромого Анхиса, которого Эней на плечах выносит из захваченной Трои, или Гора, которого несёт на руках Исида, или Видара с его башмаком-протезом или хромоногую Дионису? И почему так часто хромота поражала божественных кузнецов, в частности, Вулкана и Гефеста? Известно, кстати, весьма любопытное изображение последнего, сидящим на некоем подобии инвалидного кресла с крыльями, из задней части которого выходят тела змеи и рыбы. Определённые проблемы с ногами помимо Гора были и у богов Египта. Так с обёрнутыми, как у мумии, ногами, то есть по сути «одноногими» изображались боги Осирис и Птах. Если мы теперь обратим внимание на внешний вид некоторых богов соседствующего с донами Египта, то легко обнаружим среди них «русалку» Серкет, «сирену» Гора, Хаухета или Хекет. Об изначально зауроморфном облике бога-создателя Атума можно судить по его изображению в виде оседлавшего змея человека и на основании ссылки на его возвращение в океан (Нун) под конец мирового цикла в облике змея. Обращает на себя внимание и традиционное изображение тела Осириса, будто покрытого чешуёй, а также фигурка рыбы, которую иногда можно увидеть на голове Исиды. Точно так же с рыбой на голове изображается и предполагаемая ипостась Исиды – богиня Хатмехет («Первая среди рыб»), которая в одном из вариантов мифа помогала вдове собирать разбросанные части тела убитого Осириса. И, конечно же, апофеозом миксантропизма Осириса и Исиды может служить бронзовая статуэтка, представляющая их в виде пары змей с человеческими головами со сплетёнными между собой хвостами – точь-в-точь, как сплетены змеиные тела китайских богов Фу-си и Ньюйва.

На земноводную биологию богов недвусмысленно указывает и гермопольская теогония, о которой мы практически ничего не знаем за исключением имён и облика восьмёрки богов Гермополя. Это четыре пары божеств, олицетворяющих собой метафизические стихии или элементы мироздания, в лице Нуна/Наунет (первозданного океана), Хуха/Хаухет (бесконечного пространства), Кука/Каукет (мрака) и, наконец, Амона/Амаунет (воздуха), изображённых с телом человека и головами лягушек и змей.

Очень близок к номмо портрет Тифона, более напоминающего осьминога, чем что-либо другое. Достаточно похожи на номмо и существа с отверстиями вместо носа и змеевидными щупальцами вместо ног, упоминаемые древнегреческим историком Мегасфеном в его этнографическом очерке древнего Индостана.

Память о просветителе-ихтиандре сохранилась у целого ряда ближневосточных народов, включая финикийцев, аккадцев и угаритян, которые называли его соответственно Дагоном, Даганом и Дагану, именем, однозначно

указывающим на его ихтиологию (ср. зап.-семит. *dag-* «рыба»). Обращает на себя внимание и такие весьма значимые эпитеты Дагона как Дангир-Муш («бог-змея») или «Величественная рыба». Не будет преувеличением сказать, что особого почитания людей Дагон удостоился за передачу людям знаний о земледелии: он изобрёл плуг, научил людей сеять зерно и печь хлеб. Филлистимляне же почитали его в первую очередь как своего верховного бога и верховного главнокомандующего, что подчёркивалось его связью с грозной воительницей Астартой. Эта ближневосточная богиня также обнаруживает природу амфибии, так как изображалась в виде русалки, оставаясь в типологическом и, надо понимать, биоморфологическом родстве с ближневосточными Иштар (Ашторет), Исидой, Сехмет, Тиннит, Анат, Баалат-Гебал, Деркетой и Атаратой (сирийской Атаргатис), а также добавившимися к ним в греко-римский период Афродитой и Венерой.

Интересно, что целый ряд имён этой богини (Астарта, Ашторет, Иштар, Афродита, Атарата, Атаргатис) указывает на её звёздное происхождение или на связь со звездой, причём не трудно догадаться с какой именно. Обращает на себя внимание и весьма крепкий звёздно-морской «коктейль» в именах кельто-германских богинь Морриган, Морганы и Морген. Дело в том, что каждое из этих имен может этимологизироваться как «рождённая морем», и каждая из этих одновременно воинственных и сексапильных богинь оказывается непосредственным образом связанной с Венерой (Утренней звездой). Тот же самый «морской» корень обнаруживается и в имени такого бога, как Мардук (Меродах), ведущего свою генеалогию от известного нам морского пришельца Эйи (Оаннеса).

К земноводным по своей природе существам можно причислить и Вяйнямёйнена – центрального героя и демиурга карело-финского мифа. Он обитает в первозданном мировом океане (его тотемом является осётр), строит первую (каменную) лодку и он же дарит людям сети для рыбной ловли. Однажды его лодка застревает в хребте гигантской щуки в результате чего у Вяйнямёйнена появляется возможность создать из хребта рыбы струнный инструмент – кантеле. Его игрой и пением наслаждаются звери и птицы и сама Хозяйка воды.

Удивительно, но прояснить гермопольскую космогонию и главенствующую роль бога Тота (ср. с именем змея Тааута в финикийской традиции) в ней нам позволит космогонический миф африканского народа фульбе. В нём процесс мироздания рисуется как игра змея Тяянабы на флейте перед глиняным горшком. В этом нет ничего особенного, если бы не любопытный эзотерический комментарий, представляющий горшок как символ земли, воду в горшке – воды, свет, идущий из горшка – огня, а дыхание змея – воздуха. Что же касается игры Тяянабы на флейте с семью отверстиями, то она, оказывается, представляет собой метафору процесса разворачивания мира (мировых сфер) и творения всего сущего. То есть змей Тяянаба в этом смысле может вполне соответствовать египетскому богу Тоту, а горшок, вода, дыхание и свет – четырём парам гермопольских богов или олицетворяемым ими элементам космоса.

Характерно, что по окончании каждого космического цикла Тяянаба возвращается в воду, как это делает египетский змей-творец Атум или индийский змей Шеша-Ананта, символизирующий собой бесконечность. Неудивительно поэтому, что практически повсеместно Змей выступает как носитель и хранитель знания, преграждающий доступ непосвящённому к

эзотерическому корпусу традиции. Напомним, что традиция, помимо космогонических функций наделяет этих змеев ещё целым рядом необычайно важных, гносеологических свойств. К ним относятся функции бога-создателя и демиурга (мира, человека, науки и культуры, письменности), владыки и покровителя (например, созвездия, звезды, планеты, нижнего мира, воды, других стихий, змей, рыб, плодородия, жречества), установителя (законов, правопорядка, экзогамии и прочих морально-этических норм), хранителя-дарителя (бессмертия, долголетия, разума, знания, клада, богатства, улова), сурового судьи, который наказывает разорением земли, потоплением кораблей, похищением женщин, войнами, эпидемиями и прочими бедами. Кстати, Кайдара, бог знания у фульбе, предстаёт в виде опять-таки змееногого старика.

Нельзя не упомянуть в этой связи и об обитающим в озере Титикака вместе с русалками демиурге Тунупе (один из эпитетов Виракочи), заронившем зерно цивилизации в созданных им первопредков. В соответствии с легендами обитающих в районе озера Титикака индейцев урос появившиеся там небесные пришельцы мало чем отличались от рыб. На берегу озера и сейчас можно увидеть двойника Оаннеса/Дагона в виде двухметровой статуи человекоподобного существа, бедра которого покрыты орнаментом в виде рыбьей чешуи, а на поясе изображены стилизованные ракообразные.

Не забудем, что само это озеро оказалось ещё и своеобразной колыбелью инков. Как следует из этногонической легенды, предки инков – Манко Капак и его сестра Мама Окльо – основали город Куско на глубине озера, который они покинули... чтобы создать его «город-побратим» теперь уже на суше в нескольких сотнях километров на северо-запад от озера. Новый Куско они должны были основать там, где чудесный жезл Манко Капака полностью уйдёт в землю. Этих странных земноводных предков инков в общей сложности насчитывалось, кстати, опять-таки четыре пары.

В другой версии мифа бог солнца Инти (Апу Пунчау) отправляет на Землю группу из восьми братьев и сестёр, включая Манко Капака и Пачакамака. Все они выходят из пещеры Пакаритамбо («Обитель порождения»), неся с собой золотой жезл тапак-яури («царский скипетр»).

Кстати, Гарсиласо де ла Вега приводит любопытную, совсем уж уфологическую деталь этой истории, где предки инков выходят не из воды, а из трёх «окон», ещё и украшенных листьями из золота:

«Они (индейцы) говорят, что при возникновении мира из неких окон в скалистых горах, расположенных рядом с городом [Куско], в месте, которое называется Паукар-тампу, вышли четверо мужчин и четверо женщин; все они были братьями и сёстрами, а вышли они из среднего окна – всего их было три, – которое назвали королевским окном; по этой легенде то окно было украшено со всех сторон огромными листьями золота и множеством драгоценных камней; боковые же окна украсили только золотом без камней. Первого брата звали Манко Капак, а его жену Мама Окльо; говорят, что он основал город и он же назвал его».

И что уж говорить о змеином облике Тескатлипоки, Кецалькоатля, Коатликуэ, Тлалока, Мишкоатля («облачного змея») и ряда других богов науа. Мало чем отличаются от них своим видом и боги майя, среди которых выделяются змееподобные Кукулькан («пернатый змей») и Ицамна («дом игуаны»). Кукулькан принёс майя письменность и календарь, учредил культы и обучил их навыкам рыболовства. Известно весьма характерное изображение

Ицамны Кавиля в виде мужчины, одна нога которого заканчивается длинным извивающимся телом змеи. В этом он копирует облик Тескатлипоки, одна нога которого вместо ступни оканчивается... двуглавой змеей. Важно также, что Ицамна не просто гибридное существо, а ещё и демиург, и просветитель майя, как Энки для шумеров или Эйя для вавилонян. Он – создатель этого мира и он же великий целитель, способный воскрешать людей, изобретатель письма, знаток и покровитель всех наук и искусств.

Удивительное, отнюдь не случайное, на наш взгляд, совпадение обнаруживается в иконографии сразу трёх богов в различных традициях: Кецалькоатля, Атума-Ра и Вишну. О первом из них говорится, что из Толлана он удалился на плоту из змей в страну Тлилан-Тлапаллан. Что это за странный катамаран – «плот из змей»? А между тем, на морском змее спокойно путешествует Атум-Ра, а также, будто подражая ему, на семиглавом змее удобно возлежит бог Вишну.

Совершенно определённо говорит о змеином облике своих богов и предков китайская традиция. К их числу, в первую очередь, относится Паньгу, у которого, как рассказывает древний текст «Куан бо у чжи», была «голова дракона и туловище змеи». К отряду рептилоидов также принадлежат брат и сестра Фу-си и Ньюва, часто изображавшиеся с человеческими туловищами и змеиными хвостами. Кстати, само значение слова «Ньюва» трактуется как «женщина-лягушка», то есть водяная. Неудивительно, что в Древнем Китае лягушка считалась символом долголетия и бессмертия, присущего, в первую очередь, богам. Также известны изображения Хуан-ди с телом змеи.

О значительном портретном сходстве с богами-пришельцами мы можем говорить и в случае с китайскими лун-драконами, потомками которых обитатели Поднебесной до сих пор себя называют. Как можно судить по наиболее распространённым изображениям дракона, средой его обитания является море, из вод которого он взмывает ввысь, или воздушная стихия, где дракон часто изображается играющим с жемчужиной. Прототипом дракона в Китае следует считать змееподобное существо лун, названное в древнем трактате «Гоюй» «живущим в водах чудесным созданием». По облику своему оно действительно мало отличается от морского змея, разве что наличием лап. Его туловище покрыто чешуёй, по хребту идёт ряд острых зубцов, шея, как у змеи, брюхо, как у ящерицы. Голова у него собачья, верблюжья, либо конская с рогами и длинными усами. Отдельно нужно сказать и о Линъюе («холм-рыбе»), представленном в виде существа с телом рыбы, но с ногами, руками и головой человека. Возможно, что именно к нему имеет отношение китайское предание о происхождении первых императоров («посланников неба») от союза женщины и дракона.

В традиции батаков (Суматра) мы находим любопытный миф, рассказывающий о небожительнице по имени Сидеак Паруджар, которую её отец принуждает выйти замуж за ящерообразного Туан Рума Ухира. Пытаясь избежать этого брака, невеста бежит из верхнего мира в пока ещё безжизненный, покрытый водой срединный мир. Пылкий рептилоид, однако, находит беглянку и, изменив свой облик на гуманоидный, женится на ней. От их брака, разумеется, и пошли первые люди.

Знает об изначально змеиной, гибридной природе своих древних и, казалось бы, на первый взгляд вполне антропоморфных богов и индоевропейская традиция. Это в первую очередь Тифон, изображаемый с весьма характерными крыльями и змеями вместо ног, и, надо полагать, также и все остальные

титаны, как это видно на изображении некоего «атланта» или гиганта со змееподобными ногами. Если полюбозытствовать, например, кого именно изображают рыбы соответствующего знака зодиака, то окажется, что это никто иная, как «пенорожденная» Афродита и её сын Эрот.

Неожиданно свою принадлежность к «ихтиозаврам» обнаруживают и такие, на первый взгляд вполне антропоморфные персонажи как скандинавский Локи, осетинский Сырдон, индийский Вишну. Так Сырдон появляется среди нартов, придя из подводного мира (его отец – Гатаг, осетинский Нерей), да и живёт он, как выясняется, за пределами селения нартов в расположенном где-то «под мостом» потайном доме. Достаточно вспомнить его превращение в выдру или неудавшуюся попытку укрыться от преследования асов в водопаде в теле лосося. Вишну и вовсе является в этот мир (реинкарнирует) в теле рыбы: ср. русск. *пра-щур* «предок», др.-русск. *ящерь*, лтш. *škįrgata* «ящерица», блр. *ящер* «жаба», русск. диал. *щур* «червь».

К классу «ихтиозавров» могут быть в полной мере отнесены и фоморы ирландских мифов. Сколь-нибудь вразумительного описания этих существ, а тем более изображения, к сожалению, не сохранилось – имеются лишь постоянные ссылки на их странную одноноготь и одноглазость, что позволяет говорить и о них как о рептилоидах.

Не забудем и об индийских нагах – загадочной расе гибридных существ со змеиным туловищем и одной или несколькими человеческими головами. Индийские предания единодушны по поводу места обитания нагов, которым является исключительно подводный мир (патала) со множеством подводных городов, самым выдающимся из которых является их столица Бхогавати. В его центре высится сложенный из драгоценных камней дворец царя нагов Васуки. В традиции наги представлены великими мудрецами и волшебниками, способными возвращать жизнь умершим и менять по желанию собственный облик, в то время как нагини прославились своей красотой, сводившей с ума сухопутных царей и героев.

Центральное положение занимают рептилоиды и в японской традиции. Так, первая пара богов, Идзанаги и Идзанами, рождает отнюдь не человекоподобное потомство. Первый их сын не имел конечностей и был, как и китайский Фу-си на некоторых своих изображениях, «подобен пиявке». Помимо головоногих упоминает японский миф и о моллюсках, к которым без особых сомнений можно отнести двух носящих говорящие имена небесных дев (Кисагаи-химэ, «Раковина с зубчатыми краями» и Умуги-химэ, «Моллюск»), которые были отправлены на Землю со спасательной миссией вернуть к жизни погибшего божественного правителя страны Идзумо по имени Окунинуси.

Исследуя космогонические мифы и сравнивая их между собой, мы обнаружили целый ряд интересных соответствий, ключевым среди которых является проработка темы зародыша. В догонской традиции эта тема поднимается дважды: сначала Амма моделирует мир с помощью знаков, находясь в середине протокосмического яйца, а затем Номмо моделирует земной мир, прибыв на Землю внутри уже упоминавшегося нами «Великого ковчега Господина чистой Земли». О том, как «яйцо Аммы» и «ковчег Номмо» соответствуют друг другу, мы и поговорим далее.

Прибывший на Землю ковчег заключает в себе целый ряд символов. Прежде всего, он символизирует собой мир как систему, является его моделью и классификатором всех его обитателей. Ковчег Номмо представляет собой модель амбара, предназначенного для хранения урожая, и одновременно муравейника, следуя которой люди должны будут строить жилища после выхода из своего подземного обиталища. Наряду с этим ковчег – это прототип веретена, на которое ткач наматывает нить, это символ мужского начала и это молот, ударивший по земле, словно по наковальне, символизирующей всё женское. Это, наконец, женская половина тела кузнеца, который, как и остальные семь предков, является андрогином.

Прокомментируем эти догонские системные соответствия, воспользовавшись лексикой самых разных языковых семейств и методом фоносемантической комбинаторики. Отправной точкой для нас послужит одна-единственная корневая морфема, транслитерировать которую мы как сторонники «значимого консонантизма» могли бы в виде простой формулы *-g/k/h-r/l-, где прочерком обозначим любую гласную фонему, включая и нулевую. Причиной, по которой мы выбрали именно эту морфему, является спектр её значений от «разделять, разрезать, дифференцировать» до «связывать, обозначать, называть»: ср. и.-е. **ger-/*ker-/*kel-* «издавать звуки, кричать, звать, называть, обозначать; гореть, жечь, резать, ранить, разделять; крутить, плести, окрашивать; скрывать, сохранять». Добавим сюда и важное для нас её «ключевое» значение: ср. ст.-слав. *ключь*, серб. *кључ*, чеш. *klíč*, в.-луж. *kluč*, греч. *κλήϊς*, *κλάζ* «ключ», лат. *clāvis*, ирл. *eochair*, алб. *çelës*, лит. *klavišas*, марат. *killī* «ключ», венг. *kulcs*, казах. *кiлт*, монг. *гол*, узбек. *kalit* «ключ».

Начнём с того, что, что постараемся описать внешний вид ковчега, и напомним, что имеем дело с достаточно специфической архитектурной формой в виде гибрида конуса в основании и усечённой четырёхгранной пирамиды в его верхней части с четырьмя вертикальными лестницами на каждой из четырёх граней. Любопытно, что ни один из известных нам архитектурных памятников на Земле эту модель в полной мере не воспроизводит – ближе всего к ней стоят вавилонские зиккураты, некоторые называемые виманами (небесными повозками) индийские храмы и пирамиды майя, в которых в середине каждой грани располагаются четыре ступенчатые лестницы. Отметим при этом, что усечённые пирамиды майя, в отличие от египетских, например, выполняли роль храма, располагавшегося, как в случае с пирамидой Кукулькана, на верхней квадратной площадке и одновременно являвшегося восьмой ступенью или этажом пирамиды. Если же вавилонская башня действительно имела конусообразную форму, как её часто изображают, то и она могла бы копировать ковчег Номмо наряду с увенчанными пирамидами буддистскими ступами.

Поскольку термин пирамида в архитектурном и геометрическом смысле был импортирован в подавляющее большинство языков, мы обратились к языкам, которые для обозначения пирамиды используют собственное слово. В результате обнаружили араб. *haram*, сомали *ahraam*, узб. *ehrom*, чеш. *jehlan* с общим значением «пирамида», которые позволяют установить несколько уровней фоносемантических соответствий. Первый из них представляет собой уровень геометрического соответствия: ср. венг. *gula* «пирамида», др.-англ. *hyll* «холм», др.-сев. *hallr* «камень», гот. *hallus* «скала», исл. *keila*, тур. *küllah* «конус», греч. *κολώνη* «холм, курган», *κόλλιζ* «хлеб круглой формы,

каравай», др.-сев. *kliff* «скала», др.-англ. *clott* «круглая куча, ком», нидер. *kloot* «мяч», англ. *cleat* «клин», русск. *колобок*, *клубок*, лат. *scrinium* «круглый ящик для хранения бумаг», а также греч. *χορός*, русск. *коло*, др.-англ. *hring* «кольцо», лат. *glo-bo* «округлять», *cir-cus* «круг», но болг. *каре*, хорв. *skver*, валл. *sgwâr* гудж. *cōrasa*, курд. *çarqozî*, лтш. *skvērs*, нидер. *carré*, порт. *anguloso* «угловой, квадрат», тадж. *гул-гаум* «квадрат».

Второй уровень соответствий можно назвать географическим: ср. русск. *гора*, санскр. *giriṣ*, авест. *gairi* «гора», русск. *холм*, др.-сев. *holmr* «островок в заливе», др.-англ. *holm* «возвышенность, остров», греч. *κολωνία* «колония, поселение», чеш. *chlum* «холм», а третий причислить к соответствиям архитектурного свойства: ср. греч. *καλιά* «хижина», тур. *kule* «башня», *kale* «крепость», араб. *qalea* «замок», бенг. *kēllā* «крепость», греч. *χάραξ* «кол, частокол, крепость», лит. *kuoras*, валл. *caer* «башня», ирл. *caisleán*, монг. *хапи*, сомали *qalcad*, судан. *karaton*, чеш. *hrad* «замок»; синг. *kuḷuṇa*, малай. *kuil*, *keramat* «храм», судан. *kuil*, тамил. *kōyil caṇṇiti* «храмовый алтарь», лат. *culmen* «кровля, дом, жильё», *sacellum* «святилище», *sacrum* «священный предмет, обряд, таинство», араб. *ḥarām* «женская, запретная для гостей часть дома», хетт. *karimmi*, венг. *halánték*, др.-анг. *hearg*, англ. *shrine* «храм», др.-сакс. *kirika*, др.-сев. *kirkja* «церковь», греч. *κῆριακός* «господний», *κῆριακόν ὄμο* «дом господа».

Но это всего лишь поверхностный взгляд на ковчег. Нас, конечно же, более интересует функциональная сторона дела. Если мы снова воспользуемся нашим кодовым словом, то сразу же увидим, что ковчег представляется как универсальное транспортное средство. И нет ничего удивительного, если язык уподобляет прилёт ковчега на Землю прилёту гигантской птицы: ср. догон. *koro na* «великий ковчег», ирл. *gorm* «сокол», букв. «громовая птица», лат. *aquila* «орёл», алб. *gjel*, лтш. *gailis* «петух», венг. *golya* «аист», лит. *sakalas*, русск. *сокол*, *гуля*, *голубь*, ирл. *colm*, лат. *columba*, венг. *galamb* «голубь». Одновременно с этим, поскольку при приземлении ковчега образовалась громадная воронка, которая затем наполнилась водой и превратилась в озеро, его вполне можно сравнить и с водоплавающей птицей: ср. монг. *галуу* «гусь», валл. *gwylan*, брет. *goelann*, греч. *γλάρος*, лит. *kiras* «чайка», арм. *karap*, валл. *halarch*, лит. *gulbė* «лебедь».

Отсюда вытекает представление о ковчеге как о громадном воздушном корабле-амфибии, к которому неплохо было добавить описание его конусообразной формы: ср. др.-инд. *car* «ходить, странствовать», *cal* «двигаться, перемещаться», лат. *curro* «бежать, течь, плыть, лететь», бенг. *cālāna* «бежать, ехать», но тох. а *kolam* «корабль», ст.-англ. *keel* «лодка, баржа», санскр. *carūṣ* «сосуд, горшок», др.-исл. *huerr* «котёл», др.-ирл. *carr* «двухколёсная повозка»; лит. *skristi* «летать», *sklandyti* «парить, скользить в воздухе», др.-англ. *glidan* «ровно и плавно двигаться, скользить», но англ. *shell* «раковина, скорлупа», *hull* «скорлупа», но также «корпус корабля», *hold* «трюм», и.-е. **kel-* «лодка, корабль», др.-в.-нем. *kiel*, *scalm* «корабль», русск. *челн*, лат. *carīna* «половина ореховой скорлупы; днище судна, корабль», греч. *κοῖλος* «выдолбленный, пустотелый, вместительный», *κοῖλη* «кузов, трюм корабля»; нем. *Klippe* «утёс, скала», но *Klipper* «парусник, воздушный лайнер», лат. *corpus* «остов, кузов», русск. *короб*, *скорлупа*, болг. *коруба* «скорлупа, дупло», чеш. *krb* «очаг», *korab* «корабль», *krban* «голубятня», араб. *qārib* «лодка, корабль», греч. *καράβιον*, *κάραβος* «судно», лат. *corbita* «грузовое судно», порт. *caravela*, «парусный корабль».

Но не будем забывать об основном предназначении ковчега — служить вместилищем для хранения и транспортировки вещей или живности,

начиная с корзины *tazu*, которая со слов Оготемелли представляет собой точную модель ковчега Номмо (ср. лит. *krėpšas* «корзина, торба», нидер. *krat*, лат. *corbis* «корзина», др.-исл. *hríp* «корзина», *kjarnicrātis* «плетёнка»), мешка или сундука (ср. русск. *куль*, лтш. *kule* «мешок», польск. *kuł* «связка, невод», чеш. *krbec* «футляр для точильного бруска у косаря», лит. *kařbas* «короб», др.-англ. *scrin*, лит. *skrine* «ковчег, сундук, ларец», лат. *claustrum* «хранилище, клетка, база», фр. *cloistre* «монастырь», ст.-русск. *скрин* «ларец, сундук», чеш. *skříně* «шкаф», фр. *écriin* «лавка, бочка», лтш. *šķirsts* «ковчег») и кончая повозкой (ср. исл. *kerra*, суахили *gari*, валл. *carr*, *gert*, *cert*, др.-англ. *cræt*, венг. *kordé*, болг. *кола*, чева *ngolo* «повозка, колесница»).

Теперь перейдём к вопросу о внутренней организации ковчега вне зависимости от того, представляется он трюмом корабля, грузовым отсеком воздушного лайнера или просто временным складом для всего того, что боги собирались использовать на Земле.

Как и любое складское помещение, ковчег должен быть соответствующим образом организован. Лучше всех в этом вопросе осведомлены догоны, когда говорят о его 60 отсеках, разделённых на четыре секции по 15 «кают» на каждого из четырёх предков, в которых доминирует мужское начало. В этих 60 секциях хранятся «зёрна» всего того, что в принципе было создано Творцом и существует. Одновременно эти секции соответствуют 60 категориям, которые позволяют дифференцировать и систематизировать всё существующее в мире.

Но самым удивительным является знание догонов о том, что по прибытии на Землю, ковчег был разгружен всего лишь на треть, поскольку главный кладовщик разрешил открыть ворота лишь 22 отсеков, содержимое которых имело исключительно земное предназначение. Не менее удивительно и то, что догоны уверенно сообщают, что содержимое остальных отсеков будет раскрыто человеку позднее, когда придёт время. Они даже знают, как будет происходить открытие этих тайных отсеков: «сначала медленно и незримо, будто в тумане, но потом ускоренно, подобно проливному дождю и порывам ветра».

А вот, что об организации ковчега нам рассказывает язык. Мы можем наблюдать, что наша ключевая морфема наряду с обозначением ковчега как хранилища вообще и зернохранилища в частности (ср. бенг. *cālā-ghara*, *gōlā*, суахили *ghala* «кладовая», *ghalani*, хинди *khali-haan*, греч. *κῆλιᾶ*, порт. *celeiro* «зернохранилище», русск. *клеть*, *клетка*, *склад*, *кладовая*, болг. *клет* «погреб», серб. *клијет* «чулан», лит. *klėtis* «кладовая», исл. *hlāða* «амбар, стог»), использует свой арсенал значений также для того, чтобы обозначить все внутренние помещения, включая залы, коридоры, галлерей, входы и выходы: ср. бенг. *calācala* «движение, путешествие», греч. *σκολιός* «извилистый», лат. *curro* «проходить, бежать, ехать, плыть, лететь», др.-инд. *cala* «дом, зал», валл. *gell*, лат. *cella* «коморка, кладовая», др.-ирл. *cuile* «чердак», др.-англ. *hol* «нора, пещера», др.-сев. *höll* «зал», гот. *halja* «преисподняя», нидер. *hal*, др.-сев. *höll* «зал», алб. *hyrje*, маратхи *śirakāva* «вход», алб. *kalim* «перекресток, проход», лтш. *ceļš*, лит. *kelias* «дорога, проход», греч. *κρυπτή* «скрытый проход, тайник», исп. *cruce*, лит. *kryž-kelė* «перекрёсток», сомал. *galo*, узбек. *kirish* «вход», фин. *kulku* «проход».

Особое внимание привлекают лестницы и галлерей, но не столько как элементы архитектурных конструкций, сколько благодаря их функциональной роли в организации пространства и обеспечении межуровневых связей,

переходов с одного уровня на другой. Другими словами, лестница с её ступенями представляет собой идеальный символ иерархии. Всё это немедленно находит отражение в расширении арсенала значений нашей универсальной морфемы до таких логистических понятий как мера, измерение, учёт и регистрация: ср. лат. *gradus* «шаг, ход, движение, положение, ступень, ярус, ряд, степень, звание, ранг», гот. *grid* «шаг, ступень», англ. *grid* «сетка, сеть, система», лат. *scala* «лестница», *caulae* «отверстия, проходы, загон, хлев», малай. *gela-dak*, лтш. *klājs*, нидер. *kaarten* «палуба», фин. *kerros* «слой, уровень, этаж», исл. *hlið* «ворота», ст.-англ. *holl* «трюм», англ. *shelf* «полка», др.-сев. *skjölf* «скамья», др.-русс. *скалы* «весы, чашка весов», др.-сев. *skal* «весы», валл. *hela-ethder*, телугу *kolata*, мальт. *ikejlu* «мера, размер», непали *ākāra* «размер, мера, количество», арм. *k'ayl*, фин. *askel*, исл. *skref* «шаг», ирл. *cláruí* «реестр», лит. *keli* «несколько».

Системная организация ковчега Номмо прекрасно может быть проиллюстрирована совокупностью значений латинского слова *corpus*: «семенник, яички; сущность, ядро, основное вещество, элемент, атом; тело, плоть, живое существо, личность, человек, труп; рост, цвет кожи; вещество, материя, древесина; остов, корпус, кузов; община, сословие, цех, корпорация, собрание; общая сумма, масса, единое целое, стройная система, свод (правил, законов)».

Полноценный склад невозможно представить себе без наличия в нём системы инвентаризации, и мы сомневаемся в том, что ковчег Номмо, учитывая многообразие единиц хранения, мог бы без неё обойтись. Каждая ячейка, каждый ящик или полка должна была иметь соответствующую надпись для обозначения предмета хранения: ср. др.-сев. *skor* «метка, зарубка, трещина», др.-сев. *skarð* «порез, трещина», др.-русс. *скри-жаль* «каменная плита с надписью»; греч. *κόλλησις* «насечки, инкрустирование», греч. *γράφω* «царапать, рассекать, чертить, писать, предписывать, сочинять, твёрдо запоминать что-либо», *γράφίς* «вышивка, шитьё», *κλῆρία* «долговая запись», кельт. *chlār* «запись», фр. *cliché* «клише, трафарет», греч. *χάραγμα* «знак, отпечаток, клеймо, тавро; изображение, начертание, письмо; монета, деньги», *χάρτης* «хартия, лист папируса», санскр. *kharosthī* «название древнейшей индийской письменности», йоруба *akole* «надпись», фин. *kylki* «лицо, ребро», *kirjata* «учётная запись», араб. *khulasa* «конспект, сущность, вещество». Но если так, то на этом складе должен был существовать каталог и гроссбух: ср. англ. *grade* «помечать буквой, знаком», *γράμμα* «черта, линия; рисунок, знак, буква, цифра, нота, алфавит, письменность, надпись, письмо, перечень, список», исл. *skrá* «каталог, реестр, список», арм. *girk'*, фин. *kirja* «книга», арм. *gradaran*, бенг. *granthāgāra* фин. *kirjasto* «библиотека».

